

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

5

1974

<i>Димитр Жулев</i> (НРБ). По пути социализма и прогресса	3
<i>Р. П. Гришина</i> . Политическая обстановка в Болгарии весной — летом 1945 года	9
<i>Е. П. Пугач</i> . К 30-летию Словацкого национального восстания	26
<i>Л. В. Лойко</i> . Рост рядов польского рабочего класса в годы социалистической индустриализации страны (1950—1960)	35
<i>Б. Н. Билунов</i> . К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати	48
<i>И. Свирида</i> . К характеристике понятия «национальная художественная культура»	60
<i>Карел Горалек</i> (ЧССР). Ян Гебауер как теоретик чешской грамматики.	69
<i>Ж. И. Ходова</i> . Лексико-грамматические разряды и грамматические единицы существительного в старославянском языке	74

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Л. С. Кишкин</i> . Письмо советской писательницы к Алоису Ирасеку	89
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>М. Власова</i> . Литературоведение социалистической Польши о Дыгасинском	91
<i>Т. И. Комкова</i> . М. Магко. Сierne na bielom	95
<i>И. И. Костюшко</i> . В. М. Зайцев. Социально-сословный состав участников восстания 1863 года (Опыт статистического анализа)	97
<i>Казимир Лицкевич</i> (ПНР). W. i R. Śliwowscy. Aleksander Herzen	98
<i>М. М. Фрейденберг</i> . М. Спремий. Дубровник и Арагонци (1442—1495)	100

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

М. А. Момина. Theodor Lewandowski. Das mittelniederdeutsche Zwiegespräch zwischen dem Leben und dem Tode und seine altrussische Übersetzung 102

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1973 г. (продолжение) 105
Содержание иностранных журналов 116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. А. Богданова. Симпозиум по проблеме формирования национальных культур 119
В. Г. Карасев, М. М. Сумарокова. Комиссия историков СССР и СФРЮ 122
Ангел Наков (НРБ). Защита докторской диссертации болгарским ученым 123
В. И. Злыднев. Славянские культуры и Балканы 124
Н. И. Толстой. Памяти И. И. Ревзина 126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. ВЭЛЗА, Л. В. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШИМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

ДИМИТР ЖУЛЕВ,

Чрезвычайный и Полномочный Посол НРБ в СССР

ПО ПУТИ СОЦИАЛИЗМА И ПРОГРЕССА

9 сентября 1974 г. исполнилось 30 лет социалистической революции в Болгарии. В сентябре 1944 г. наш народ под руководством Болгарской коммунистической партии поднялся на вооруженное восстание и с решающей помощью Советской Армии сверг монархо-фашистскую диктатуру. 9 сентября — первый день новейшей истории Болгарии, день, который стал переломным моментом в ее развитии, ознаменовал переход к социалистическому общественному строю. «Революция 9 сентября 1944 г. ..., — говорил тов. Тодор Живков, — увенчавшаяся победой благодаря решающей помощи Советской Армии, открыла Болгарии путь к социализму».

К этой исторической победе болгарский народ пришел после долгих лет революционной борьбы против нищеты и жестокости капиталистической эксплуатации, за демократическое развитие и социальный прогресс. Под руководством Болгарской коммунистической партии, воспитанной Димитром Благоевым и Георгием Димитровым в духе верности марксизму-ленинизму, боевым традициям пролетарского интернационализма, болгарский рабочий класс, трудовое крестьянство, вдохновляемые беспримерными подвигами советских коммунистов, трудящихся первого в мире государства рабочих и крестьян, десятилетиями вели упорную борьбу во имя своего светлого будущего. Наиболее острую форму эта борьба получила в годы второй мировой войны. В 1941 г., когда гитлеровские полчища вероломно напали на Советский Союз, Болгарская коммунистическая партия взяла курс на вооруженную борьбу против гитлеровского фашизма и его болгарских приспешников, за свержение власти буржуазии и монархо-фашистского правительства. Призыв партии нашел широкий отклик среди трудящихся масс. Партия сумела объединить рабочих, трудовое крестьянство, прогрессивную интеллигенцию, патриотически настроенные слои населения в единый Отечественный фронт, развернуть революционную борьбу и в условиях победоносного наступления Советской Армии, громящей гитлеровских захватчиков, свергнуть монархо-фашистское правительство, установить народно-демократическую власть в Болгарии.

Сразу после завоевания свободы Болгарская коммунистическая партия, правительство Отечественного фронта приступили к созданию Народной армии, в которую влились боевые партизанские соединения и отряды, сотни тысяч коммунистов, комсомольцев, молодых патриотов. С первого дня своего существования эта армия повела бой с фашистскими полчищами, сражалась в составе 3-го Украинского фронта плечом к плечу с советскими войсками на территории Югославии, Венгрии, Австрии до окончательного разгрома фашизма.

С тех пор прошло 30 лет. За эти годы под руководством Болгарской коммунистической партии страна совершила грандиозный скачок в своем развитии, неузнаваемо изменила свой облик. Бедная и отсталая в прошлом, ныне она превратилась в развитое индустриально-аграрное государство. Глубокие социальные преобразования, высвобождение энергии трудового народа привели к полной победе социалистического общественного строя, к невиданному социально-экономическому и культурному прогрессу. В год 30-летия социалистической революции болгарский народ с гордостью оглядывается на пройденный путь, на достигнутые замечательные успехи во всех областях жизни — результат вдохновенного труда, последовательного осуществления политики коммунистической партии.

Победа социалистической революции нашла выражение прежде всего в создании экономической базы социалистического общества. Бурные темпы развития экономики страны — самая яркая черта ее продвижения по пути социализма. В настоящее время Народная Республика Болгария занимает одно из первых мест в мире по темпам роста общественного производства и национального дохода. По сравнению с 1939 г. национальный доход увеличился в 6,3 раза. За 1971—1975 гг. предусмотрено увеличение национального дохода еще на 50%.

Историческое значение имеют успехи, которых достигла страна в области индустриализации. В течение шести пятилеток создана могучая материально-техническая база, в которой доминирующее положение занимают машиностроение, металлургия, энергетика и химия — отрасли, которые возникли в годы народной власти. Удельный вес промышленности в национальном доходе уже достиг 52%. Свыше 20% всего объема промышленной продукции Болгарии приходится на машиностроение. Страна экспортирует машины и промышленное оборудование почти в 80 государств. Ежегодно в НРБ строятся новые промышленные объекты. В юбилейном году вступает в действие ряд крупных современных предприятий.

Для развития социалистической Болгарии характерно то, что индустриализация осуществляется на высоком научно-техническом уровне. Ускоренными темпами развиваются современные промышленные отрасли, промышленные предприятия оснащены современной техникой. Широко внедряются системы электронно-вычислительных машин и средств автоматизации, осуществляется концентрация и специализация производства. За истекшие несколько лет НРБ сделан был большой шаг вперед в развитии электроники и приборостроения. Сейчас электронная промышленность Болгарии находится на уровне мировых стандартов и располагает большой производительной мощностью.

Мощным фактором промышленного развития страны является участие в международном разделении труда, кооперирование с другими социалистическими странами. В этом отношении большую роль играет участие Болгарии в Совете Экономической Взаимопомощи и особенно ее активное экономическое сотрудничество с Советским Союзом и интеграция. В рамках Совета Экономической Взаимопомощи Болгария специализируется в производстве, примерно, 70 видов электрокаров, электротельферов, некоторых видов сельскохозяйственных машин, оборудования для пищевой промышленности, судостроения.

Большие, поистине революционные, перемены наступили и в сельском хозяйстве. До второй мировой войны сельское хозяйство в Болгарии было мелкособственническим, низкоурожайным. После победы социалистической революции, творчески применяя ленинский кооперативный план, Болгарская коммунистическая партия осуществила коллективизацию сельского хозяйства путем создания трудовых кооперативных и го-

сударственных земледельческих хозяйств. Теперь эти хозяйства объединены в 172 крупных аграрно-промышленных комплекса. Эти комплексы — результат более высокой степени концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, результат претворения в жизнь политики полного перехода сельского хозяйства на промышленную основу. Ныне Болгария занимает одно из первых мест в мире по строительству водохранилищ, орошению земель и использованию сельскохозяйственной авиации. Глубокие изменения в сельском хозяйстве способствовали тому, что производительность труда увеличилась в пять раз по сравнению с довоенным периодом, а объем его валовой продукции — в два раза. Сейчас среднегодовой уровень сельскохозяйственного производства по сопоставимым ценам на 10,1% больше, чем в соответствующем периоде пятой пятилетки. Болгария вышла на одно из первых мест в мире по средним урожаям пшеницы и кукурузы. Были получены рекордные урожаи ориентального табака.

Одно из блестящих достижений социалистической Болгарии — осуществление социалистической культурной революции, небывалый расцвет науки, культуры, образования, социалистического искусства. В стране давно ликвидирована неграмотность, создана широкая сеть научных учреждений и учебных заведений. Сегодняшняя Болгария полностью охвачена сетью телевидения и радио, кино, драматических театров, библиотек и других культурных учреждений. За годы социалистического строительства создана подлинно демократическая, социалистическая культура, являющаяся ценнейшим достижением трудового народа.

Ныне Болгария занимает одно из первых мест в мире по числу студентов относительно всего населения. В НРБ свыше 400 научно-исследовательских институтов, где за последние десять лет число научных сотрудников увеличилось в 2,5 раза, а в высших учебных заведениях — в два раза. Ныне научный фронт перестраивается в целях еще более тесной связи с производством.

Достижения болгарской социалистической культуры и искусства получают заслуженное признание далеко за пределами страны. Сегодня болгарские специалисты — архитекторы, строители, инженеры, врачи, геологи — своим квалифицированным трудом вносят вклад в развитие экономики многих стран, вступивших на путь национальной независимости, в укрепление дружбы с народами этих стран. Талантливые болгарские певцы и музыканты прославляют наш народ во всем мире. Их победы на международных форумах искусства являются наиболее ярким проявлением творческого гения народа.

Партия и народное правительство уделяют неослабное внимание проблемам развития социалистической культуры. Важнейшим этапом культурной жизни явился I съезд деятелей культуры, знаменовавший качественно новые изменения в организации и управлении культурными процессами. Перестройка руководства культурой на новых, общественно-государственных принципах, внедрение общественно-государственного начала, сочетающего в себе выборность органов управления культурой с их государственными руководящими функциями явились новым толчком в развитии культуры и уже сейчас дают плодотворные результаты.

Развитие социалистической культуры Болгарии осуществляется под могучим и благотворным воздействием великой советской культуры. Всестороннее культурное сотрудничество нашей страны с СССР, основанное на полном идейном единстве, является характерной чертой всего развития болгарской социалистической культуры. Взаимный обмен культурными ценностями, пропаганда достижений социалистической культуры, совместная работа и творческое общение — вот главные направления этого

непрерывного сотрудничества, подчиненного большой цели — духовному сближению и единению болгарского и советского народов.

Успехи социалистического строительства, замечательные достижения в развитии экономики, промышленной базы страны явились основой последовательного решения социальных проблем, непрерывного процесса повышения жизненного уровня болгарского народа. Это величайшая победа партии, всех трудящихся нашей страны. Это самое яркое доказательство глубоко народной политики БКП, в программе которой записано, что «забота о человеке — это основная забота партии, смысл и содержание всей ее политики».

Весь комплекс вопросов, связанных с повышением уровня жизни народа, был подробно рассмотрен на Пленуме ЦК БКП в декабре 1972 г. На этом Пленуме по докладу Первого секретаря ЦК БКП Тодора Живкова была принята национальная комплексная программа дальнейшего повышения жизненного уровня народа путем увеличения его реальных доходов, улучшения условий труда и совершенствования трудового законодательства. Осуществление этой программы является важнейшей задачей партии и всего народа, вытекающей из решений X съезда БКП.

Болгарский народ добился этих исторических достижений в социалистическом строительстве под руководством своего авангарда — Болгарской коммунистической партии. На всех этапах строительства социализма проявлялись политическая зрелость БКП, ее глубокие неразрывные связи с народом, ее способность мобилизовать творческую энергию трудящихся для решения грандиозных задач экономического и культурного развития страны. Применяя творчески марксистско-ленинское учение о строительстве социализма сообразно конкретным внутренним условиям, следуя неуклонно всемирно-историческому опыту КПСС и Советского Союза, Болгарская коммунистическая партия сумела решить в кратчайшие сроки поистине исторические задачи. Верность марксизму-ленинизму, смелость и принципиальность, творческое дерзание, умение своевременно видеть и решать назревшие проблемы — вот основные черты, характеризующие деятельность БКП, которые снискали ей глубокое уважение, любовь и преданность трудового народа.

Исключительно важным, историческим этапом в жизни партии и страны явился Апрельский (1956 г.) пленум Центрального Комитета БКП. Он восстановил ленинские принципы и нормы руководства, стал мощным стимулом всей общественно-политической, экономической и культурной жизни. Все последующие этапы деятельности партии и развития страны пронизаны творческим духом Апрельского пленума, его глубокой принципиальностью.

Качественно новый этап во всестороннем социалистическом развитии страны ознаменовали решения исторического X съезда Болгарской коммунистической партии, состоявшегося в апреле 1971 г. Съезд принял новую программу партии, выдвинул задачу построения развитого социалистического общества в Народной Республике Болгарии. В докладе Первого секретаря ЦК БКП тов. Тодора Живкова и в других документах съезда нашли глубокую теоретическую разработку важнейшие проблемы построения развитого социализма, широко обоснованы основные направления и пути практического решения этой исторической задачи. Решения съезда явились блестящим подтверждением и дальнейшим развитием апрельской линии партии.

Теперь претворение в жизнь решений X съезда БКП является главной задачей партии, всех трудящихся нашей страны. Год 30-летнего юбилея республики объявлен годом ударного труда для выполнения грандиозных задач шестой пятилетки, решение которых приведет к значительному

росту экономического потенциала страны, к достижению новых вершин во всестороннем развитии социалистического общества. Под руководством партии осуществляется непрерывная и целенаправленная работа по совершенствованию управления народным хозяйством, организации общественного производства и повышению его эффективности, широко разворачивается социалистическое соревнование.

Новые импульсы для решения этих задач дала Национальная партийная конференция Болгарской коммунистической партии, состоявшаяся в марте сего года. Поставив на рассмотрение исключительно важный вопрос о повышении производительности труда, являющего, по словам тов. Тодора Живкова, в современных условиях «кардинальной проблемой», которая, как в фокусе, собирает все проблемы и задачи строительства развитого социалистического общества в Болгарии, Национальная партийная конференция тем самым стала новым могучим стимулом для выполнения решений X съезда БКП.

Основой основ всех достижений социалистической Болгарии является постоянная бескорыстная помощь великого Советского Союза, братская дружба и всестороннее сотрудничество со страной Ленина, идущей в авангарде социального прогресса, борьбы за коммунизм и мир на всей планете. За истекшие 30 лет дружба между нашим народом и советским народом, уходящая своими корнями в историческое прошлое, приобрела новый смысл и содержание, превратилась в основной фактор социалистического развития нашей страны. Исчерпывающее определение значения болгаро-советской дружбы для социалистического строительства в НРБ содержится в Программе БКП, принятой на X съезде: «Для Болгарской коммунистической партии и болгарского народа болгаро-советская дружба — как солнце и воздух для всякого живого существа, это — дружба, идущая из глубины веков и на века, она является одной из главных движущих сил нашего развития, условием и гарантией дальнейшего подъема нашего социалистического отечества, его грядущего».

Период после XXIV съезда КПСС и X съезда БКП явился периодом особо яркого проявления болгаро-советской дружбы, подъема на новую, более высокую ступень всесторонних взаимоотношений между НРБ и СССР. Визит в СССР в ноябре 1972 г. партийно-правительственной делегации НРБ во главе с тов. Т. Живковым, решения Июльского (1973 г.) пленума ЦК БКП, визит в нашу страну большого друга болгарского народа, выдающегося политического деятеля нашего времени, Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева и присвоение ему высшей награды нашей родины — Героя Народной Республики Болгарии открыли новую яркую страницу в летописи дружбы болгарского и советского народов. Своими решениями, направленными на дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с СССР в период строительства развитого социализма, Июльский пленум ЦК БКП поставил задачу обогатить качественно новым содержанием процесс сближения НРБ с СССР с тем, чтобы развитие НРБ имело единый ритм с Советским Союзом, единые критерии, объединенные усилия и согласованные действия во всех сферах жизни.

Под руководством БКП болгарский народ последовательно и неуклонно проводит в жизнь это историческое решение партии. Сотрудничество с великой страной Советов, процессы сближения все шире и глубже охватывают все области жизни, пронизывают всю деятельность партий и государства. Достаточно отметить, что только за период шестой пятилетки с помощью СССР в Болгарии сооружаются 150 крупных промышленных предприятий, среди которых первая на Балканах атомная электростанция, Девненский промышленный комплекс и другие, чтобы увидеть мас-

штабы благотворного сотрудничества с СССР. Тесная координация планирования народного хозяйства, осуществление интеграции целых промышленных отраслей, развитие новых форм экономического сотрудничества, таких как участие болгарской стороны в строительстве промышленных объектов на территории СССР, совместные предприятия и др., интенсивное развитие и углубление сотрудничества в области науки, образования, культуры — во всем этом реализуются предназначения нашей партии. Блестящую характеристику взаимоотношений между НРБ и СССР на данном этапе дает тов. Л. И. Брежнев: «Диапазон советско-болгарского сотрудничества стал поистине безграничным. Можно без преувеличения сказать, что нет такой сферы жизни общества, где бы не отражалось братское единение наших народов. Его цементирующей силой являются отношения между нашими коммунистическими партиями. Их единство и братство — это поистине нерушимая основа нашего политического союза, сердцевина всесторонних взаимоотношений между нашими народами, нашими государствами».

Успехи социалистической Болгарии неразрывно связаны с достижениями всех стран социализма, всестороннее сотрудничество с которыми является основным принципом политики БКП. Болгарская коммунистическая партия всегда осознавала интернациональную дружбу и сотрудничество с братскими социалистическими странами как основную закономерность строительства новой жизни. На всех этапах своего развития НРБ делала все необходимое для укрепления политического союза стран социалистического содружества, их экономической и оборонной мощи. Она является активным членом Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, широко участвует в осуществлении Комплексной программы социалистической экономической интеграции, принятой на XXV сессии СЭВ в июне 1971 г.

Дружба и союз с СССР и другими социалистическими странами служат крепкой основой всей внешнеполитической деятельности НРБ. Болгарская коммунистическая партия восприняла историческую Программу мира, выдвинутую XXIV съездом КПСС, как свою собственную.

Сегодня Народная Республика Болгария вносит свой вклад в осуществление этой программы, в борьбу за укрепление единства международного коммунистического и рабочего движения, за мир и безопасность в Европе и во всем мире, за укрепление и развитие достигнутой разрядки в международных отношениях. Активная внешнеполитическая деятельность НРБ на Балканах и в других районах мира, ее безоговорочная поддержка борющихся за свободу и национальную независимость народов, бескомпромиссная борьба против антисоветизма, происков маоистов являются важным фактором осуществления согласованной политики социалистических стран на международной арене.

Празднуя 30-ю годовщину социалистической революции в Болгарии, Болгарская коммунистическая партия, весь болгарский народ считают своим интернациональным долгом делать все для еще более тесного сплочения стран социалистического содружества, братских коммунистических и рабочих партий, и впредь идти плечом к плечу с Советским Союзом, с великой ленинской Коммунистической партией Советского Союза.

Наш народ отмечает 30-ю годовщину социалистической революции будучи уверенным в своих силах, в завтрашнем светлом дне, полный энергии в своем стремлении построить развитое социалистическое общество, на веки связанный с великой Советской страной и КПСС узами кристально чистой братской дружбы, общей борьбой во имя полного торжества социализма и коммунизма!

Р. П. ГРИШИНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В БОЛГАРИИ ВЕСНОЙ—ЛЕТОМ 1945 ГОДА

9 сентября 1944 г. в Болгарии победило вооруженное восстание рабочих и крестьян. В стране был свергнут монархо-фашизм, связывавший Болгарию с гитлеровской Германией, и установлена народно-демократическая власть. Восстание проходило под общедемократическими антифашистскими лозунгами Отечественного фронта (ОФ), но его победа положила начало социалистической революции, открыла перед болгарским народом перспективу борьбы за социализм.

Болгарская рабочая партия (коммунистов) — БРП(к) — была главной руководящей силой созданного ею в 1942 г. Отечественного фронта, в который входили, кроме нее самой, Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП) и Народный союз «Звено» (НС «Звено»). Политическое влияние коммунистов было преобладающим в ОФ и в целом в стране, за ними в основном шли массы. БРП(к), поддержанная большинством населения, выступала в качестве политического руководителя борьбы болгарского народа за его национальное и социальное освобождение.

После победы восстания 9 сентября 1944 г. БРП(к) берет курс на расширение и углубление общедемократической антифашистской борьбы с целью максимального сплочения всех демократических сил болгарского общества для борьбы против международного и внутреннего фашизма, с целью закрепления и расширения своего влияния на массы.

Жизнь подтвердила правильность тактики болгарских коммунистов. Серьезным испытанием стали события, связанные с так называемым постановлением Совета министров № 4, когда в конце ноября — начале декабря 1944 г. реакция предприняла первую попытку силой навязать правительству ОФ свою линию, направленную на срыв ряда важных мероприятий программы ОФ. Опираясь на поддержку масс, поднявшихся на защиту революционных преобразований народно-демократической власти, БРП(к) сумела одержать крупную политическую победу — реакция вынуждена была отступить. Декабрьский кризис показал, сколь важную, по существу первостепенную, роль играет такой фактор, как преобладающее политическое влияние коммунистов в условиях, когда БРП(к) приходилось делить власть, пусть даже в небольшой степени, с другими партиями. Поэтому после декабрьских событий 1944 г., явившихся своего рода итогом развития революционного процесса на протяжении первых трех месяцев существования народно-демократической власти¹, партия

¹ Подробнее о развитии революционного процесса в Болгарии в 1944 г. см. Р. П. Г р и ш и н а. Отечественный фронт Болгарии после победы восстания 9 сентября 1944 г. «Советское славяноведение», 1973, № 3.

коммунистов ориентируется на максимальное укрепление своего влияния в массах, на его расширение и углубление, на превращение ОФ в действительно массовую организацию, опирающуюся на самые широкие и различные в социальном отношении слои населения. Это означало не включение в состав ОФ новых партий, но привлечение к нему различных беспартийных общественных организаций, заинтересованных в скорейшей реализации платформы ОФ, которая была провозглашена правительством 17 сентября 1944 г., и поддерживающих в этом коммунистов.

В последующие месяцы БРП(к) развернула огромную политическую работу в массах. Особенно большой размах она приобрела после VIII расширенного пленума ЦК партии, состоявшегося в марте 1945 г.

На пленуме был подвергнут анализу путь, пройденный партией и страной после 9 сентября 1944 г. БРП(к) значительно увеличила свой состав: за полгода число коммунистов выросло с 12—15 тыс. почти до 250 тыс.² Тем самым была выполнена задача превращения коммунистической партии в массовую, поставленная ее Центральным комитетом после перехода коммунистов на легальное положение³. Низовые организации компартии были созданы не только во всех городах, но и, что было очень важно, почти во всех деревнях⁴. Строилась партия по производственно-территориальному принципу⁵.

Быстрый численный рост БРП(к) имел и некоторые отрицательные последствия. В партию вступило много людей, слабо подготовленных в политическом и теоретическом отношении. Участники VIII пленума ЦК БРП(к) указывали на необходимость вести большую работу по воспитанию десятков тысяч молодых коммунистов в духе марксизма-ленинизма, по укреплению сознательной партийной дисциплины. Отмечалась также необходимость увеличить рабочую прослойку в БРП(к), в которой на 15 января 1945 г. рабочих было только 28%, в то время как на долю крестьян приходилось 56%, ремесленников — 7, интеллигентов — 9%. Женщины в партии составляли лишь 8% ее членов⁷.

В ходе работы пленума выяснилось, что многие коммунисты неясно представляют себе характер событий, происходящих в стране, на местах проявляется непонимание сущности новой власти⁸. В Хасковском окружном комитете БРП(к), например, открыто заявляли, что в Болгарии скоро будет установлена советская власть, что начинается борьба за нее⁹. Это противоречило не только общему направлению политики БРП(к), но и специально принятому в декабре 1944 г. указанию Политбюро ЦК БРП(к) о необходимости избегать всего, что может создать впечатление, будто бы коммунисты стремятся к «советизации» Болгарии¹⁰.

² «Работническо дело», 19 III 1945.

³ Еще в ноябре 1944 г. в информации орготдела ЦК БРП(к), посланной в Москву Г. М. Димитрову, говорилось о том, что «установленная контрольная цифра в 100 тыс. членов партии уже превышена, а приток новых членов до сих пор большой». В связи с этим предлагалось ввести годичный кандидатский партийный стаж для представителей всех, кроме рабочих, социальных слоев, ибо уровень идеологической подготовки вступающих в партию невысок. (М. Г о р а н о в а. Начални стъпки в организационното укрепване на БКП (IX 1944 — II 1945). «Известия на Института по история на БКП», т. 21. София, 1969, стр. 353).

⁴ «Работническо дело», 13, 14 XII 1944.

⁵ Централен партиен архив на ЦК на БКП (далее — ЦПА), ф. I, оп. 5, ед. хр. 1, л. 304.

⁶ В письме Г. М. Димитрову от 17 ноября 1944 г. заведующий орготделом ЦК БРП(к) сообщал: «Выросла наша партия главным образом на счет деревни». (М. Г о р а н о в а. Там же, стр. 351).

⁷ ЦПА, ф. I, оп. 5, ед. хр. 1, л. 6.

⁸ Там же, л. 227.

⁹ Там же, л. 68.

¹⁰ Там же, оп. 8, ед. хр. 16, л. 4.

Отсутствие у некоторых коммунистов теоретически правильного понимания характера переживаемой эпохи объясняется чрезвычайной сложностью внутренней и внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Болгария в конце 1944 — начале 1945 г. Однако БРП(к), гибко применяя марксистско-ленинскую теорию, проводила свою политику, во многом совпадавшую с политикой ряда братских коммунистических партий, со всей возможной в тех условиях последовательностью. VIII пленум ЦК БРП(к) подтвердил правильность курса компартии, взятого после победы восстания 9 сентября 1944 г., и отношения к ОФ, как к объединению «антифашистских, демократических и патриотических сил общества для политического руководства борьбой против фашизма и для создания новой народной власти»¹¹.

Решения пленума были направлены на дальнейшее претворение этого курса в жизнь. В частности, большое внимание было уделено созданию сети демократических общественных организаций — массовой опоры ОФ. БРП(к) выдвинула лозунги: «Каждая массовая организация должна стать крепостью ОФ», «Каждый коммунист должен вести конкретную работу в массовых организациях»¹².

Речь шла прежде всего об усилении влияния партии в профсоюзах. Профсоюзы начали возрождаться сразу же после 9 сентября 1944 г. К декабрю 1944 г. Объединенный рабочий профессиональный союз (ОРПС) насчитывал уже свыше 200 тыс. членов¹³. На открывшемся 16 марта 1945 г. I конгрессе ОРПС было представлено 260 тыс. членов, входивших в 29 отраслевых союзов; в мае 1945 г. численность профсоюзов достигла 350 тыс. человек¹⁴.

В состав ЦК ОРПС вошли 16 коммунистов и 5 социал-демократов. Руководство большинством отраслевых союзов ОРПС (23 из 29) также было в руках коммунистов. Влияние БРП(к) в профсоюзах преобладало, хотя часть рабочих и служащих находилась под влиянием БРСДП, БЗНС, анархистов, а в некоторых союзах, в частности служащих военного министерства, министерства финансов, были распространены и реакционные настроения.

Характерно, что на учредительных конференциях отраслевых союзов, проходивших осенью 1944 г., рабочие выдвинули ряд требований острого социального характера (переложить уплату налогов с рабочих на работодателей, открыть столовые за счет предпринимателей и т. п.). Но эти требования не соответствовали обстановке, сложившейся в то время в стране. В отчетном докладе ЦК I конгрессу ОРПС говорилось, что ЦК не сумел правильно сориентироваться в ситуации и «позволил взять верх создавшейся в результате побед 9 сентября (революционной. — Р. Г.) стихии», что способствовало «общему увлечению высокими требованиями без учета реальных возможностей страны»¹⁵. Для исправления этого положения коммунистам и профсоюзному активу пришлось провести среди трудящихся большую разъяснительную и воспитательную работу.

С первых дней своего существования ОРПС активно поддерживал ОФ. Особенно велика была роль профсоюзов в установлении рабочего контроля на предприятиях, в организации первого в истории Болгарии предмайского соревнования. С помощью профсоюзов БРП(к) оказывала нажим на ту часть правительства, которая саботировала реализацию программы ОФ.

¹¹ «Българската комунистическа партия в резолюция и решения на конгресите, конференциите, пленумите на ЦК», т. IV. 1944—1955. София, 1955, стр. 4.

¹² «Работническо дело», 12 X 1944; 25 I 1945.

¹³ Там же, 11 XII 1944.

¹⁴ Там же, 22 V 1945.

¹⁵ Там же, 20 III 1945.

В частности, из-за позиции Н. Петкова, А. Держанского, Б. Бумбарова, П. Стоянова и других, революционная часть правительства ОФ не могла добиться отмены профсоюзного законодательства 1934 г., в сохранении которого были заинтересованы реакционные элементы. Так, основываясь на законе 1934 г., реакция стремилась помешать вступлению государственных служащих в единый ОРПС и добивалась включения их в ведомственные профсоюзы при министерствах финансов, земледелия, благоустройства, при военном министерстве и др., сохранявшиеся со времен монархо-фашистской диктатуры под покровительством соответствующих министров. Ни о каком единстве ОРПС в таком случае не могло быть и речи.

В середине декабря 1944 г. Политбюро ЦК БРП(к) приняло решение, гласившее: «Закрыть Дирекцию организации по профессиям и все институты, созданные в связи с огосударствлением массовых организаций. Аннулировать закон об организации по профессиям»¹⁶. Собрания рабочих принимали многочисленные резолюции с требованием изменить старый реакционный закон; и все это не приводило ни к каким результатам до тех пор, пока 27 марта 1945 г. ЦК БРП(к) не решил принять энергичные меры для сохранения единства ОРПС¹⁷. 31 марта 1945 г. ОРПС организовал массовую кампанию в крупнейших городах страны и большую демонстрацию в Софии¹⁸.

В ответ на это профашистские элементы устроили контрдемонстрацию в столице и спровоцировали столкновение, сопровождавшееся стрельбой. Однако в результате массовой кампании, проведенной профсоюзами, под решительным давлением снизу реакционеры в правительстве вынуждены были отступить. 2 апреля 1945 г. закон об организации рабочих по профессиям был отменен¹⁹.

Немаловажная роль в политической жизни страны принадлежала молодежным организациям. Среди них до 9 сентября 1944 г. существовал только Рабочий молодежный союз (РМС). Около 20 тыс. его членов принимали активное участие в народно-освободительной борьбе. И после победы восстания 9 сентября Союз выступил деятельным помощником БРП(к). За несколько месяцев существования народно-демократической власти ряды РМС многократно выросли: в марте 1945 г., ко времени V национальной конференции РМС, в нем насчитывалось почти 420 тыс. членов²⁰.

В отличие от РМС, молодежные организации других партий, входивших в состав ОФ — Болгарский молодежный земледельческий союз (БМЗС), Союз социалистической молодежи (ССМ) и Молодежный народный союз «Звено» (МНС «Звено») — начали восстанавливаться только после 9 сентября 1944 г.

В БМЗС вступали в основном крестьяне, но туда же вошло немало деятелей из распущенных фашистских организаций. МНС «Звено» привлекал к себе главным образом буржуазную молодежь, чиновников, студентов, детей офицеров и генералов. ССМ — самая слабая из молодежных организаций — объединяла преимущественно молодых интеллигентов, студентов и частично школьников. Рабочих и крестьян в двух последних

¹⁶ «Установяване и укрепване на народно-демократическата власт. Септември 1944 — май 1945». Сборник документи. София, 1969, стр. 372.

¹⁷ В. Г е о р г и е в. Създаване и укрепване на Общия работнически професионален съюз през периода от 9 септември 1944 г. до декември 1947 г. «Профсъюзни летописи», № 2. София, 1963, стр. 42.

¹⁸ «Работническо дело», 1 IV 1945.

¹⁹ «Държавен вестник», 9 IV 1945.

²⁰ «Работническо дело», 26 III 1945.

союзах почти не было. Среди этих организаций наиболее массовым был БМЗС, численность которого превышала 250 тыс. членов²¹.

В этих молодежных союзах происходили примерно те же процессы, что и в партиях, к которым они примыкали: численный рост их сопровождался усиленным проникновением в них реакционных элементов, внутренней борьбой и таким размежеванием сил, в результате которого руководство ими оказалось в руках правых группировок²². Так, на реакционных позициях оказалось руководство БМЗС, которое с первых своих шагов фактически стало на путь защиты интересов кулачества и профашистских элементов, на путь борьбы с рабочей молодежью. В МНС «Звено» весной 1945 г. произошла смена руководства, укрепившая позиции правых сил.

Стремясь вырвать БМЗС, ССМ и МНС «Звено» из-под влияния реакционеров, БРП(к) выдвинула предложение об организационном объединении молодежи на основе платформы ОФ, о создании Единой антифашистской молодежной организации (ЕАМО), которая включала бы и РМС, союз наиболее сильный в политическом и организационном отношениях.

Однако практически осуществить объединение оказалось весьма трудно. Хотя на объединение согласились многие местные организации ССМ, БМЗС, МНС «Звено»²³, центральное руководство такого крупного союза, как БМЗС противилось этому. В результате было принято решение не форсировать создание ЕАМО, но и не распускать единые организации там, где они уже были созданы. Лозунг объединения в ЕАМО не снимался, однако всякая агитация за или против него прекращалась²⁴.

Попытка создать единую ученическую организацию, объединяющую все школьные группы РМС, БМЗС, ССМ и МНС «Звено», оказалась более удачной, так как свыше 40% учащихся гимназий были членами РМС.

Серьезная борьба развернулась в первые месяцы существования новой власти в студенческих организациях. В учебных заведениях распускались прежние студенческие организации, в которые входило немало фашистских элементов, формировались новые. Революционно настроенные студенты боролись против реакционной профессуры. Несомненным успехом демократических сил было основание в июне 1945 г. Единого антифашистского студенческого союза²⁵.

Борьба БРП(к) за молодежь, за ее воспитание в антифашистском демократическом духе и за сплочение на основе платформы ОФ, за политическую переориентацию той ее части, которая находилась под влиянием реакционеров, требовала больших усилий и времени. Естественно, далеко не все предпринимаемые в этом направлении шаги приводили к немедленному успеху. Но важно то, что, как показали дальнейшие события, политика БРП(к) встречала понимание и поддержку преобладающей части молодого поколения.

Благодаря усилиям коммунистов в 1944—1945 гг. в движении ОФ были вовлечены все наиболее крупные массовые беспартийные антифашистские организации. Так, на позициях решительной поддержки ОФ находился Болгарский народный женский союз (БНЖС), коренным образом реорганизованный на базе платформы ОФ после победы восстания 9 сентября²⁶. Летом 1945 г. БНЖС объединял около 200 тыс. членов, 60% из них состав-

²¹ Централен държавен архив на НРБ (далее — ЦДА на НРБ), ф. 28, оп. 1, ед. хр. 111, л. 33.

²² Подробнее см. Р. П. Г р и ш и н а. Там же, стр. 13—14.

²³ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 509, л. 3.

²⁴ «Работническо дело», 5, 25 V 1945.

²⁵ Там же, 26 VI 1945.

²⁶ ЦПА, ф. I, оп. 8, ед. хр. 17, л. 21.

ляли крестьянки²⁷. Коммунисткам во главе с активной деятельницей БРП(к) Радой Тодоровой приходилось вести в Союзе огромную воспитательную и политическую работу, тем более, что борьба реакции против народно-демократической власти затронула и БНЖС: геметовцы²⁸ агитировали женщин требовать возвращения их мужей с фронта, убеждали в том, что крестьянки должны входить в женские группы только при БЗНС, т. е. вели линию на раскол БНЖС.

С позиций поддержки правительства ОФ и его программы выступала и одна из самых массовых общественных организаций Болгарии — Верховный союз читалищ²⁹. В нее входило летом 1945 г. 220 тыс. деятелей культуры и просвещения³⁰.

На тех же позициях стояли Болгарская народная спортивная федерация (300 тыс. человек³¹), организация помощи жертвам фашизма, узникам концлагерей, фронтовикам (200 тыс. членов³²), реорганизованные после 9 сентября 1944 г. союзы писателей, журналистов, художников и др.

Среди организаций, на которые опиралось правительство ОФ, были и союзы национальных меньшинств Болгарии³³.

Важно отметить, что коммунисты принимали в деятельности всех этих массовых организаций самое активное участие. Они же в большинстве случаев возглавляли их. Благодаря этому все более расширялась сфера идейного и политического влияния БРП(к) на трудящихся, а массовые беспартийные организации становились все более надежной опорой руководимого коммунистами Отечественного фронта. Это отчетливо проявилось летом 1945 г. в момент резкого обострения политической борьбы в Болгарии в связи с выборами в парламент, когда единым фронтом с БРП(к) выступили все массовые организации трудящихся.

Сложной представляется проблема взаимоотношений революционных сил с буржуазией внутри ОФ и вне его.

Народно-демократическая власть ликвидировала ту часть буржуазной реакции, которая была связана с фашизмом и гитлеризмом. Политическая деятельность остальной буржуазии частично была нейтрализована запрещением каких-либо партий вне ОФ. Но это запрещение распространялось только на правые круги буржуазии, так как демократические, антифашистские ее круги имели право на представительство через партию «Звено», участвовавшую в управлении на равных основаниях с другими партиями ОФ. Фактически же НС «Звено» вобрал в себя не только патриотическую часть буржуазии, но и различные реакционные ее группы, которые таким образом легализовали свою деятельность.

При этом экономически буржуазия оставалась по-прежнему значительной силой. Общественный сектор в экономике Болгарии стал складываться в первые же месяцы после победы восстания 9 сентября³⁴, но част-

²⁷ «Работническо дело», 26 VI 1945.

²⁸ Последователи Гемето — Г. М. Димитрова, правого реакционного деятеля, вынужденного уйти в отставку после декабрьских событий 1944 г. с поста секретаря Постоянного присутствия БЗНС.

²⁹ «Отечествен фронт», 28 XII 1944.

³⁰ «Работническо дело», 24 VIII 1945.

³¹ Там же.

³² Там же, 6 IV 1945.

³³ Там же, 13 I, 24 VIII 1945; «Отечествен фронт», 29 XII 1944.

³⁴ Сразу после 9 сентября 1944 г. в руки народно-демократической власти перешло 85% добычи угля, 32% добычи руд, весь железнодорожный транспорт, 61% производства электроэнергии. (См. П е т к о в. Ликвидирание на капиталистическата собственост в промишлеността на България. София, 1965, стр. 17, 18, 20). Однако роль отраслей тяжелой промышленности в структуре народного хозяйства Болгарии была незначительна. Основными были отрасли легкой промышленности, а именно эти отрасли в 1944—1945 гг. оставались в руках частного капитала; текстильная и пищевая

нособственнический капитал продолжал сохранять важные позиции в хозяйстве.

Условия, в которых оказалась Болгария осенью 1944 г., отнюдь не благоприятствовали максимальному ограничению частной собственности³⁵. Хозяйство страны было в тяжелом состоянии. После 9 сентября 1944 г. Болгария не получила даже короткой передышки, ей сразу пришлось включиться в войну против гитлеровцев. Кроме того, по условиям перемирия Болгария, как бывший сателлит нацистской Германии, должна была нести определенные расходы в пользу стран антигитлеровской коалиции.

Выполнение основных политических задач, стоявших в 1944—1945 гг. перед Болгарией, было неразрывно связано с решением ряда острых экономических проблем, требовало огромного напряжения всех хозяйственных ресурсов страны. Чрезвычайно остро стояли вопросы снабжения всем необходимым фронта и тыла, распределения продовольствия и товаров широкого потребления среди населения, проблема цен. Без вмешательства государства решить эти вопросы было невозможно. До 9 сентября 1944 г. в Болгарии существовала целая сеть органов регулирования всей хозяйственной деятельности со стороны государства. В основном она была сохранена и после 9 сентября, в какой-то мере приспособлена к осуществлению новых задач. Вместе с тем возникли новые государственные органы, призванные направлять, контролировать и координировать работу отраслей народного хозяйства³⁶. Эти органы дублировали друг друга, функции их переплетались.

На заседании НК ОФ от 6 декабря 1945 г., на котором определялись направления будущей хозяйственной деятельности, отмечалось: «У нас существует ряд хозяйственных институтов: Экономический совет, Верховная хозяйственная палата, Экономическая комиссия НК (ОФ.— Р. Г.), есть комиссия при министерстве торговли и др. Необходимо внести целесообразность. И там, где происходит дублирование, устранить некоторые из этих институтов»³⁷. Естественно, это требовало времени. Однако органы государственного регулирования и контроля, например, и в 1945 г., оставались слишком многочисленными. Об этом свидетельствует даже один

целиком, а сахарные, табачные, деревообрабатывающие предприятия частично принадлежали кооперативам, которые в условиях значительного преобладания частнокапиталистического сектора в экономике Болгарии в 1944—1945 гг. лишь постепенно меняли свой характер, и поэтому вряд ли их правомерно без всяких оговорок относить к социалистическому сектору. Политбюро ЦК БРП(к), уделяя большое внимание развитию кооперативов, 12 декабря 1944 г. приняло решение «... не допускать существования общественных предприятий, которые под видом кооперации преследуют частнокапиталистические цели или организованы как частные капиталистические предприятия» («Установление и укрепление...», стр. 373). Однако для осуществления этой задачи на практике необходимо было время и определенная материальная база. Не случайно в решении Политбюро ЦК БРП(к) от 22 мая 1945 г. об улучшении деятельности кооперативов и выполнении хозяйственных задач говорилось: «Иметь в виду, что, хотя кооперация является лучшим средством для перехода мелких хозяйств к более высоким формам развития, она страдает еще рядом недостатков. Идеализировать кооперацию в нынешнем ее виде значит допускать грубую ошибку» (там же, стр. 692).

³⁵ М. М а р к о в. Закономерности и специфичны особенности на социално-класовите изменения в България. В сб. «Проблеми на социалистическото развитие в България». София, 1969, стр. 56.

³⁶ К сожалению, проблема государственного регулирования народного хозяйства Болгарии после 9 сентября 1944 г., гораздо более широкая, чем вопрос о государственном контроле за деятельностью частных предприятий и фирм, еще совершенно не изучена.

³⁷ Р. П а у н о в, И. Д о б р е в а. Отношението на нашата общественост към подготовката на изборите за XXVI Обикновеното народно събрание и неговата бъдеща дейност. (Публикация документов). «Известия на държавните архиви», т. 17. София, 1969, стр. 101.

их перечень: главная комиссия по реквизициям, дирекция распределения, дирекция труда, дирекция гражданской мобилизации, дирекция внутренней торговли, дирекция внешней торговли, дирекция «Храноизнос» («Зерноэкспорт»), дирекция природных богатств, дирекция лесов, санитарно-ветеринарная дирекция, дирекция паромов, экономическая комиссия при НК ОФ (с 13-ю секциями), хозяйственная милиция при министерстве внутренних дел, высший экономический совет, дирекция снабжения и распределения при министерстве торговли и промышленности, центральная комиссия по ценам и др.³⁸ Очевидная децентрализация органов государственного регулирования народного хозяйства в 1944—1945 гг., как и не доведенная до конца чистка хозяйственного аппарата³⁹, мешали решению важнейших экономических задач, в том числе и контролю за деятельностью предпринимателей.

Следует подчеркнуть, что регулирование и регламентирование хозяйственной деятельности в 1944—1945 гг. носили специфический характер: главной целью всех мероприятий, предпринимавшихся в этом направлении, было добиться оживления экономической жизни, подъема производства. И хотя государственное регулирование в определенной степени ограничивало самостоятельность предпринимателей, у них оставались возможности для осуществления главного в тех условиях экономического принципа, выдвинутого коммунистами,— принципа сотрудничества народно-демократической власти с патриотически настроенной демократической частью буржуазии, максимального использования частной инициативы для восстановления и развития производства. «Новая власть,— говорил в одном из своих выступлений секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов,— подает фабрикантам и торговцам руку для честной работы на хозяйственном фронте. Она окажет им всяческую помощь для здорового и нормального развития их хозяйственной деятельности. Она предоставляет им право самим заботиться об организации, управлении и процессе производства на их предприятиях, сохранив за собой контроль и право направлять их деятельность в соответствии с общенародными интересами»⁴⁰.

В результате, в стране продолжали функционировать не только сотни капиталистических предприятий различного хозяйственного значения, но и Болгарский торговый банк — самый мощный в дореволюционное время центр финансового капитала. Небезынтересно, что после 9 сентября 1944 г. директор БТБ Г. Губидельников (сын) стал заведующим кредитным и банковским отделом экономической комиссии при Национальном комитете ОФ. Директор другого банка, капиталист Ц. Табаков, возглавил финансовый отдел той же комиссии⁴¹.

Показательно, что в одном из решений Политбюро ЦК БРП(к) по вопросу об экономическом положении страны и снабжении населения (от 11 ноября 1944 г.) говорилось даже о мерах «для восстановления

³⁸ «Работническо дело», 24 II 1945.

³⁹ Вл. Захаров считает, что чистка в 1944—1945 гг. «не изменила и в тех конкретно-исторических условиях не могла изменить коренным образом персональный состав всех государственных и общественных учреждений и тем самым превратить их в такие органы пролетарской диктатуры, на которые без всяких оговорок могла бы опереться народно-демократическая власть. Такими органами после первой прочистки были, по существу, лишь учреждения, возглавлявшиеся представителями коммунистической партии. Однако вся система органов государственной власти и управления в целом еще не отвечала во всех отношениях тем требованиям, которые предъявляет к ним пролетарская диктатура». (См. Вл. З а х а р о в. Проблема чистки государственного аппарата в болгарской народно-демократической революции. «Годишник на Софийския университет, юридически факултет», т. 56, кн. II. София, 1965, стр. 414).

⁴⁰ «Отечествен фронт», 21 XI 1944.

⁴¹ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 24, л. 34; «Отечествен фронт», 23 XI 1944.

доверия промышленников»⁴². Разумеется, политика в отношении капиталистов не была однолинейной: деятельность одних поощрялась, других, наоборот, преследовалась в зависимости от того, как они выполняли новые законы и распоряжения, имевшие целью регулирование хозяйственной жизни. В целом «лозунг о поддержке „патриотических промышленников“ и „патриотических торговцев“, выдвинутый Георгием Димитровым в тот период, отражал реальное положение»⁴³.

Курс на использование частного капитала, провозглашенный БРП(к), был одной из причин изменения характера деятельности производственных комитетов ОФ⁴⁴.

Формирование органов рабочего контроля прошло в 1944—1945 гг. через несколько ступеней, на каждой из которых уточнялись их права и обязанности. В марте 1945 г. конгресс ОРПС принял решение о постепенном роспуске комитетов ОФ на предприятиях и о замене их рабочими комиссиями, имеющими контрольные функции. На создание этих комиссий ушло 2—3 месяца⁴⁵. Летом 1945 г. осуществление рабочего контроля на предприятиях было поручено уже фабрично-заводским профкомитетам⁴⁶. Естественно, что в условиях 1944—1945 гг., когда система рабочего контроля находилась в процессе формирования, трудно было рассчитывать на большую эффективность и всеобъемлющий характер рабочего контроля.

Экономическое положение страны по-прежнему оставалось тяжелым. Некоторый перелом начался только в марте 1945 г., когда было заключено торговое соглашение с СССР, и особенно после окончания войны с Германией. В соответствии с соглашением СССР стал поставлять в Болгарию сырье для предприятий текстильной, резиновой, металло-обрабатывающей промышленности, производственные мощности которых использовались до тех пор лишь на 15—25%⁴⁷.

Конечно, советский импорт не решал всех сложных экономических проблем Болгарии. Производительность труда рабочих оставалась низкой, несмотря на отдельные проявления трудового энтузиазма. Правительство не могло кардинально улучшить материальное положение трудящихся. В течение многих месяцев оставался нерешенным вопрос о трудовых нормах, а это снижало заинтересованность рабочих в результатах своего труда. В оплате труда рабочих не было еще необходимой системы и порядка, что становилось причиной большой текучести кадров, в том числе ухода рабочих из города в деревню⁴⁸.

Отношение буржуазии к новой власти было двойственным. Политика народно-демократического государства по отношению к предпринимателям

⁴² «Установяване и укрепване...», стр. 306.

⁴³ П. Петков. Общото и специфичното в ликвидирането на капиталистическата собственост в промишлеността на България. «Известия на Института по история на БКП», т. 20. София, 1969, стр. 13.

⁴⁴ См. циркуляр НК ОФ № 6. «Отечествен фронт», 9 XII 1944.

⁴⁵ М. Исусов. Работническата класа в България след победата на Девото-септемврийското въстание. В сб. «Социалистическата революция в България». София, 1965, стр. 280.

⁴⁶ Там же; П. Петков. Държавният и работнически контрол над производството в капиталистическата промишленост у нас (1944—1947). «Известия на Института по история на БКП», т. 8. София, 1961, стр. 195.

⁴⁷ «Работническо дело», 31 III 1945.

⁴⁸ На заседании ЦК ОРПС в апреле 1945 г. отмечался уход в деревню около 20 тыс. рабочих из-за неурегулированности вопросов оплаты труда. (Ст. Велева. Документални материали в Централния държавен архив на НРБ за работническа класа и профсъюзите през първите години след 9 септември 1944 г. «Профсъюзни летописи», № 2. София, 1963, стр. 238; о процессах внутри рабочего класса см. подробнее: М. Исусов. Работническата класа в България. 1944—1947. София, 1971).

позволяла им извлекать определенную материальную выгоду из делового сотрудничества с новой властью. Государство, заинтересованное в максимальном развитии производства, поддерживало частнокапиталистические предприятия, предоставляло им кредиты и сырье⁴⁹. Развитие производственного соревнования приносило известную выгоду и работодателям. Поэтому, несмотря на то, что деятельность предпринимателей подвергалась ограничениям, часть капиталистов, хотя и не всегда последовательно, лояльно выполняла требования новой власти, старалась приспособиться к новой обстановке.

Другая часть буржуазии, ни в какой форме не желая сотрудничать с народно-демократическим государством, финансировала деятельность реакции (только в г. Пазарджике реакционеры получили в 1945 г. от местной буржуазии 2 млн левов), саботировала, тайно или явно, основные правительственные распоряжения⁵⁰. Для борьбы с этими врагами новой Болгарии в марте 1945 г. правительство ОФ приняло декрет о защите народной власти, предусматривавший смертную казнь за злостный саботаж и спекуляцию.

Двойственность поведения буржуазии по отношению к народно-демократической власти отразилась также в деятельности НС «Звено» и союзов болгарских фабрикантов и торговцев.

Объединенный союз фабрикантов и Объединенный союз торговцев возникли в Болгарии задолго до 9 сентября 1944 г. Союз фабрикантов насчитывал всего 2 тыс. членов. Это была организация, объединявшая наиболее крупных представителей «делового» мира. Союз торговцев носил значительно более массовый характер, в него входило до 100 тыс. членов. После 9 сентября 1944 г. при этих союзах были созданы комитеты ОФ, руководство союзов обновилось главным образом за счет антифашистских элементов, в том числе представителей БРП(к) и других партий ОФ⁵¹. С одной стороны, новое руководство всячески старалось выразить свою лояльность к правительству. Так, в резолюции совместной конференции министерства торговли и промышленности, Союза фабрикантов и ОРПС говорилось: «Все болгарские фабриканты единодушно выступают за правительство ОФ и торжественно заявляют, что приложат все старания для осуществления на деле экономической платформы правительства ОФ»⁵². С другой стороны, эти союзы, особенно Союз фабрикантов, пытались использовать свои организации и для определенного сопротивления мероприятиям и законам народной власти, имевшим целью ограничить доходы капиталистов и их эксплуататорские стремления⁵³.

Перестройка Союза торговцев как более демократической организации была глубже и органичнее, чем перестройка Союза фабрикантов. 1-й съезд Союза торговцев, проходивший в июне 1945 г., показал, что большинство членов этого союза поддерживает власть ОФ, принимает экономическую программу ОФ, лояльно участвует в проведении ее в жизнь⁵⁴. Это было неожиданностью для партии НС «Звено», которая считала торговцев одной из своих опор и претендовала на политическое руководство ими. Однако развитие событий заставляло и Союз фабрикантов не ограничивать-

⁴⁹ Д. Т о ш е в. Опитът от национализацията на банките в СССР и неговото приложение в НРБ. В сб. «40 години от Великата Октомврийска социалистическа революция». София, 1957, стр. 187.

⁵⁰ Д. Д о н е в. Борбата за възстановяване на народното стопанство у нас през периода от 1944 до 1948 г. «Исторически преглед», 1958, № 4, стр. 18—19.

⁵¹ М. И с у с о в. Работническата класа в България..., стр. 27.

⁵² «Отечествен фронт», 16 I 1945.

⁵³ Д. Д о н е в. Там же, стр. 27—28.

⁵⁴ Из 459 делегатов этого съезда от БРП(к) было 145, БЗНС — 76, СДП — 37 и НС «Звено» — 47 человек.

ся одними словесными заявлениями. В результате, оба союза приняли участие в подписке на заем свободы, вносили деньги в фонд армии, оказывали материальную помощь бедствовавшим югославским детям и т. п.⁵⁵ Особенно важное значение имел тот факт, что оба союза в момент обострения в стране политической борьбы в августе 1945 г. выступили в поддержку правительства ОФ против провокационных действий оппозиции, подписав наряду с другими массовыми общественными организациями соответствующий документ.

Что касается политической партии буржуазии НС «Звено», то на конференции этой партии, проходившей в марте 1945 г., уже вполне определились реставраторские стремления части представителей промышленного и торгового капитала. Это было настолько ярко выражено в предложенной ими резолюции конференции, что руководство НС «Звено» отказалось поддержать ее как несоответствующую духу времени. Последний эпизод был одним из проявлений острой борьбы внутри «Звена» между правым и левым его крылом, а также центром, возглавлявшимся премьер-министром К. Георгиевым. Хотя благоразумие восторжествовало, однако, реакционные настроения части буржуазии продолжали нарастать, в скором времени она стала требовать выхода «Звена» из ОФ.

Активизация реакционных кругов не могла не повлиять на деятельность ряда министров, представлявших в кабинете партии «Звено», БЗНС, БРСДП. Они начали настойчиво проводить политику срыва экономической программы ОФ, поскольку в их руках находилось руководство различными отраслями народного хозяйства. Особенно активно использовали свои посты в министерстве финансов оппозиционно настроенные социал-демократы. Они не только саботировали осуществление финансовой части программы ОФ, но и в самом министерстве и его органах игнорировали распоряжения Совета министров, касавшиеся всей страны. Роль комитета ОФ при министерстве была сведена к нулю⁵⁶. Примерно такое же положение существовало и в министерстве торговли и промышленности.

По вине министров-земледельцев рассмотрение в правительстве законопроекта о кооперативной обработке земли, принятого на заседании НК ОФ еще 21 декабря 1944 г.⁵⁷, долгое время откладывалось⁵⁸. Такая же судьба постигла законопроект о конфискации имущества, приобретенного в годы войны путем спекуляции и другим незаконным образом. Искусственно задерживалось принятие закона о прогрессивно-подоходном налоге, закона о табачной монополии и т. д. Вместо прогрессивно-подоходного обложения министерство финансов ввело налог в счет трудовой повинности, в равной мере касавшийся рабочих и фабрикантов-миллионеров⁵⁹.

Срывая выполнение экономической программы ОФ, реакционные министры рассчитывали и на определенный политический эффект. Так, задержкой реформ в области сельского хозяйства они стремились вызвать недоверие к новой власти среди крестьян; в деревне начался убой крупного рогатого скота, зажиточные крестьяне стали продавать землю⁶⁰.

Участники VIII пленума ЦК БРП(к) с тревогой отмечали, что в деревне усиливаются хозяйственные трудности, связанные с невыполнением экономической программы ОФ⁶¹. Недовольство проявляли также рабо-

⁵⁵ «Работническо дело», 6 II; 17 IV 1945; «Изгрев», 15 X 1944.

⁵⁶ «Работническо дело», 20 VIII 1945.

⁵⁷ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 24, л. 101.

⁵⁸ Закон был принят лишь в 1946 г., как и большинство других, предусмотренных в декларации правительства от 17 сентября 1944 г.

⁵⁹ ЦПА, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 29, л. 8.

⁶⁰ «Работническо дело», 14 V 1945.

⁶¹ ЦПА, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1, л. 118, 189, 245.

чие и служащие. Председатель Секретариата ЦК ОРПС Р. Дамянов, совершивший в апреле 1945 г. поездку по стране, характеризовал положение рабочих как «крайне тяжелое, ставшее почти невыносимым»⁶².

Незначительное повышение заработной платы рабочих, проведенное вскоре после 9 сентября 1944 г., не могло улучшить их материального положения из-за непрерывного роста цен. БРП(к) решение вопроса видела не в увеличении номинальной заработной платы, а в осуществлении целой системы социально-экономических преобразований, которые, помимо прочего, должны были привести к повышению реальной зарплаты. И именно эти мероприятия искусственно тормозились реакционными деятелями в правительстве. Конкретные предложения министров-коммунистов наталкивались на молчаливую обструкцию или на противодействие со стороны министров от других партий. На заседании Политбюро ЦК БРП(к) в июне 1945 г. отмечалось, что правительство из-за своей неоднородности не может твердо следовать принятой политике⁶³.

Таким образом, деятельность реакционных министров в определенной степени оказывала тормозящее влияние на развитие революционного процесса в стране.

Коммунисты считали осуществление экономической платформы ОФ мерой безотлагательной. Для этого они могли бы использовать сильнейшее средство воздействия на реакционных деятелей — давление масс. Тем более, что во время массовых митингов рабочие выступали с требованиями таких мер против буржуазии, которые выходили за рамки платформы ОФ: например, с требованиями введения двойных цен на товары первой необходимости для бедных и богатых, увеличения прожиточного минимума, не подлежащего обложению налогом, с 1,5 тыс. до 5 тыс. левов, усиления борьбы с саботажниками вплоть до национализации их предприятий⁶⁴. Однако в первой половине 1945 г. БРП(к), учитывая сложность внешне- и внутривластного положения Болгарии, считала это нецелесообразным.

С конца марта — в апреле 1945 г. действия правых сил в руководстве БЗНС, БРСДП и НС «Звено» начали приобретать все более враждебный по отношению к БРП(к) и ОФ характер. Реакционные элементы внутри ОФ стремились объединиться не только между собой, но и установить контакты с реакцией за пределами ОФ. Их лозунги смыкались с лозунгами нелегальных буржуазных групп внутри страны, поддерживались реакционными силами за рубежом.

Наибольшую опасность представляли правые в БЗНС. Кризис руководства БЗНС и уход Гемето в отставку в январе 1945 г. по существу ничего не изменили в этой партии. Последними исследованиями крупного болгарского специалиста М. Исусова установлено, что влияние Гемето и кругов, связанных с ним, оставалось очень сильным в БЗНС. Весной 1945 г. в ходе околийских и областных конференций ОФ деятели Земледельческого союза продолжали отстаивать теорию «самостоятельных действий» БЗНС, которая была направлена и против коммунистов и против ОФ⁶⁵. От антикоммунистической агитации правые переходили к антикоммунистическим действиям — участию в контрдемонстрациях 31 марта 1945 г., проведению в начале апреля конференции БМЗС под геметовскими лозунгами и т. п. Это была линия на раскол ОФ, на про-

⁶² ЦДА на НРБ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 8, л. 10.

⁶³ ЦПА, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 37, л. 6.

⁶⁴ ЦДА на НРБ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 139, л. 2; ед. хр. 119, л. 60—61; Д. Д. о. н. е. в. Там же, стр. 19.

⁶⁵ М. И с у с о в. Формиране на опозиционните политически сили в България (1944—1945). «Известия на Института по история на БКП», т. 27. София, 1972, стр. 137.

тивопоставление крестьян рабочим. Реакционеры-земледельцы призывали изгнать коммунистов из министерства внутренних дел, установить «в крестьянской стране крестьянскую власть».

Положение в БЗНС вызывало сильную озабоченность в других партиях ОФ, особенно в БРП(к). Необходимо было произвести коренное обновление организационного аппарата БЗНС, четко определить принципы политического сотрудничества БЗНС и БРП(к) ⁶⁶.

С приближением окончания войны с Германией завершался и очень важный период в жизни народно-демократической Болгарии. Основные политические задачи, поставленные перед болгарским народом на этот период, были выполнены. Болгария приняла участие в войне против гитлеровской Германии. Борьба против внутреннего фашизма, которой руководила БРП(к), увенчалась разгромом фашистских организаций, ликвидацией фашистской верхушки. Однако социально-экономическая программа ОФ была еще далека от выполнения. И, главное, до заключения мирного договора внешнеполитическое положение Болгарии оставалось неустойчивым.

Эти обстоятельства были учтены в Манифесте НК ОФ, обращенном к болгарскому народу в связи с завершением войны против гитлеризма: задачи, выдвигавшиеся перед болгарским народом на новый отрезок времени, шли в русле прежней программы ОФ от 17 сентября 1944 г. В области внешнеполитической главной задачей было заключение мирного договора и определение международного статуса Болгарии. Во внутриполитической области Манифест в качестве первоочередных выдвигал задачи восстановления народного хозяйства, полного осуществления экономической, социальной и культурной программы ОФ.

Летом 1945 г. предстояли выборы в парламент. Они являлись кульминацией развития революционного процесса в стране после победы восстания 9 сентября, а оживление деятельности реакции заставляло предполагать, что они превратятся в острое политическое столкновение.

24 апреля 1945 г. Политбюро ЦК БРП(к), обсудив вопрос о положении в стране, приняло решение применить тактику раскола враждебных сил и нанести главный удар по реакционным элементам БЗНС ⁶⁷. Предполагалось добиться отставки министров-земледельцев, что должно было послужить предупреждением всем реакционным элементам и нейтрализовать их деятельность.

Действуя по этому плану, БРП(к) в союзе с левыми «земледельцами» развернула кампанию по осуждению геметовщины и ее рецидивов. В апреле — начале мая 1945 г. в стране были проведены областные конференции БЗНС, участники которых выразили стремление сохранить верность принципам ОФ. Затем 8—9 мая 1945 г. состоялась Национальная конференция БЗНС, избравшая новое руководство Союза из числа деятелей, лояльно относившихся к ОФ и БРП(к). Особо стоял вопрос о Н. Петкове, который, возглавив БЗНС после ухода Гемето в отставку, имел определенный авторитет среди крестьянства, главным образом зажиточного: за ним шло примерно 25—30% членов БЗНС. Этой силой нельзя было пренебрегать. Однако неоднократные попытки коммунистов добиться компромисса с Н. Петковым путем сохранения за ним лидерства в БЗНС при условии сформирования более левого по своему составу Постоянного присутствия Союза, чтобы тем самым обеспечить надежный союз рабочего класса и крестьянства, успехом не увенчались. Он не хотел признавать никакого обновления руководства Земледельческого союза.

⁶⁶ Там же, стр. 138.

⁶⁷ ЦПА, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 29, л. 1.

Дело дошло до раскола БЗНС и перехода группы Н. Петкова в открытую оппозицию.

Раскол произошел и в БРСДП; БРП(к) также оказала активную поддержку ее левым кругам.

В этой сложной обстановке НС «Звено» сохранил своё единство и, более того, представители партии в НК ОФ подтвердили свою готовность поддержать Отечественный фронт. К. Георгиев заявил ЦК БРП(к), что он стоит за твердый отпор реакции в БЗНС и за сотрудничество между коммунистами и «звенарями»⁶⁸. В результате, прогрессивные силы сумели добиться отрыва реакционных элементов БЗНС и БРСДП от основной массы членов этих партий, искренне поддерживавших ОФ. Хотя вместе с Н. Петковым в оппозицию к ОФ перешла значительная часть членов БЗНС, раскол БЗНС и БРСДП был серьезным ударом по реакции. Но этот удар не стал сокрушительным: от устранения реакционных министров из правительства пришлось отказаться⁶⁹, ибо под давлением международных обстоятельств перед революционными силами, стремившимися до конца расчистить горизонт в стране накануне выборов, возникла необходимость внести коррективы в свои планы. Дело в том, что именно в конце мая-июне 1945 г. великие державы начали подготовку к Потсдамской конференции. В ходе ее между СССР и его западными партнерами выявились острые противоречия по поводу стран Юго-Восточной Европы, в том числе и Болгарии⁷⁰. Проводя подготовку к конференции «большой тройки», США и Англия в интересах своей политики, направленной против утверждения народно-демократического режима в Болгарии, использовали неурегулированность ее международного положения (отсутствие мирного договора с нею), экономические трудности и др. Выдвигались обвинения в непредставительном характере болгарского правительства, его зависимости от СССР, в невыполнении ялтинской «Декларации об освобожденной Европе» и т. п.⁷¹

В большом и сложном комплексе проблем на Потсдамской конференции предстояло обсуждать и проблемы Болгарии. Выступая с позиции защиты революционных преобразований в Болгарии, СССР стремился добиться скорейшего признания болгарского народно-демократического правительства всеми тремя ведущими державами антигитлеровской коалиции, установления дипломатических отношений с Софией, что значительно содействовало бы и внешнеполитической стабилизации страны и внутреннему укреплению народно-демократической власти. Естественно, что при остроте отношений между тремя великими державами, проявившихся в период подготовки Потсдамской конференции, министерский кризис в Болгарии мог оказаться на-руку главным образом реакционным силам.

Огромные усилия направили коммунисты в предвыборные месяцы на укрепление своего влияния среди трудящихся, в первую очередь среди рабочих и крестьян. Не надеясь на конструктивные меры по уре-

⁶⁸ И. Д и м и т р о в. «Народен союз „Звено“. 1 X 1944—19 II 1949». «Исторически преглед», 1970, № 5, стр. 15. В такой позиции «Звена» как единой партии несомненная заслуга К. Георгиева. В этой связи интересны слова Г. М. Димитрова, сказанные им о К. Георгиеве в 1946 г.: «Счастье для нашей страны, что у нас есть такой человек — независимо от силы его партии, качеств ее членов и депутатов, которому мы единодушно можем доверять благодаря его государственному уму, объективности, опыту и многим другим положительным качествам, которые уже полтора года мы наблюдаем у Кимона Георгиева». Цит. по: И. Д и м и т р о в. Там же, стр. 13.

⁶⁹ ЦПА, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 47, л. 4—5.

⁷⁰ Подробнее см. Л. Я. Г и б и а н с к и й. Подготовка Потсдамской конференции и вопросы Юго-Восточной Европы. «Etudes Balkaniques», Sofia, 1973, № 3.

⁷¹ Там же, стр. 21.

гулированию цен со стороны соответствующих ведомств, находившихся в руках правых сил, БРП(к) решительно вмешалась и добилась того, что в канун 1 мая 1945 г. правительство выступило со специальным обращением по этому поводу. В мае была создана комиссия по ценам, в составе которой работало 15 подкомиссий по различным отраслям хозяйства. Они пересматривали товарные калькуляции и устанавливали в соответствии с технологическими нормами твердые цены на продукцию. Это было реальным шагом на пути улучшения материального положения рабочих.

Большая помощь была оказана и крестьянам. Подхватив инициативу русенских и софийских коммунистов, БРП(к) стала организатором массового похода рабочих в деревню. Созданные из них бригады оказывали крестьянам не только производственную помощь, но и проводили огромную политическую и разъяснительную работу, участвовали в митингах и собраниях крестьян, проходивших под лозунгами поддержки ОФ⁷². Не менее важной была политическая работа, которая велась военнослужащими частей Красной Армии, расквартированных в Болгарии согласно положению о перемирии.

В результате, БРП(к), как отмечалось на заседаниях ее Политбюро, была твердо уверена в поддержке абсолютного большинства населения страны во время предстоящих выборов⁷³.

Силы, на которые могла опереться оппозиция, были значительно слабее, массовой опоры она не имела. Самым крупным ее козырем была помощь со стороны международной реакции, в том числе английского и американского представителей в Союзной контрольной комиссии (СКК).

Понимая, что на выборах их ждет провал, оппозиционеры решили сорвать выборы. Они официально поставили под сомнение демократичность выборов и таким образом дали англо-американцам возможность вмешаться во внутренние дела Болгарии. Вместе с тем, Н. Петков, когда его предложение отложить выборы и провести их под контролем союзных держав было отклонено, подал в отставку. Вслед за ним из кабинета вышло еще пять оппозиционных министров. Таким образом, правительственный кризис все-таки произошел, но теперь уже по инициативе оппозиционных сил.

Действия внутренней реакции были подкреплены дипломатическим нажимом со стороны США и Англии: 13 августа 1945 г. правительству ОФ были направлены ноты, в которых заявлялось, что правительства США и Англии не признают результатов выборов, так как они якобы не соответствуют их представлению о демократии⁷⁴.

В тот критический момент большую поддержку болгарскому народу оказал Советский Союз: вечером 14 августа Советское правительство заявило о возобновлении дипломатических отношений СССР с Болгарией⁷⁵. По всей Болгарии прокатилась волна митингов и собраний трудящихся, проходивших под знаком болгаро-советской дружбы и борьбы с оппозицией. 24 августа с декларацией в поддержку правительства ОФ выступили НК ОФ и все массовые общественные организации, в том числе союзы болгарских фабрикантов и торговцев⁷⁶.

В ночь с 24 на 25 августа английский и американский представители на заседании Союзной контрольной комиссии предъявили советским представителям ультиматум: если выборы будут проведены в соответствии

⁷² «Работническо дело», 4, 10 VII 1945.

⁷³ ЦПА, ф. I, оп. 9, ед. хр. 46, л. 2.

⁷⁴ «Работническо дело», 18 VIII 1945.

⁷⁵ Там же, 17 VIII 1945.

⁷⁶ Там же, 25 VIII 1945.

с опубликованным болгарским правительством законом, то Англия и США не признают их результатов и не заключат мира с Болгарией. Этот ультиматум заставил пойти на уступки. 25 августа — за день до назначенных выборов — болгарское правительство объявило об их отсрочке.

Такой поворот событий, вызванный главным образом вмешательством империалистических государств, был неожиданным для БРП(к), которая, располагая поддержкой большинства населения, в первую очередь рабочего класса и крестьянства, была абсолютно уверена в возможности справиться с внутренней реакцией собственными силами и нацеливала болгарский народ на проведение выборов при любых обстоятельствах.

На заседании Политбюро ЦК БРП(к) 26 и 27 августа обсуждалось сложившееся положение; был разработан план отступления, определены его допустимые границы⁷⁷. Коммунисты вынуждены были пойти на признание некоторых партий вне ОФ и в связи с этим внести соответствующие поправки в избирательный закон. В результате, в сентябре 1945 г. официально оформились в качестве самостоятельных отколовшиеся от БЗНС и БРСДП оппозиционные группы во главе с Н. Петковым и Гр. Чешмеджиевым. Кроме того, были признаны демократическая (до 9 сентября 1944 г. партия крупной и средней буржуазии) и радикальная (в основном мелкобуржуазная) партии. Радикальная партия сразу же присоединилась к ОФ, ее представитель был включен в правительство. Каждая из этих партий стала издавать свою газету.

Бесспорно, эти шаги в определенной степени усложняли внутривнутриполитическую ситуацию в Болгарии: разрешение существования каких-либо партий вне ОФ являлось отступлением от одной из главных позиций коммунистов, занятых ими после 9 сентября 1944 г. Но важно подчеркнуть, что идти на уступки БРП(к) приходилось главным образом под давлением международных, а не внутривнутриполитических факторов. Не менее важно, что в сложной ситуации БРП(к), творчески применяя ленинское учение о революционных компромиссах, действовала гибко и дальновидно.

Что касается внутренней реакции, то после отсрочки выборов она стала еще более несговорчивой и требовательной. Понадобилось вмешательство Союзной контрольной комиссии⁷⁸, чтобы оппозиция поняла истинную цену полученных уступок. После некоторого перерыва в стране была возобновлена предвыборная кампания, а сами выборы правительство ОФ назначило на 18 ноября 1945 г.

Значительному укреплению положения коммунистов и всего кабинета министров ОФ содействовало возвращение на родину В. Коларова (9 сентября 1945 г.) и Г. Димитрова (6 ноября 1945 г.).

Между тем, США и Англия направили Совету министров Болгарии повторные ноты в поддержку требований болгарской реакции. Но правительство ОФ заявило, что после сделанных уступок, в стране созданы все условия для проведения выборов и что, несмотря на отказ оппозиционных партий участвовать в выборах, они будут проведены в назначенный срок.

В выборах 18 ноября 1945 г. приняло участие 85,6% имевших право голоса. Из них за кандидатов ОФ проголосовало 88,18%, т. е. почти 3,4 млн граждан Болгарии. Все 276 депутатов Народного собрания были избраны по единому списку ОФ. Мандаты, согласно договоренности

⁷⁷ ЦПА, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 25.

⁷⁸ Советский представитель в СКК официально, на основании Соглашения о перемирии, потребовал от болгарского правительства принятия мер в отношении распоясавшейся реакции.

между партиями ОФ, были распределены следующим образом:

БРП (к)—94	БРСДП—31
БЗНС—94	Радикалы—11
«Звено»—45	Беспартийные—1

Председателем Народного собрания был избран В. Коларов.

Результаты выборов явились колоссальной политической победой БРП(к) и всех демократических сил. Из острого политического столкновения лета-осени 1945 г. они вышли победителями. Решительная поддержка большинством болгарского народа политики ОФ и БРП(к), как главной его силы, были доказательством правильности основного направления политики партии после 9 сентября 1944 г.

Первый год существования народно-демократической Болгарии был нелегким. Реакции удалось добиться определенных уступок в свою пользу. Но коммунисты сохранили свое преобладающее политическое влияние в массах, более того, расширили его, завоевав на свою сторону большинство массовых организаций трудящихся. Твердо опираясь на поддержку масс, БРП(к) могла маневрировать в борьбе с реакцией и идти без особого ущерба для себя на компромиссы, без которых не обходится никакая революция. Особенностью развития революционного процесса в Болгарии было то, что идти на компромиссы БРП (к) приходилось в основном в результате позиции западных держав, использовавших неурегулированность внешнеполитического положения Болгарии.

Прошедший год предъявил большие требования к БРП (к): коммунистам приходилось осваивать дело государственного управления, проявлять максимум гибкости и организационного таланта для укрепления ОФ, быть в первых рядах Народной армии, сражавшейся с гитлеровскими войсками, ожесточенно бороться с реакцией. Без коммунистов не обходилось ни одно мало-мальски крупное начинание, предпринимавшееся в новой Болгарии. И из огромных трудностей первого года существования народно-демократической власти БРП(к) сумела выйти окрепшей, обогащенной опытом, готовой бороться за полную победу социалистической революции.

Е. П. ПУГАЧ

К 30-ЛЕТИЮ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

30 лет назад в самом центре поработанной фашистами Европы вспыхнуло Словацкое национальное восстание, положившее начало национально-демократической революции в Чехословакии.

Организатором и руководителем восстания была Коммунистическая партия Словакии (КПС). После ликвидации Чехословакии, как независимого государства, КПЧ и КПС¹ являлись единственной организованной силой, которая вела активную непримиримую борьбу с фашизмом в протекторате Чехии и Моравии и в так называемом Словацком государстве.

Словацкие коммунисты, работая в трудных условиях подполья, выступали против фашизации общественной жизни и разоблачали социальную демагогию глинковской партии. В первые годы существования «независимой» Словакии клерикально-фашистскому режиму удалось с помощью националистической пропаганды и социальной демагогии на некоторое время привлечь на свою сторону значительную часть словацкого общества.

Но со второй половины 1941 г. обстановка в Словакии начала меняться. Германия все более беззастенчиво вмешивалась во внутренние дела так называемой Словацкой республики, усиливала экономический грабеж, втянула ее в войну против Советского Союза, в ходе которой начали рассеиваться иллюзии о «независимости» Словацкой республики. Среди различных слоев населения созревало недовольство клерофашистским режимом и сознание необходимости борьбы с ним. Важным импульсом для роста антифашистских настроений в Словакии был разгром немецких войск на берегах Волги и на Курской дуге. Назревавшее еще с 1941 г. среди словацких солдат недовольство войной, проявлявшееся в массовом переходе на сторону Красной Армии, свидетельствовало о разложении армии.

Огромные военные расходы и поставки Германии, главным образом в долг, привели к резкому ухудшению экономического положения, рушилась иллюзия экономического процветания Словакии.

В связи с коренным переломом в ходе войны, наступившем в 1943 г., актуальными стали вопросы послевоенного переустройства мира, в том числе и вопрос о возрождении Чехословацкой республики. Ход международных и внутренних событий заставлял словацкий народ задуматься над своим будущим.

Перед коммунистами открывались новые перспективы вовлечения широких масс в антифашистскую борьбу. При определении стратегии и тактики в этот ответственный период КПС руководствовалась разработанным московским центром КПЧ и принятым 5 января 1943 г. Исполкомом Ко-

¹ С мая 1941 г. КПЧ и КПС существовали как самостоятельные партии, хотя КПС руководствовалась указаниями московского руководства ЦК КПЧ.

минтерна документом о политической линии и ближайших задачах КПЧ в национально-освободительной борьбе².

Подпольные ЦК КПЧ и ЦК КПС должны были ориентироваться на «...всестороннюю активизацию борьбы против немецких оккупантов с перспективой национального восстания в подходящее время, в зависимости от развития событий на фронтах»³. Были также определены характер и цели борьбы: «Сегодняшняя борьба чешского и словацкого народов имеет характер национальной освободительной борьбы... КПЧ ведет эту борьбу в Национальном фронте всех антигитлеровских сил независимо от политической принадлежности и социального происхождения, причем от активности и рассудительности политического руководства партии зависит, будет ли играть рабочий класс в этой национально-освободительной борьбе ведущую роль... Целью национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов является освобождение Чехословакии, в которой не будет места фашизму и национальному угнетению и в которой народ будет иметь все политические права и свободы, будет сам решать вопрос о своем правительстве и его политике»⁴. Будущая Чехословакия должна была стать государством двух равноправных народов: чехов и словаков⁵.

С этой инструкцией из Москвы в Словакию в июле 1943 г. прибыл К. Шмидке. Ему пришлось создавать новый подпольный ЦК КПС, так как предыдущий его состав был арестован. Пятый подпольный ЦК КПС вместе с К. Шмидке возглавили Г. Гусак и Л. Новомеский. Ими была проведена большая работа среди коммунистов на местах по разъяснению характера и целей национально-освободительной борьбы, ее основных тактических принципов.

Выдвижение коммунистами требования воссоздания Чехословакии на широкой демократической основе с соблюдением принципа равноправия двух братских народов создавало реальную основу для объединения широких слоев народа. Предлагаемая коммунистами перспектива отвечала интересам большинства нации. К этому времени стало совершенно очевидным банкротство «независимого» Словацкого государства и неприемлемость буржуазной концепции чехословакизма, отрицающей право словаков на самостоятельное национальное существование.

Осенью 1943 г. руководство подпольного ЦК КПС предприняло шаги, направленные на достижение договоренности с буржуазными антифашистскими группами о единстве действий. Переговоры велись с представителями наиболее влиятельной буржуазной группировки бывших аграриев. Заключению соглашения способствовало подписание 12 декабря 1943 г. в Москве договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве Чехословакии и СССР.

К концу 1943 г. по инициативе КПС для руководства национально-освободительным движением был создан Словацкий национальный совет (СНС), в состав которого вошли на паритетных началах коммунисты и представители буржуазного так называемого «Гражданского блока». Политическая программа СНС была изложена в «Рождественском соглашении»⁶, которое определяло задачи движения Сопротивления и социально-политические и национальные принципы возрождения Чехословацкой республики с точки зрения словацкой нации. СНС считал, что решение главной за-

² «Slovenské národné povstanie. Dokumenty» (далее — SNP). Bratislava, 1965, s. 37—43.

³ SNP, s. 37.

⁴ Ibid., s. 42.

⁵ Ibid., s. 43.

⁶ Такое название оно получило потому, что было подписано в рождественские дни 1943 г.

дачи — свержение немецкой и клерофашистской диктатуры возможно только в тесном сотрудничестве со всем чехословацким движением Сопротивления. Говоря о будущем Чехословакии, он высказался за совместное государство чехов и словаков на основе принципа равноправия. В области внешней политики в соглашении указывалось на необходимость тесного сотрудничества с СССР ⁷.

Подписанием соглашения коммунистам удалось добиться активизации буржуазных групп движения Сопротивления в национально-освободительной борьбе.

«Это соглашение в общесловацком масштабе необычайно ускорило активизацию антифашистов, расширило антифашистский фронт среди всех слоев населения, умножило силы народа в его борьбе» ⁸, — отмечал Г. Гусак.

Добившись создания единого центра по руководству общенациональным движением Сопротивления, словацкие коммунисты главные свои усилия сосредоточили на вовлечении в его ряды самых широких слоев народа, создании местных органов единого Национального фронта — национальных комитетов, которые к середине 1944 г. взяли руководство вооруженной борьбой народа в свои руки. В донесении в Лондон из Словакии 6 мая 1944 г. сообщалось: «Коммунистическая партия усиленно организует национальные комитеты ... уже сегодня имеет большинство в них» ⁹.

Большое внимание КПС уделяла развитию партизанского движения. Так, в циркуляре № 2/44 подпольного ЦК КПС, направленном в начале 1944 г. местным организациям, наряду с созданием подпольных национальных комитетов ставилась задача формирования боевых групп, «которые могут быть употреблены и за пределами своей деревни» ¹⁰.

Г. Гусак так оценивал роль партизанского движения в подготовке вооруженного восстания: «Подготовить народ к этому выступлению и в военном отношении вооружить его, повести его — вот что было задачей партизанских отрядов, которые партия создавала по своей линии, с помощью своих организаций и вокруг них» ¹¹.

К лету 1944 г. к партизанской деятельности было подготовлено на местах около 20 тысяч человек ¹².

Разложение словацкой армии в 1943 г., рост недовольства среди солдат, поиски связей с движением Сопротивления со стороны части офицерства поставили на повестку дня вопрос о возможности использования армии в период восстания против клерофашистской диктатуры. ЦК КПС принял решение начать борьбу за привлечение словацкой армии к национально-освободительной борьбе народа, к участию в антифашистском восстании. Представители буржуазных групп в СНС согласились с этим. Начались переговоры с антифашистски настроенными офицерами. Задача состояла в том, чтобы объединить всех антифашистов в армии, подчинить их единому командованию, которое находилось под влиянием СНС.

Борьба за армию усложнялась тем, что эмигрантское правительство и президент Э. Бенеш, узнав об усилении антифашистских настроений среди словацких офицеров и солдат, стремились усилить в ней свое влияние. Э. Бенеш рассчитывал использовать антифашистски настроенную часть армии для свержения военного переворота при приближении фронта

⁷ «Pravda», 12 IX 1944.

⁸ Г. Г у с а к. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969, стр. 100.

⁹ SNP, s. 196.

¹⁰ Ibid., s. 147.

¹¹ Г. Г у с а к. Свидетельство о Словацком национальном восстании. стр. 126.

¹² Там же, стр. 127.

и установления в Словакии временной власти своих ставленников. Эта мысль была высказана им в послании буржуазным антифашистским группам в Словакии осенью 1943 г.¹³

Узнав в начале 1944 г. через свою агентуру о контактах части офицеров с представителями движения Сопротивления, эмигрантское министерство национальной обороны заявило, что подготовка к выступлению в армии может проходить только под его руководством и назначило командующим военными силами Сопротивления в Словакии подполковника Я. Голиана¹⁴ — начальника штаба наземных войск в Словакии.

Переговоры с офицерами-антифашистами по поручению подпольного ЦК КПС и СНС вел Г. Гусак.

В марте 1944 г. между СНС и военными представителями было достигнуто соглашение о совместных действиях по подготовке всенародного вооруженного восстания¹⁵. Антифашисты в армии признали СНС ведущим политическим центром Сопротивления и одобрили его программу. СНС согласился с тем, чтобы был создан подчиняющийся ему военный центр во главе с подполковником Я. Голианом¹⁶. Он должен был подготовить армию к участию во всенародном вооруженном восстании.

На совещаниях СНС с военным центром 29 июня и 20 июля 1944 г. был выработан политический и военный план восстания¹⁷. Решающую роль в его разработке сыграла КПС. План предусматривал организацию широкого вооруженного выступления народа, которое возглавит СНС. Он возьмет на себя всю полноту власти в Словакии, провозгласит восстановление Чехословацкой республики. Основной военной силой восстания должны были стать повстанческая армия и партизанские отряды, подчиняющиеся СНС. Намечалось, что выступление начнется по согласованию с советским командованием. Допускалось также, что оно может развернуться и раньше, если Германия предпримет попытку оккупации Словакии¹⁸. Восстание должно было охватить всю территорию Словакии. Особо важная роль отводилась двум восточнословацким дивизиям, которые должны были открыть Красной Армии перевалы в Карпатах¹⁹. Исключительно важным вопросом являлось согласование планов восстания с советским командованием. Однако из-за отсутствия связи между подпольным ЦК КПС и московским руководством ЦК КПЧ советской стороне не были известны подробные планы подготовки всенародного восстания. В сообщениях Э. Бенеша Советскому правительству говорилось лишь о возможном восстании в словацкой армии по сигналу из Лондона²⁰.

По настоянию коммунистов было принято решение направить в Москву делегацию СНС для ознакомления советского командования с планами Словацкого национального восстания. После длительных проволочек со стороны военного центра, получившего соответствующие инструкции из Лондона, делегация СНС в составе К. Шмидке и подполковника Ферьенчика 4 августа 1944 г. вылетела в Москву²¹. Из-за интриг эмигрантского правительства деятельность делегации в Москве была затруднена, но в конечном итоге К. Шмидке изложил план Словацкого национального

¹³ SNP, s. 104.

¹⁴ Ibid., s. 176.

¹⁵ Г. Г у с а к. Свидетельство о Словацком национальном восстании, стр. 114.

¹⁶ Отвергнув по настоянию КПС планы Бенеша об организации военного переворота, СНС счел нецелесообразным обострять отношения с президентом и правительством и согласился с кандидатурой Я. Голиана.

¹⁷ G. H u s á k. O Slovenskom národnom povstani. Bratislava, 1969, s. 39.

¹⁸ Ibid., s. 40.

¹⁹ Ibid., s. 41.

²⁰ SNP, s. 124—125, 168—171, 227—228.

²¹ Г. Г у с а к. Свидетельство о Словацком национальном восстании, стр. 245.

восстания московскому руководству ЦК КПС и представителям советского командования²².

Руководство КПС одобрило курс КПС на организацию всенародного восстания и планы возрождения Чехословацкой республики, о чем свидетельствует принятый им 23 августа документ «О некоторых задачах народно-освободительного движения в Словакии»²³. Пока в Москве согласовывались планы словацкого восстания, в Словакии события разворачивались с головокружительной быстротой. В начале августа резко активизировалась партизанская борьба. Это было связано с тем, что с 26 июля по 9 августа 1944 г. Украинский штаб партизанского движения (УШПД) переправил в район Низких Татр несколько групп партизан-организаторов под командованием П. Величко, А. Егорова, Л. Калины, Я. Волянского, Е. Белика, Я. Ушиака и других²⁴. Эти группы сразу же встретили широкую поддержку населения, ибо благодаря деятельности КПС и подпольных национальных комитетов сотни и тысячи антифашистов были подготовлены к партизанской борьбе.

Направляя партизан в Словакию, УШПД не знал о планах подготовки всенародного восстания и задания устанавливал без их учета. Главную задачу он видел в организации немедленной вооруженной борьбы против немецких и словацких фашистов. В августе 1944 г. в Словакии вспыхнула массовая партизанская война. Рост антинемецких настроений в словацкой армии, активизация партизанского движения в стране, переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции — все это ускорило оккупацию Словакии немецко-фашистскими войсками. Как только 27 августа 1944 г. стало известно о готовящейся оккупации, в ряде городов средней Словакии подпольные национальные комитеты с помощью партизан и оставших солдат взяли власть в свои руки. 29 августа, когда немецкие войска перешли западную границу Словакии, подполковник Я. Голиан отдал приказ начать восстание воинским частям, поддерживавшим СНС²⁵. Однако из-за бездарности, а иногда и предательства части офицеров, выступление армии сорвалось; большинство городов западной Словакии, в том числе и Братислава, были заняты немецкими войсками.

Трагически развивались события в восточной Словакии. Аресты многих коммунистов в первой половине 1944 г. затруднили подготовку населения к восстанию. Не было должным образом подготовлено выступление двух восточнословацких дивизий. О намеченном на 2 сентября выступлении знала только узкая группа офицеров, поддерживавшая связи с военным центром в Банской Быстрице. Когда был получен сигнал о начале восстания раньше этого срока, назначенное военным центром командование этих дивизий во главе с полковником Тальским проявило преступную нерешительность и растерянность. Немецкие войска, воспользовавшись замешательством словацкого командования, 31 августа 1944 г. разоружили восточнословацкие дивизии. Лишь части солдат и офицеров удалось пробиться к партизанам и на повстанческую территорию.

Разоружение этих дивизий имело трагические последствия для Словацкого национального восстания. В восточной Словакии партизанские отряды одни, без поддержки армии вынуждены были вести оборонительные бои против немецких карателей. Был сорван план прорыва фронта в районе Карпатских перевалов с помощью словацких частей.

Советское правительство, узнав о Словацком национальном восстании от делегации СНС, а затем от командования 1-го Украинского фронта,

²² Там же, стр. 251—252.

²³ «Príspevky k dejinam KSČ», 1964, № 1, s. 75—78.

²⁴ «Prehľad dejin KSČ na Slovensku». Bratislava, 1971, s. 290.

²⁵ SNP, s. 357.

приняло решение срочно подготовить и провести операцию по прорыву фронта в Карпатах с выходом на территорию Словакии для соединения с восставшими.

Когда 8 сентября 1944 г. войска 38-й армии и Чехословацкого армейского корпуса начали Дукельскую операцию, то они не только не получили помощи со стороны восточнословацких дивизий, так как их уже не существовало, а встретили ожесточенное сопротивление немецких войск. Кровопролитные бои продолжались почти месяц, план немедленного прорыва фронта и соединения с восставшими осуществить не удалось.

Планы Словацкого национального восстания были реализованы в полной мере лишь на территории средней Словакии. Здесь оно носило подлинно всенародный, массовый характер. На борьбу против немецких и словацких фашистов поднялась повстанческая армия, насчитывающая 50—60 тысяч человек²⁶, и партизанские отряды, объединяющие около 20-ти тысяч человек²⁷. Повстанческая армия и партизаны не имели танков, тяжелой артиллерии и авиации. Против них вели наступление более шести немецких дивизий, вооруженных новейшей техникой²⁸.

Тот факт, что несмотря на исключительно тяжелые условия, повстанцы смогли продержаться в течение двух месяцев, свидетельствует о героизме, силе и мужестве восставшего словацкого народа.

С самого начала планы восстания строились в расчете на помощь Советского Союза. И восставшие словаки получали ее постоянно. Выше уже говорилось о Дукельской операции, рассчитанной на помощь восстанию. Эта операция стоила огромных жертв Красной Армии и Чехословацкому армейскому корпусу. Именно в кровопролитных боях за Дуклу родился знаменитый лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!». Дуклинская операция отвлекла значительные силы оккупантов и облегчила положение восставших.

СССР постоянно помогал повстанцам, поставляя оружие. С начала восстания и до 18 октября на повстанческий аэродром «Три дуба» из СССР было доставлено 580 автоматов, 244 противотанковых ружья, 250 легких пулеметов, 74 тяжелых пулемета, боеприпасы к ним и более 1 тыс. кг взрывчатки²⁹.

Для прикрытия операций повстанцев с воздуха из Советского Союза прибыл полк истребительной авиации. Важную роль в защите повстанческой территории сыграла переброшенная из СССР 2-я парашютно-десантная Чехословацкая бригада³⁰.

Самоотверженность и героизм проявили около 3 тыс. советских граждан, воевавших в этот период в партизанских соединениях в Словакии³¹. Многие из них являлись организаторами и командирами этих отрядов.

В восстании участвовали представители и других народов: около 2 тыс. венгров, 400 французов, 200 немцев, 100 югославов, 90 поляков — всего около 3 тыс. человек³². Двухмесячная борьба повстанцев с наступающими немецко-фашистскими войсками явилась вкладом словаков в разгром фашизма, дала возможность провести на повстанческой территории преобразования, знаменующие начало национально-демократической революции.

²⁶ SNP, s. 966.

²⁷ G. H u s á k. O Slovenskom národnom povstani, s. 46.

²⁸ «Dejinná križovatka», Bratislava, 1964, s. 421.

²⁹ SNP, s. 545.

³⁰ SNP, s. 977—998.

³¹ «Pravda», 29 VIII 1969.

³² Ibid.

Возглавил проведение всех революционных преобразований СНС, в руководстве которого решающую роль играли коммунисты. 1 сентября 1944 г. он обратился к словацкому народу с декларацией, в которой объявил, что он как верховный орган национально-освободительного движения в Словакии берет в свои руки всю законодательную и исполнительную власть. В декларации излагались основные цели и задачи начавшейся национально-демократической революции: борьба против немецкого и словацкого фашизма, за национальное освобождение, за братские взаимоотношения с чешским народом в новой Чехословацкой республике, в которой будет обеспечено справедливое распределение национального дохода, улучшено положение рабочих и проведено перераспределение земель в пользу крестьян³³.

На освобожденной территории эта программа сразу же претворялась в жизнь. Первыми же своими постановлениями СНС запретил все фашистские партии и организации³⁴, а также взял под свое управление все немецкие и так называемые «аризованные» предприятия³⁵. Важным шагом на пути демократизации общественной жизни было постановление СНС о национализации школьного дела в стране³⁶. В общей сложности СНС за период восстания принял 40 постановлений, направленных на укрепление обороны и осуществление первых революционно-демократических преобразований.

Ведущей политической силой восстания были коммунисты, имевшие партийные организации на местах и через них поддерживавшие связи с массами. Они впервые в истории Словакии стали правящей партией и впервые могли вести борьбу за интересы рабочего класса и всех трудящихся, используя свои позиции в органах государственной власти.

Свою точку зрения на восстание и его задачи КПС изложила 2 сентября 1944 г. в воззвании к словацкому народу: «Первая наша цель состоит в том, чтобы в общей борьбе нанести военное поражение гитлеровской Германии и уничтожить все фашистские элементы, чтобы трудящиеся могли свободно определить формы и образ своей жизни. ...Только добившись поражения последнего фашистского оплота в Европе — Германии, трудящиеся встанут на путь политической и социальной свободы»³⁷.

Таким образом, коммунисты считали задачей восстания борьбу не только за национальное, но и за социальное освобождение. Широкой пропагандой своей программы преобразования Словакии после победы над фашизмом, самоотверженной работой в СНС, национальных комитетах, в партизанских отрядах коммунисты добивались завоевания на свою сторону не только рабочего класса, но и широких трудящихся масс.

Особенно большое значение для укрепления авторитета коммунистов имело их объединение с социал-демократами и создание единой партии рабочего класса. Это единство родилось в совместной борьбе против клерофашистского режима и было организационно оформлено на объединительном съезде 17 сентября 1944 г. Главной и непосредственной задачей объединенной КПС съезд считал борьбу против немецкого фашизма и его приспешников, за национальное освобождение, за новую Чехословакию, основанную на равенстве и братстве чехов и словаков³⁸.

³³ SNP, s. 390, 391.

³⁴ «Sbierka nariadení SNP», № 4/1944, č. 1, 5 IX 1944.

³⁵ Ibid., č. 3, 9 IX 1944.

³⁶ Ibid., № 5/1944, č. 2, 7 IX 1944.

³⁷ «Za svobodu českého a slovenského národa». Praha, 1956, s. 349.

³⁸ «Pravda», 17 IX 1944.

В постановлении съезда нашли отражение требования пролетариата, который ставил вопрос о «социализации фабрик, заводов и банков, передаче земли мелкому крестьянству, улучшении положения интеллигенции, изменении государственного и общественного строя согласно ... социалистическим идеалам»³⁹.

После съезда на освобожденной территории были проведены конференции и собрания, на которых были созданы единые партийные организации. Политическое объединение рабочего класса имело большое значение как для восстания, ибо способствовало объединению усилий трудящихся в борьбе с немецкими оккупантами, так и для будущего прогрессивного развития Словакии после освобождения.

Важным шагом в деле объединения словацкого рабочего класса была конференция заводских комитетов в Подбрезовой 15 октября 1944 г., на которой было принято решение о создании единых профсоюзов⁴⁰. Эта конференция показала, что рабочий класс полностью поддерживал КПС. Объединением словацких профсоюзов было впервые на практике осуществлено предложение коммунистов о создании единых массовых организаций трудящихся.

Но КПС не только боролась за единство рабочего класса, но и пыталась укрепить и расширить национальный фронт в целом, прежде всего заложить основы союза рабочего класса и крестьянства. Ею был выдвинут лозунг: «Земля принадлежит тем, кто на ней работает!». Прежде всего коммунисты предлагали конфисковать земельные владения немцев и венгров и немедленно и бесплатно разделить их среди мелкого крестьянства, а также провести ревизию земельной реформы 1919 г.⁴¹ Они даже подготовили раздел нескольких немецких имений, но осуществить его не успели⁴².

Исключительно важное значение для укрепления национального фронта имела работа коммунистов в национальных комитетах, их борьба за превращение национальных комитетов в подлинные органы революционной власти на местах вопреки сопротивлению буржуазного крыла движения Сопротивления, которое считало национальные комитеты органами временными и стремилось сохранить после освобождения прежнюю бюрократическую систему управления.

По настоянию КПС 7 сентября 1944 г. СНС опубликовал инструкцию о создании районных и местных национальных комитетов, в которой была определена их структура и главная задача — помощь армии и партизанам⁴³. Более подробно компетенция национальных комитетов определялась в инструкции ведомства внутренних дел от 27 сентября 1944 г.⁴⁴.

Практически они обладали всей полнотой власти благодаря революционной инициативе масс, руководимых коммунистами.

Таким образом, в ходе восстания на освобожденной территории Словакии была установлена народная власть в лице национальных комитетов и СНС, были разрушены планы лондонской эмиграции на восстановление диктатуры чешской буржуазии в Словакии и заложены основы будущих равноправных взаимоотношений словацкого и чешского народов в новой республике.

Несмотря на то, что Словацкое национальное восстание закончилось поражением, оно имело важное международное значение, оказало решаю-

³⁹ Ibid.

⁴⁰ «Pravda», 17 X 1944.

⁴¹ Ibid., 22 IX 1944.

⁴² «Dejinná križovatka», s. 403.

⁴³ SNP, s. 462.

⁴⁴ Ibid., s. 593—595.

щее влияние как на судьбу самого словацкого народа, так и на всю историю борьбы за новую народно-демократическую Чехословакию.

Были сорваны планы нацистов использовать словацкую армию против наступающей Красной Армии и против активизировавшегося партизанского движения, значительные силы гитлеровцев были отвлечены с фронта на два месяца, серьезно были нарушены немецкие коммуникации.

Восстание нанесло сокрушительный удар клерофашистскому режиму, положило начало национально-демократической революции, главной задачей которой было возрождение независимой Чехословацкой республики как государства народно-демократического, основанного на полном равноправии чехов и словаков. Начатые в период восстания революционные преобразования продолжались на освобожденной Красной Армией территории восточной Словакии и затем в освобожденной Чехословакии переросли в преобразования социалистические.

К. Готвальд, выступая на митинге, посвященном пятой годовщине Словацкого национального восстания, высоко оценивал его значение в борьбе за новую Чехословакию: «Пять лет назад словацкий народ восстал, чтобы своими собственными силами способствовать изгнанию инопоземных захватчиков из своей страны и сбросить со своих плеч иго тисотуковских господ. Словацкий народ восстал, чтобы завоевать своему народу честь, свободу и независимость в возрожденной Чехословацкой республике. Он восстал и принес на алтарь свободы кровавые жертвы, но не ради возрождения домюнхенской республики, о которой у него сохранились печальные воспоминания, а ради создания новой республики, в которой трудящийся человек стал бы, наконец, хозяином, а перед словацким народом открылись бы перспективы хозяйственного и культурного развития. Тот факт, что у нас создана новая республика, что у нас создано государство равноправных народов — чехов и словаков, государство трудящихся, республика, в которой трудящиеся сами решают судьбы своей страны и нации в нерушимом союзе с могучим Советским Союзом, мы считаем величайшим завоеванием Словацкого национального восстания»⁴⁵.

⁴⁵ К. G o t t w a l d. Vyber z diela II. Bratislava, 1971, s. 383.

Л. В. ЛОЙКО

РОСТ РЯДОВ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ (1950—1960)

Польская объединенная рабочая партия, выражая волю рабочего класса и всех трудящихся, провозгласила на своем I съезде курс на создание в Польше основ социализма. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией и опытом строительства социализма в СССР, ПОРП определила, что главной задачей польского народа на данном этапе социалистического строительства являлась социалистическая индустриализация экономики страны.

В ходе выполнения шестилетнего (1950—1955 гг.) и пятилетнего (1956—1960 гг.) планов развития народного хозяйства коренным образом была изменена экономическая структура страны. Доминирующее положение в народном хозяйстве заняли индустриальные отрасли: промышленность, строительство и транспорт. Удельный вес промышленности и строительства в национальном доходе вырос с 42% в 1949 г. до 56% в 1960 г.¹ Валовой объем промышленной продукции за 50-е годы увеличился в 3,5 раза. Особенно бурными темпами развивались машиностроение, энергетика, химическая промышленность.

Главным итогом хозяйственного развития Польши в 50-е годы было создание экономических основ социализма, социалистическая индустриализация страны. III съезд ПОРП (март 1959 г.) подчеркнул, что за годы народно-демократической власти Польша превратилась из отсталой и аграрной в развитую индустриально-аграрную страну².

Польский рабочий класс, играя главную роль в процессе социалистического строительства, сам за этот период претерпел существенные изменения: произошло дальнейшее его идейное и организационное укрепление, усилилась руководящая роль в обществе, увеличилась численность, изменилась внутренняя структура. При этом динамика роста рядов рабочего класса находилась в прямой зависимости от масштабов и темпов промышленного строительства.

В разработанном ПОРП шестилетнем плане построения экономических основ социализма на 1950—1955 гг. предусматривались ускоренные темпы роста промышленного производства. Валовой объем промышленной продукции намечалось увеличить на 158%, т. е. более чем в 2,5 раза. Такие огромные масштабы капитального строительства, резкое увеличение объема промышленного производства требовали соответствующего роста

¹ «Rocznik Statystyczny 1967». Warszawa, 1967, s. 81.

² III съезд Польской объединенной рабочей партии. Варшава, 1959, стр. 424.

численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. «Первая производительная сила всего человечества,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть рабочий, трудящийся»³. Поэтому шестилетним планом предусматривался рост занятости во всех отраслях (кроме частного сельскохозяйственного производства) на 2381 тыс. человек или на 60%, в том числе в промышленности на 65% и в строительстве на 120%⁴.

Задания шестилетнего плана учитывали большие резервы рабочей силы, которые народно-демократическое государство получило в наследство от довоенной буржуазно-помещичьей Польши. Тяжелым бичом для польского народа в период господства помещиков и буржуазии было аграрное перенаселение в деревне и массовая безработица в городе. Около 2,4 млн человек в сельском хозяйстве и свыше 600 тыс. в городе не находили применения в народном хозяйстве⁵.

С установлением народно-демократического строя в стране сложились реальные предпосылки для обеспечения полной занятости рабочей силы. Проведение в 1944—1945 гг. аграрной реформы, освоение западных и северных земель, восстановление и развитие промышленности в годы трехлетки значительно снизили уровень безработицы. Тем не менее к началу социалистической индустриализации резервы рабочей силы в стране были громадными. В 1949 г. «лишних» рабочих рук в деревне насчитывалось приблизительно 2,2 млн человек⁶. В то же время в городах было зарегистрировано 119 тыс. безработных⁷. Полностью решить проблему занятости можно было лишь путем индустриализации страны. ПОРП выдвинула задачу ускоренного промышленного развития Польши и обеспечения работой всего трудоспособного населения.

Уже в первые годы шестилетки промышленность и строительство поглотили подавляющую часть свободных рабочих рук из городов и значительную часть из деревень. Наибольший прирост занятости в этих отраслях был достигнут в 1950 г.— 518 тыс. человек. В последующие 3 года темпы прироста оставались высокими, хотя и были несколько ниже, чем в 1950 г.: в 1951 г.— 337 тыс., в 1952 г.— 203 тыс., в 1953 г.— 230 тыс. человек. В 1954—1955 гг. в связи с некоторым уменьшением объема капитального строительства прирост занятости в промышленности уменьшился соответственно до 112 тыс. и 114 тыс. человек, а в строительстве количество рабочих и служащих даже сократилось. Всего занятость в социалистическом секторе за годы шестилетки выросла на 2492 тыс. человек или на 61%, в том числе в промышленности на 1051 тыс. или на 64,4%⁸. Таким образом, задания шестилетнего плана в отношении роста занятости были выполнены с незначительными отклонениями.

В годы первой пятилетки, когда перед народным хозяйством встали задачи выравнивания диспропорций в развитии его отдельных отраслей, темпы роста промышленного производства несколько снизились, численность рабочих и служащих росла значительно медленнее, чем в годы шестилетки. Занятость в социалистическом секторе за пять лет выросла на 572 тыс. человек или на 9%, в том числе в промышленности, строительстве и на транспорте на 515 тыс. человек или на 13%⁹. Значительно увеличилась занятость в сфере обслуживания, несколько сократилась в социа-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 359.

⁴ «Dziennik Ustaw Polskiej», Rzeczypospolitej № 37/1950, poz. 344.

⁵ A. B o d n a r. Problemy polityki gospodarczej PRL. Warszawa, 1969, s. 29.

⁶ M. L a t u c h. Migracje wewnętrzne w Polsce na tle industrializacji (1950—1960). Warszawa, 1970, s. 35.

⁷ A. B o d n a r. Ibid., s. 29.

⁸ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 69.

⁹ Ibid.

листическом секторе сельского хозяйства и в административном аппарате. Пятилетний план по росту занятости в социалистическом секторе был выполнен лишь на 47%¹⁰, но производственные задания пятилетки были выполнены в основном успешно. Это явилось результатом уменьшения давления в годы пятилетки на «рынок труда» со стороны молодежи и крестьянства и более рационального использования рабочей силы в народном хозяйстве страны.

Общее количество рабочих и служащих в народном хозяйстве (без частного сектора сельского хозяйства) увеличилось в 1949—1960 гг. с 4317 тыс. до 7150 тыс. человек¹¹. Большую часть среди них — 67,3% в 1960 г. — составляли рабочие¹². Наиболее высокий удельный вес рабочих был в промышленности, строительстве, коммунальном хозяйстве, на транспорте: от 70 до 85%¹³. Численность рабочего класса Польши за период с 1949 г. по 1960 г. выросла примерно с 2800 тыс. до 4600 тыс. человек.

Рост рядов рабочего класса в условиях социалистического строительства — это необходимый и закономерный процесс. ПОРП и народно-демократическое правительство уделяли большое внимание планированию и регулированию этого процесса. V пленум ЦК ПОРП (июль 1950 г.), утвердивший проект шестилетнего плана, рассмотрел также и основные пути пополнения рядов рабочего класса в период ускоренной индустриализации. ЦК ПОРП определил, что важнейшими источниками роста численности рабочих и служащих должны быть: молодежь города и деревни; население непромышленных городов и поселков; незанятые общественным трудом женщины; сельскохозяйственное население¹⁴.

При этом ЦК ПОРП исходил из наиболее оптимального варианта использования трудовых ресурсов страны, учитывавшего потребности в рабочей силе всех отраслей народного хозяйства.

Однако в ходе реализации плановых заданий шестилетки в процессе роста занятости наблюдались и некоторые элементы стихийности: чрезмерный отток рабочих рук из сельского хозяйства, текучесть кадров, полустихийный набор кадров администрацией предприятий и др. В результате этого на первое место среди источников роста рядов рабочего класса в годы шестилетки вышло крестьянство.

В 1950—1955 гг. деревню покинуло около 1 млн человек, из них подавляющая часть нашла себе занятие в промышленности и строительстве¹⁵. Столь массовый уход наиболее трудоспособного населения (преобладали мужчины в возрасте 18—24 лет) из сельского хозяйства вызвал серьезные трудности в сельскохозяйственном производстве районов, непосредственно прилегающих к промышленным центрам, так как основная масса новых рабочих набиралась именно там. На отрицательные стороны этого явления указывал II съезд ПОРП, который признал необходимым сократить массовый отток трудоспособного населения из сельского хозяйства и более рационально использовать трудовые резервы.

Народнохозяйственным планом на 1956—1960 гг. предусматривался отлив из сельского хозяйства около 350 тыс. человек. В действительности же за пятилетие сельское хозяйство покинули около 600 тыс. человек¹⁶.

¹⁰ А. Р а й к е в и ч. Занятость населения Польши. М., 1970, стр. 140.

¹¹ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 71.

¹² Все количественные данные, касающиеся рабочего класса, охватывают в настоящей статье категорию работников физического труда, так как польская статистика не дает других данных.

¹³ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 71.

¹⁴ V Plenum KC PZPR. «Nowe Drogi», 1950, № 4, s. 57.

¹⁵ А. К а р п і Ń с к и. Zagadnienia socjalistycznej industrializacji Polski. Warszawa, 1958, s. 118.

¹⁶ S. W i d e r s z p i l. Skład polskiej klasy robotniczej. Warszawa, 1965, s. 112.

Всего же за 1950—1960 гг. из сельскохозяйственного производства в другие отрасли народного хозяйства перешло около 1,6 млн человек.

Переход части населения из сельского хозяйства в промышленность, строительство и другие отрасли ускорил процесс урбанизации страны. За период с 1950 г. по 1960 г. городское население увеличилось с 9244 тыс. до 15 381 тыс. человек, что составляло соответственно 39% и 48,3% населения всей страны¹⁷. Вместе с тем, необходимо отметить, что ряды рабочего класса пополнялись не только за счет крестьян, переехавших на постоянное жительство в город или поселок. Крупным отрядом рабочего класса стали так называемые рабочие-крестьяне, т. е. люди, работающие на заводах и стройках, но проживающие в деревнях и связанные тем или иным способом с сельским хозяйством.

Численность сельского населения, для которого сельское хозяйство не являлось главным занятием, в годы индустриализации быстро росла: если в 1950 г. она составляла 22,8% всего сельского населения, то в 1960 г. — уже 31,1%¹⁸. Одной из причин этого явления было дробление крестьянских наделов, связанное с быстрым ростом населения. Так, только за один 1958 г. количество крестьянских хозяйств, владевших наделом от 0,1 га до 2 га увеличилось с 1120,9 тыс. до 1273,7 тыс.¹⁹.

Значительная часть этих семей имела дополнительный заработок за счет работы на близлежащих фабриках, заводах и стройках. Всего, по оценке польских социологов, в 1960 г. в народном хозяйстве работало около 800 тыс. рабочих-крестьян. В промышленности эта категория работников составляла около 25% всех рабочих, в строительстве — свыше 50%²⁰. На автозаводе в Люблине, например, крестьяне-рабочие составляли 20% всего коллектива, на автозаводе в Стараховицах — 33%²¹.

Удельный вес выходцев из крестьянства (включая порвавших и не порвавших всех связей с землей) среди рабочего класса колебался в зависимости от географического положения предприятия, от времени ввода его в эксплуатацию и других факторов. Изменяясь в пределах 20—50%, он был, как правило, выше на вновь построенных предприятиях и ниже на старых, выше на территории западных и северных земель и ниже в старопольских промышленных районах. В целом рабочие крестьянского происхождения во второй половине 50-х годов составляли около 1/3 рабочего класса.

Это были в основном бывшие батраки и малоземельные крестьяне. Польская статистика не приводит данных о социальном происхождении всего рабочего класса, однако, социологические исследования дают хотя и не полную, но вполне определенную картину по этому вопросу. Так, например, на заводе «Пафаваг» во Вроцлаве рабочие крестьянского происхождения составляли в 1957 г. 34,8%. Из них представителей беднейшего крестьянства (безземельные и имевшие наделы до 3 га) было 48,7%, малоземельных (3—7 га) — 35, середняков (7—14 га) — 11,1, выходцев из зажиточных семей (с наделом свыше 14 га) — 5,2%²². Таким образом, представители бедняцких семей составляли подавляющее большинство: 83,7% всех рабочих крестьянского происхождения на этом заводе.

Рекрутация новых рабочих преимущественно из рядов беднейшего крестьянства облегчала их социально-политическую адаптацию в рабочей

¹⁷ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 22.

¹⁸ Ibid., s. 42.

¹⁹ «Rocznik Statystyczny 1959». Warszawa, 1959, s. 186.

²⁰ «Przedsiębiorstwo w Polskim systemie społeczno-ekonomicznym». Warszawa, 1967, s. 180; «XX lat Polski Ludowej». Warszawa, 1964, s. 236; A. B o d n a r. Ibid., s. 33.

²¹ «Nowe Drogi», 1959, № 1, s. 101.

²² «Studia nad rozwojem klasy robotniczej». Warszawa, 1962, cz. II, s. 28.

среде. Эта категория крестьян была наиболее близкой к рабочему классу по своему социальному положению, поэтому быстрее усваивала идеологию и психологию рабочих.

Переход на работу в промышленность и другие отрасли экономики имел для бывших крестьян явно положительное значение. Труд этих людей, овладевавших современной техникой и передовой технологией, был более производительным, чем в сельском хозяйстве, значительно повышался их жизненный уровень, они в большей степени подвергались влиянию социального, культурного и технического прогресса.

Вместе с тем массовый приход на производство бывших крестьян сопровождался и рядом трудностей. Как правило, эта категория работников на первых порах отрицательно влияла на рост производительности труда и укрепление производственной дисциплины. Как показали социологические исследования, проведенные группой социологов под руководством Ст. Видершпиля на заводе «Урсус» в Варшаве, полная адаптация выходцев из деревни в рабочей среде достигалась в течение 5—7 лет²³.

В этой связи огромное значение приобретала работа партийных и общественных организаций на предприятиях и стройках по обучению и воспитанию новых рабочих. Необходимо отметить, что в первые годы шестилетки среди некоторой части кадровых рабочих и членов ПОРП имело место неправильное отношение к рабочим — выходцам из деревни. На некоторых предприятиях на них смотрели как на заведомо отстающих работников, стремились побыстрее от них избавиться. На автозаводе в Стараховицах, например, где приезжающие на работу из деревни крестьяне-рабочие составляли $\frac{1}{3}$ коллектива, в 1952—1953 гг. существовало ненормальное отношение между ними и кадровыми рабочими, которые не хотели работать вместе с новичками, ссылаясь на их низкую квалификацию. Заводской комитет ПОРП согласился на создание отдельных бригад и участков. Это, естественно, не способствовало ни сближению различных групп рабочих, ни подъему производства, поскольку рабочие из сельской местности были лишены возможности перенимать опыт и навыки старых рабочих, ни повышению идейного уровня новых рабочих²⁴.

Эти недостатки были проанализированы на состоявшемся в октябре 1953 г. IX пленуме ЦК ПОРП. Пленум, наметив поворот в политике партии по отношению к крестьянству вообще, потребовал одновременно от партийных и общественных организаций улучшения работы с бывшими крестьянами, вступившими в ряды рабочего класса.

После IX пленума организации ПОРП на предприятиях и стройках усилили борьбу за повышение идейного уровня рабочих крестьянского происхождения, за повышение их профессионально-технической подготовки, за вовлечение их в социалистическое соревнование. Так, партком автозавода в Стараховицах исправил свою ошибку, добился создания объединенных бригад и участков, развернул работу по распространению среди рабочих из деревни передового опыта. Партийные и профсоюзные организации цехов и участков провели рабочие собрания, посвященные вопросам передачи опыта и взаимопомощи. Усилили работу агитаторы. В результате проблема взаимоотношений между кадровыми и новыми рабочими на заводе была решена²⁵.

Пополнение рабочего класса за счет крестьян в годы индустриализации было не единовременным актом, а постоянным и сложным процессом. Адаптацией одной группы новых рабочих вопрос полностью не решался,

²³ S. W i d e r s z p i l. Ibid., s. 106.

²⁴ «Nowe Drogi», 1954, № 1, s. 103.

²⁵ Ibid.

так как почти на каждое предприятие ежегодно и ежемесячно приходило новое пополнение из деревни. Поэтому на партийных, профсоюзных и молодежных организациях, на кадровых рабочих постоянно лежала обязанность заботиться о повышении идейного и профессионально-технического уровня новых рабочих, об удовлетворении их материальных и культурных запросов.

Другим традиционным источником пополнения рядов рабочего класса являлась молодежь города и деревни. Число молодежи в составе рабочего класса в годы индустриализации постоянно росло: если в 1950 г. в социалистическом секторе было занято около 2 млн человек в возрасте 14—30 лет, то в 1957 г. таких работников насчитывалось около 3 млн²⁶. Однако удельный вес молодых рабочих в годы пятилетки несколько снизился, что явилось следствием снижения рождаемости в военные годы. Так, среди вновь принятых на работу в Щецинском воеводстве лица моложе 18 лет составляли: в 1951 г. — 7,7%, в 1953 г. — 18,5, в 1955 г. — 6,0, в 1957 г. — 6,4, в 1960 г. — 3,4%²⁷.

ПОРП и народно-демократическое правительство постоянно заботилось о создании молодежи необходимых условий для труда, учебы и отдыха. Так, декретом от 2 августа 1951 г. были установлены льготные условия труда для лиц моложе 18 лет: запрещалось использовать их в ночное и сверхурочное время, а также на особо тяжелых и вредных для здоровья работах. На предприятия возлагалась ответственность за обучение молодежи и повышение ее профессионально-технического уровня. Принятие на работу подростков в возрасте 14—16 лет разрешалось только с целью обучения их рабочей специальности. Для подростков устанавливался шестичасовой рабочий день²⁸. Другим постановлением правительства администрация предприятий была обязана снизить для несовершеннолетних производственные нормы на 15—40% при сохранении равной со взрослыми оплаты труда²⁹.

Для увеличения занятости молодежи надо было перестроить профессиональное обучение молодых рабочих. По инициативе V пленума ЦК ПОРП в 1950—1951 гг. вся система профессионального образования была реорганизована и приспособлена к выполнению задач ускоренной индустриализации. Были установлены единые типы начальных профшкол и школ профессионального обучения. Сроки обучения в профшколах устанавливались в 2—3 года, в школах профобучения — в 5—9 месяцев. За годы шестилетки эти школы окончило свыше 500 тыс. молодых рабочих, в том числе начальные профшколы — 462 тыс. человек³⁰.

Дальнейшее развитие профессионального образования шло по пути его приближения к производству, повышения уровня подготовки выпускников. В 1958—1959 гг. система профобразования была вновь реорганизована. Сроки обучения были удлинены. На администрацию предприятий возлагалась строгая ответственность за повышение общеобразовательного и профессионального уровня молодежи. В общем приросте занятости удельный вес выпускников профессиональных школ и других специальных учебных заведений вырос с 33% в годы шестилетки до 82% в годы первой пятилетки³¹.

²⁶ Ibid, 1958, № 4, s. 27.

²⁷ E. B r z o s k o. Problemy zatrudnienia w przemyśle województwa Szczecińskiego w latach 1945—1956. Poznań, 1971, s. 54.

²⁸ «Dziennik Ustaw P. R.» № 41/1951, poz. 311.

²⁹ «Monitor Polski», № A/105/1951, poz. 1518.

³⁰ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 448.

³¹ А. Р а й к е в и ч. Занятость населения Польши, стр. 140.

Важным источником роста занятости в народном хозяйстве республики в годы индустриализации были женщины-домохозяйки. V пленум ЦК ПОРП в 1950 г. поставил перед государственными органами и общественными организациями задачу вовлечь за шестилетку в производство не менее 900 тыс. женщин³².

Выполняя решения партии, местные органы власти, Лига женщин и другие общественные организации повели разъяснительную и агитационную работу среди женщин. В условиях строительства социализма в народной Польше процесс вовлечения женщин в общественный труд сопровождался целой системой государственных мероприятий по улучшению бытовых условий семьи и положения женщины (расширение сети дошкольных учреждений, облегчение и охрана труда работниц, осуществление принципа равной оплаты за равный труд и др.).

Процесс вовлечения женщин в производство принял уже в начале шестилетки массовый характер. Женщины стали работать во всех отраслях народного хозяйства, на всех значительных предприятиях и стройках страны. На стройках Варшавы, например, только за 1950 г. количество женщин-работниц выросло с 97 до 4600, на строительстве Новой Гуты в 1951 г. работало около 1500 женщин³³. На VII пленуме ЦК ПОРП в июле 1952 г. отмечалось, что на 1 января этого года женщины составляли 29,0% всех работающих в промышленности, 10,4% в строительстве, 13,2% — на транспорте³⁴.

Женщины осваивали специальности, ранее считавшиеся мужскими. В довоенной Польше среди девушек, работающих по найму, 54% было занято в качестве домашней прислуги³⁵. Социалистическое строительство в стране открыло перед женщинами возможности достижения полного социального равенства. Индустриализация способствовала привлечению женщин к труду в самых передовых отраслях народного хозяйства. Так, среди поступавших в профессиональные училища, девушки составляли (в процентах)³⁶:

Специальность	1949/50 год	1950/51 год
Металлообработка	1,3	8,4
Электротехника	4,2	13,9
Энергетика	0,3	9,2
Химия	38,0	44,0
Текстильное производство	57,7	63,8

Кампания по вовлечению женщин в производство затруднялась позицией некоторых хозяйственных руководителей, не желавших принимать женщин на работу. Женщин ставили, как правило, на низкооплачиваемую работу, неохотно повышали в должности. Так, например, на химическом заводе в Хожове из 1056 женщин-работниц ни одна не занимала руководящей должности. На многих предприятиях текстильной промышленности, где основную массу работающих составляли женщины, на руководящих постах находились, как правило, мужчины³⁷. В этой связи правительство Польши в июле 1952 г. обязало руководителей министерств

³² V Plenum KC PZPR. «Nowe Drogi», 1950, № 4, s. 57—59.

³³ «Życie Gospodarcze», 1951, № 5, s. 265.

³⁴ VII Plenum KC PZPR. «Nowe Drogi», 1952, s. 24.

³⁵ «Szkoła Zawodowa», 1954, № 13/14, s. 8.

³⁶ «Życie Gospodarcze», 1951, № 5, s. 266.

³⁷ Ibid., 1952, № 9, s. 467.

и ведомств установить на всех предприятиях и учреждениях определенный лимит рабочих мест, предназначенных для женщин.

Вопрос о еще более широком привлечении женщин к общественному труду встал в конце шестилетки, когда назрела необходимость более рационального распоряжения трудовыми ресурсами. Увеличение занятости за счет женщин-домохозяек из местного населения сопровождалось гораздо меньшими затратами на жилищное и социально-культурное строительство и не влекло за собой отрицательных последствий, как при массовом перемещении рабочей силы из сельских районов в промышленные. Именно поэтому на необходимость более полного использования труда женщин указывалось в решениях II съезда ПОРП и в других документах ПОРП и правительства ПНР.

Резервы женского труда в конце шестилетки и в годы пятилетки продолжали оставаться довольно большими: в 1955 г. на 100 трудоспособных женщин общественным трудом были заняты лишь 53³⁸. Количество свободных рабочих мест для женщин (по заявкам руководства предприятий) было в десятки раз меньше, чем для мужчин. В целях более широкого вовлечения женщин в общественное производство в начале пятилетки при местных органах власти создавались специальные комиссии, которые совместно с общественными организациями занимались вопросами профессиональной подготовки женщин, выявления рабочих мест, которые могут занимать женщины, расширения сети детских дошкольных учреждений, предприятий общественного питания и др. Меры, принятые ПОРП и органами народной власти, позволили в годы пятилетки, несмотря на снижение общих темпов роста занятости и проведение кампаний по сокращению излишков рабочей силы, удержать высокий процент женщин среди рабочих и служащих: 32,8% в 1960 г., в том числе в промышленности — 30,2%³⁹.

ПОРП и общественные организации в годы индустриализации постоянно боролись за повышение трудовой активности работниц, за вовлечение их в социалистическое соревнование, за привлечение женщин к управлению производством. Женщины, составлявшие около $\frac{1}{3}$ польского рабочего класса, внесли огромный вклад в дело индустриализации страны.

Рост рядов рабочего класса проходил в основном за счет трех источников: крестьянства, молодежи и женщин. Кроме того, в его состав вливались также выходцы из городской и сельской буржуазии. Однако эти слои общества, из-за своей немногочисленности, не могли быть серьезным источником формирования рабочего класса и их представители особых прослоек в рабочей среде не образовали. Так, например, на Варшавском автозаводе в 1961 г., согласно анкетным данным, работники мелкобуржуазного происхождения составляли 1%, буржуазного происхождения — 0,1 от всего коллектива, среди рабочих представители бывшей мелкой буржуазии составляли 0,8%⁴⁰.

К началу социалистической индустриализации рост рядов рабочего класса достигался за счет найма рабочих администрацией предприятий из числа местного населения и направления на работу лиц, окончивших профессионально-технические учебные заведения. Уже в первые месяцы выполнения шестилетнего плана встал вопрос об усилении планового начала в использовании трудовых ресурсов. Резкий рост занятости, стихийный набор кадров местной администрацией, а также концентрация промышленности в определенных небольших районах приводили к тому,

³⁸ Ibid., 1956, № 5, s. 173.

³⁹ «Rocznik Statystyczny 1967, s. 72.

⁴⁰ S. Szostkiewicz. Przemiany w strukturze załogi F. S. O w latach 1956—1961. Warszawa, 1962, s. 78.

что запасы рабочей силы в этих районах быстро исчерпывались. Так, например, недостаток рабочей силы не позволил, несмотря на неоднократные попытки, создать на строительстве Новой Гуты вторую и третью смены⁴¹.

С целью оптимального решения этой проблемы ПОРП, используя советский опыт, предложила создать специальный государственный аппарат по вербовке и перемещению рабочей силы из сельскохозяйственных районов в промышленные. Деятельность созданных по инициативе ЦК ПОРП центрального и местных бюро по вербовке имела серьезное значение для внесения плановости в процесс увеличения рядов рабочего класса, для более рационального использования рабочей силы. Постановлением правительства в сентябре 1951 г. было определено, что «условием занесения предприятия в план вербовки является предварительное доказательство, что предприятие не может набрать необходимую ему рабочую силу в местности, где оно расположено»⁴². Этим же постановлением на администрацию предприятий была возложена ответственность за обеспечение для новых работников необходимых условий труда и быта.

Вербовка проводилась в основном в слаборазвитых в промышленном отношении воеводствах: Белостокском, Варшавском, Келецком, Краковском, Жешовском, Люблинском. Завербованные рабочие направлялись на работу на предприятия Катовицкого, Вроцлавского, Щецинского воеводств. С начала 1952 г., когда спрос на рабочие руки возрос, вербовка проводилась только для особо важных для народного хозяйства предприятий. Всего в 1950—1955 гг. через органы вербовки было направлено на работу 873 тыс. человек⁴³.

Таким образом уже в самом начале социалистической индустриализации проблема безработицы в стране была в основном решена. Однако, если в промышленных районах ощущался недостаток рабочей силы, то в сельскохозяйственных районах, а также в небольших городах мест для всех желающих трудоустроиться не хватало. Так, в 1955 г. в стране было зарегистрировано 30 656 человек, ищущих работу, в 1960 г. — 37 366 человек, в то же время в 1955 г. на предприятиях и в учреждениях республики было 46 396 свободных рабочих мест, в 1960 г. — 46 452 места⁴⁴.

Правильному распределению рабочей силы мешала существовавшая на многих предприятиях тенденция превышать плановые показатели по числу занятых. Эта тенденция возникла в годы шестилетки, когда хозяйственные органы, стремясь обеспечить выполнение высоких производственных заданий, часто принимали на работу лишних работников (сознательно превышая при этом фонд заработной платы).

IX пленум ЦК ПОРП (октябрь 1953 г.) и II съезд партии обращали внимание партийных и хозяйственных руководителей на необходимость ликвидации чрезмерной занятости. Однако это явление преодолеть оказалось довольно трудно. Сокращаемых лишних работников необходимо было немедленно трудоустроить, что в условиях снижения после 1954 г. темпов индустриализации было довольно затруднительно. Поэтому излишки рабочей силы на предприятиях и учреждениях в начале пятилетки оставались значительными: от 5 до 30%. Социологические исследования, проведенные в 1956—1958 гг. показали, что на многих предприятиях рабочее время использовалось лишь на 70—90%⁴⁵.

⁴¹ «Życie Gospodarcze», 1953, № 33, s. 809.

⁴² «Monitor Polski», № А—88/1951, poz. 1214.

⁴³ M. L a t u c h. Ibid., s. 35.

⁴⁴ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 77.

⁴⁵ «Nowe Drogi», 1960, № 11, s. 41.

Состоявшийся в феврале 1958 г. XI пленум ЦК ПОРП активизировал работу партийных организаций, органов государственной власти и рабочего самоуправления по ликвидации излишков рабочих рук на предприятиях и в учреждениях. Пленум поставил задачу добиться более рационального использования рабочей силы путем сокращения излишней занятости и повышения производительности труда⁴⁶. Выполняя решения пленума, государственные органы провели значительное сокращение административного аппарата. Более 100 тыс. пенсионеров в 1958 г. ушло с производства после проведенного по инициативе ЦК ПОРП повышения пенсий. Весь комплекс мероприятий позволил, как уже отмечалось выше, выполнить производственные задания пятилетки при гораздо более низком, чем первоначально планировалось, уровне занятости.

Рациональному использованию трудовых ресурсов мешала относительно высокая текучесть кадров на предприятиях и стройках страны. В 1955 г., например, администрацией предприятий по всей стране было выдано 1,4 млн направлений на работу, хотя занятость в этот год увеличилась лишь на 260 тыс. человек, в 1960 г. — соответственно 1,5 млн и 176 тыс.⁴⁷

Текучесть кадров снижала производительность труда, повышала себестоимость продукции, отрицательно сказывалась на всех технико-экономических показателях производства. Предприятия затрачивали большие средства на обучение вновь принятых работников, на повышение их квалификации. Так деревообрабатывающая промышленность в 1951 г. в результате текучести кадров понесла убытки, равные стоимости 2% годовой продукции всей отрасли⁴⁸.

Особенно велика была текучесть среди рабочих с небольшим стажем и низкой квалификацией (выходцы из крестьян, молодежь). Ее главными причинами были неудовлетворяющие рабочих заработная плата, условия труда и быта. Так, в 1953 г. из металлургической промышленности ушло 23% рабочих. Из них 83% перешло на работу в угольную промышленность, где были выше зарплата и лучше поставлено рабочее снабжение⁴⁹.

Меры борьбы с текучестью неоднократно обсуждались в высших партийных и государственных органах. Перед партийными, профсоюзными и молодежными организациями ставилась задача усилить политико-воспитательную работу среди вновь принимаемых работников, больше проявлять заботы об улучшении их труда и быта. Борьбе с текучестью служили и такие меры, как упорядочение системы заработной платы, расширение жилищного строительства, вознаграждение за непрерывный стаж на данном предприятии. В начале шестилетки применялись и административные меры: в марте 1950 г. был законодательно установлен обязательный двухлетний срок работы на данном предприятии для лиц, обладающих особо важной специальностью и высокой квалификацией⁵⁰. В пятилетке вопросами стабилизации кадров занимались органы рабочего самоуправления, которые использовали для этой цели такие рычаги, как фонд предприятия, заводские жилищные кооперативы, заводские профессиональные школы и курсы повышения квалификации.

Социалистическая индустриализация страны, возникновение и развитие новых промышленных районов привели к некоторому территориальному перераспределению рабочего класса. Общая тенденция сводилась к более равномерному распределению промышленности и рабочего класса

⁴⁶ «Studia nad rozwojem klasy robotniczej», cz. II, s. 53.

⁴⁷ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 69, 77.

⁴⁸ «Życie Gospodarcze», 1951, № 12 s. 703.

⁴⁹ II zjazd PZPR. «Nowe Drogi», 1954, № 3, s. 278.

⁵⁰ «Dziennik Ustaw P. R.», № 10/1950, poz. 107.

на территории всей республики. Доля наиболее промышленно развитых воеводств в размещении рабочих снизилась, доля наименее развитых воеводств возросла. Численность занятых в промышленности некоторых городов и воеводств изменилась следующим образом (в процентах к общему количеству)⁵¹:

Города и воеводства	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Лодзь	10,5	7,2	6,5
Катовицкое	31,4	26,0	24,4
Вроцлавское	9,8	8,5	8,1
Белостокское	0,8	1,3	1,4
Ольштынское	0,8	1,2	1,3
Всего в Польше	100	100	100

Наиболее многочисленный отряд рабочего класса размещался в Катовицком воеводстве, крупнейшем индустриальном районе Польши. Только промышленных рабочих здесь в 1955 г. насчитывалось свыше 557 тыс. человек. Свыше 200 тыс. рабочих насчитывалось также в Лодзинском и Вроцлавском воеводствах⁵². За годы индустриализации значительно выросло количество городов и рабочих поселков, среди городского населения увеличилась доля рабочих. В 1960 г. на каждую тысячу жителей в Лодзи приходилось 293 занятых в промышленности, в Катовицах — 263, в Познани — 205, в Кракове, Варшаве, Вроцлаве, Гданьске — 200—160 человек⁵³. Рабочие вместе с семьями составили здесь большинство населения.

Концентрация промышленности и рабочего класса находилась в противоречии с тенденцией к индустриализации слаборазвитых районов. В годы ускоренной индустриализации преобладала первая тенденция: заводы и фабрики строились там, где было сырье, электроэнергия, пути сообщения, а рабочая сила, при необходимости, перемещалась из других районов. Например, на Краковское воеводство приходилось 27,2% всех новых рабочих мест, созданных в годы шестилетки, на Катовицкое — 15,2, на Варшаву — 11,7, в то же время на Кошалинское воеводство — 0,1, на Гданьское — 0,5, Белостокское — 2,5%⁵⁴.

Следствием этого было удорожание стоимости рабочей силы, обострение жилищной проблемы в промышленных районах, а также избыток рабочей силы в сельскохозяйственных районах.

После II съезда ПОРП, когда был взят курс на более рациональное использование рабочей силы, уделялось большое внимание развитию местной промышленности с целью ликвидации очагов локальной безработицы и снижения себестоимости капитального строительства. В 1956 г. был образован при Совете министров так называемый интервенционный фонд, средства из которого шли на обеспечение занятости в небольших городах и поселках⁵⁵. В 1957 г. за счет этих средств было создано 24 тыс. новых рабочих мест, $\frac{2}{3}$ из них предназначались для женщин⁵⁶. Эти меры

⁵¹ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 147.

⁵² Ibid., s. 151.

⁵³ «Socjologiczne problemy industrializacji w Polsce Ludowej». Warszawa, 1967, s. 121.

⁵⁴ A. K a r p i Ń s k i. Zagadnienia..., s. 116.

⁵⁵ «Trybuna Ludu», 18 III 1956.

⁵⁶ «Nowe Drogі», 1958, № 5, s. 21.

способствовали более рациональному размещению рабочего класса на территории всей страны.

За годы индустриализации выросла концентрация рабочего класса по предприятиям. В 1956 г. на заводах и фабриках с числом работающих свыше 1 тыс. человек было занято 46,6% всех работников промышленности, в 1960 г. — 56,2%⁵⁷. Многотысячные рабочие коллективы сложились на автозаводе в Варшаве, на химических комбинатах в Освенциме и Кеидзежине, на Новой Гуте, на «Пафаваге», на судоверфях и др. Произошло значительное укрупнение строительных организаций. В больших рабочих коллективах, как правило, зарождались все ценные инициативы и почин, направленные на успешное выполнение народно-хозяйственных задач. Укрупнение рабочих коллективов способствовало росту идейного уровня рабочих, развитию трудовой активности.

Больше половины рабочего класса Польши — 2,5 млн человек — было сосредоточено в промышленности⁵⁸. Изменения в составе промышленного рабочего класса в ходе индустриализации сводились к росту удельного веса рабочих в наиболее передовых отраслях. Так, машиностроители в 1949 г. составляли 17,4% занятых в промышленности, а в 1960 г. — уже 24,9%⁵⁹. Значительно выросла занятость в химической, пищевой, полиграфической отраслях. Ядром рабочего класса являлись рабочие, занятые непосредственно на производстве, у станков и машин, составлявшие около 2 млн человек в 1955 г. и свыше 2,3 млн в 1960 г.⁶⁰

Выдающуюся роль в формировании рядов рабочего класса сыграли кадровые рабочие, закаленные в подпольной и партизанской борьбе с фашизмом, в борьбе с силами реакции в первые годы после освобождения Польши. Им принадлежала главная заслуга в восстановлении из руин польских городов и предприятий в годы трехлетки. Кадровые рабочие составили ядро коллективов новых заводов, шахт, электростанций, благодаря им поддерживались лучшие традиции рабочего класса. Они передавали молодым рабочим свой опыт, знания и навыки, стояли в авангарде борьбы рабочего класса за социалистическую индустриализацию страны.

Наиболее динамичным по своему составу отрядом рабочего класса в годы индустриализации были строительные рабочие. Занятость в строительстве только с 1949 г. по 1953 г. выросла на 60%⁶¹. В последующие годы количество рабочих и служащих в этой отрасли росло несколько медленнее, в отдельные годы даже сокращалось. В 1960 г. на стройках республики трудилось 550 тыс. рабочих, которые составляли второй по численности отряд польского рабочего класса⁶².

Третьими по численности были рабочие транспорта и связи: около 460 тыс. человек в 1960 г.⁶³ Транспортники и связисты являлись одним из наиболее квалифицированных отрядов рабочего класса и наиболее постоянным по своему составу. Текучесть кадров здесь была наименьшей, а численно эта группа рабочих за 11 лет выросла лишь на 44%⁶⁴.

В ходе социалистического строительства в составе рабочего класса возник его новый отряд — рабочие госсельхозов и машинотракторных станций. В 1960 г. их насчитывалось около 320 тыс. человек, или 8,5%

⁵⁷ «Rocznik Statystyczny 1959», s. 121; «Rocznik Statystyczny 1967», s. 147.

⁵⁸ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 152.

⁵⁹ «Rocznik Statystyczny 1959», s. 103; «Rocznik Statystyczny 1967», s. 147.

⁶⁰ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 151.

⁶¹ «Rocznik Statystyczny 1959», s. 144.

⁶² «Rocznik Statystyczny 1967», s. 206.

⁶³ Ibid., s. 329.

⁶⁴ «Rocznik Statystyczny 1959», s. 45; «Rocznik Statystyczny 1967», s. 329.

всего рабочего класса ⁶⁵. Ядром этой группы рабочих были сельские механизаторы.

Среди других отраслей социалистического сектора народного хозяйства наиболее значительные группы рабочих заняты на предприятиях торговли, коммунального и жилищного хозяйства, просвещения.

Большие изменения в количественном составе произошли в годы индустриализации в рядах рабочего класса, занятого в необобщественном секторе производства. В шестилетке количество занятых в частном секторе резко сократилось. За годы же пятилетки число наемных рабочих в частной промышленности и ремесле увеличилось вдвое и составило в 1960 г. 78,3 тыс. человек ⁶⁶. Это явилось следствием политики ПОРП и правительства ПНР, направленной на увеличение производства товаров широкого потребления и на более рациональное использование местных ресурсов сырья и рабочей силы.

Рабочий класс в целом по стране в течение 1949—1960 гг. рос численно гораздо быстрее, чем другие слои населения. Численность населения Польши за этот период увеличилась с 24,6 млн человек до 29,8 млн или почти на 25%, что означало настоящий «демографический взрыв». Численность же рабочего класса за это время увеличилась на 61%. Удельный вес рабочего класса в населении страны вырос с 11,8 в 1949 г. до 15,7% в 1960 г. Вместе с семьями в конце 50-х годов рабочие составляли около 10 млн человек или $\frac{1}{3}$ населения страны ⁶⁷.

Быстрый рост рядов рабочего класса имел огромное социально-экономическое и политическое значение. Рост занятости — не только следствие, но и важнейшая предпосылка роста объема производства. За счет прироста занятости в 1950—1955 гг. было получено 46,5% прироста промышленной продукции, в 1956—1960 гг. — 26,6% ⁶⁸. Перемещение части самодеятельного населения из сельского хозяйства (его удельный вес в населении всей страны сократился в 1950—1960 гг. с 47,1 до 38,4%) ⁶⁹ в отрасли с более высокой производительностью труда повышало общественную производительность труда в целом, ускоряло экономическое развитие страны.

Политическое значение этого процесса состояло в том, что росли ряды самого передового класса польского общества, класса, который уже по своей социальной природе является носителем социалистических производственных отношений. Значение количественного роста многократно увеличивалось тем, что рабочий класс одновременно рос идейно, укреплял свою организованность.

Занимая решающие экономические и политические позиции в стране, рабочий класс усиливал свое влияние на другие слои общества, своим примером трудовой и политической активности вовлекал их в сознательное строительство социализма.

Подводя итоги вышеизложенному, можно отметить, что в годы социалистической индустриализации в Польше наблюдался быстрый рост рядов рабочего класса; этот процесс проходил планомерно, под руководством ПОРП; основными источниками пополнения рядов рабочего класса были крестьянство, молодежь города и деревни, женщины-домохозяйки; ядро рабочего класса составляли промышленные рабочие, среди которых вырос удельный вес занятых в наиболее передовых отраслях; выросла концентрация рабочих по предприятиям.

⁶⁵ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 270—272.

⁶⁶ Ibid., s. 194, 212.

⁶⁷ Подсчитано автором на основании данных «Статистических ежегодников».

⁶⁸ «Проблемы мира и социализма», 1963, № 10, Приложение, стр. 12.

⁶⁹ «Rocznik Statystyczny 1967», s. 35.

В. Н. БИЛУНОВ

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА В РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Творчество и деятельность известного болгарского писателя и революционера Любена Каравелова (1834—1879) постоянно привлекают внимание литературоведов и историков. Об этом свидетельствует далеко не полный перечень наиболее значительных работ болгарских¹, югославских² и советских³ ученых. Наибольшее внимание в современной литературе о Л. Каравелове уделяется его активной революционной деятельности в 1867—1874 гг. и литературно-публицистическому творчеству. До настоящего времени, однако, дискутируются многие принципиальные моменты в деятельности Л. Каравелова, в том числе и вопрос об оценке характера его мировоззрения⁴.

Решению многих дискуссионных вопросов может способствовать дальнейшее изучение процесса формирования мировоззрения Л. Каравелова и начальных периодов его деятельности — во время пребывания в России (1857—1866) и в Сербии и Воеводине (1867—1869). Богатым источником, раскрывающим взгляды Л. Каравелова, являются материалы русской периодической печати того времени. Активное сотрудничество болгарского публициста в русских газетах и журналах отмечалось в буржуазной историографии, однако эта сторона деятельности Л. Каравелова получила освещение лишь в недавнее время. В результате многолетних исследований, а также на основе работ С. А. Никитина⁵ и К. А. Копержинского⁶ болгарский историк академик М. Димитров опубликовал

¹ М. Димитров. Любен Каравелов. Биография. София, 1959; М. Арнаудов. Любен Каравелов. Живот, дело, эпоха. София, 1964 (переиздана в 1972 г.); И. Конев. Л. Каравелов. Литературно-критически очерк. София, 1966; Кр. Шарова. Любен Каравелов и българското освободително движение. 1860—1867. София, 1970.

² Дж. Игнатович. Любен Каравелов и сръбското общество. Ниш, 1969.

³ Л. В. Воробьев. Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962; е г о ж е. Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество. М., 1963. Много статей о Л. Каравелове было написано также советским литературоведом Л. С. Ериховым, большинство из них вошло в сборник «Русское общество и болгарската литература. Очерци». София, 1967.

⁴ В. Субашки, С. Славов. Коллективен труд по история на философската мисъл в България. «Философска мисъл» 1972, № 1, стр. 106.

⁵ С. А. Никитин. Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР» (далее — УЗИС), т. I. М., 1948, стр. 48—51.

⁶ К. А. Копержинский. Беллетристические произведения Любена Каравелова, написанные им в России. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка». М., 1948, т. VII, вып. 2, стр. 173—188; е г о ж е. Журнально-публицисти-

два тома публицистических произведений Любена Каравелова⁷, большая часть которых была рассеяна в различных русских изданиях.

Однако была издана, как отмечал сам составитель, «лишь часть публицистического наследия Каравелова»⁸. При подготовке публикации М. Димитрову пришлось заняться решением задачи, которая скрывала в себе, по его словам, опасность ошибки. Речь идет об установлении авторства анонимных статей. По многим причинам статьи Л. Каравелова в русской прессе печатались, как правило, без указания фамилии автора.

Ограничиваясь рассмотрением вопроса о сотрудничестве Л. Каравелова в русской прессе только в период его пребывания в России, остановимся на той методике установления авторства Л. Каравелова, которую применял М. Димитров в отношении анонимных статей из русских газет этого периода. «Средством решающего значения для раскрытия авторства»⁹ Л. Каравелова он считал сравнение мыслей и выражений в проблемных статьях с материалами в каравеловских газетах «Свобода» и «Независимость» (1869—1874). Одним из дополнительных ориентиров при этом М. Димитров считал то обстоятельство, что Л. Каравелов в этот период защищал известные, определенные политические взгляды¹⁰. Во многих своих исследованиях М. Димитров¹¹ указывал на сходство идеологической направленности статей Л. Каравелова и выступлений русских славянофилов.

Два обстоятельства вызывают здесь возражения. Во-первых, при сравнении работ начинающего автора в подцензурной иностранной (русской) печати с его произведениями, опубликованными в бесцензурных собственных изданиях в период наиболее активного участия в революционном движении, трудно проводить прямые аналогии, поскольку при этом, кроме всего прочего, не учитывается процесс формирования и развития социально-политических взглядов Л. Каравелова. Хотя такое сравнение необходимо, но для установления авторства проблемных статей начала 60-х годов более целесообразным представляется их сопоставление с работами Л. Каравелова того же периода. Во-вторых, трудно согласиться с вытекающим из методики М. Димитрова отождествлением взглядов русских славянофилов со взглядами Л. Каравелова, выраженными им в газетах «Свобода» и «Независимость». Можно найти точки соприкосновения во взглядах болгарских революционных демократов и славянофилов по южнославянским вопросам, но основная заслуга Л. Каравелова в начале 70-х годов состояла в том, что он «сыграл исключительно важную роль в пропаганде революционных идей, и мы не могли бы представить себе успеха болгарского революционного движения без издававшихся им газет „Свобода“ и „Независимость“»¹².

Учитывая все это, некоторые ученые пришли к выводу, что в сборнике публицистических работ Л. Каравелова оказалось несколько ста-

ческая деятельность Любена Каравелова в России. УЗИС, т. XII, 1956, стр. 174—208.

⁷ «Публицистика на Любен Каравелов», т. 1—2. София, 1958—1965.

⁸ Там же, т. 1, стр. 7.

⁹ Там же, стр. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 18, 34; М. Д и м и т р о в. Из публицистического наследия на Любен Каравелов. «Годишник на българския библиографски институт». София, 1948, т. I, стр. 31; е г о ж е. За идеологията на Л. Каравелов и неговото място в революционното движение. «Известия на Института „Ботев-Левски“». София, 1956, т. II, стр. 10, 26 и др.

¹² Д. К о с е в. БРЦК в Букурещ, Васил Левски и вътрешната революционна организация. «Исторически преглед», 1973, № 3, стр. 106.

тей, которые не принадлежат перу болгарского публициста¹³. Poleмика по этому вопросу связана с продолжающейся дискуссией об оценке идеологии Л. Каравелова. Поэтому, если говорить о периоде его пребывания в России, наибольшие разногласия вызвал вопрос об участии Л. Каравелова в славянофильской газете «День».

В указанных работах Л. С. Ерихонова и Л. В. Воробьева приведены убедительные, на наш взгляд, доводы, ставящие под сомнение принадлежность Л. Каравелову статей из газеты «День», опубликованных М. Димитровым в I томе «Публицистики». В то же время можно констатировать, что известные факты действительного участия болгарского автора в газетах «Наше время», «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», журналах «Библиографические записки», «Русский вестник» и других органах печати, остаются малоизученными.

В работах Н. А. Попова¹⁴ и Р. Жинзифова¹⁵, близко знавших Л. Каравелова, говорилось о его участии в журналах «Русский вестник», «Отечественные записки», газете «С.-Петербургские ведомости». В двух письмах самого Каравелова¹⁶ (28 августа и 7 октября 1863 г.) с просьбой об оказании материальной помощи для возвращения в Болгарию названы, кроме этих изданий, еще «Наше время», «Московские ведомости», «Библиографические записки», «Современное слово», «Русская речь». В них содержатся и списки работ Л. Каравелова. Эти списки не идентичны, кроме того, частный характер писем обусловил ряд неточностей в указаниях самим автором публикаций своих работ.

В письме от 7 октября к председателю «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» Е. П. Ковалевскому (адресат письма от 28 августа неизвестен) опущена работа «Славянские вечерницы (посиделки)», но в то же время называется важная статья «По поводу славянского отдела газеты „День“»; неправильно указанные в письме от 28 августа номера (173, 174, 179) газеты «Московские ведомости» за 1862 г., в которой помещена статья «Болгарская журналистика», заменены на правильные (153, 154) и вместе с тем ошибочно указывается № 7 (вместо правильного № 6 в первом письме) журнала «Русский вестник» за 1861 г., где помещен рассказ «Неда. Рассказ моей бабушки», содержится упоминание о составлении «Славянских известий» для газеты «Наше время» в 1860—1861 гг., ограниченное только 1861 г. В обоих письмах ошибочно указывается на публикацию рассказа «Атаман. (Из болгарских нравов)» в газете «Наше время», 1860, № 51, хотя он помещен в № 50. Кроме того, в обоих письмах не соблюдена хронология публикаций, не точно даны их названия.

Сказанное о списках, составленных самим автором, не позволяет считать их исчерпывающим источником для определения публикаций Л. Каравелова. Кроме того, в письмах содержатся данные лишь до середины 1863 г., не развернуты сведения о публикации «Славянских известий» в газетах «Наше время», «Московские ведомости», «С.-Петербургские ве-

¹³ Л. С. Ерихонов. Л. Каравелов в невярна светлина. «Литературна мисъл», 1958, № 6; С. И. Сидельников. Цепен извор за изучаване идеологията на Любен Каравелов. «Исторически преглед», 1959, № 6; М. Арнаудов. Любен Каравелов. Живот, дело, епоха, стр. 815—820; Л. В. Воробьев. О характере и источниках идеологии Любена Каравелова. В сб. «Исследования и статьи за Любен Каравелов». София, 1963, стр. 13. Такого же мнения придерживается Кр. Шарова (Там же, стр. 44).

¹⁴ Н. А. Попов. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. СПб., 1871, стр. 135—136.

¹⁵ Р. Жинзифов. Болгарская литература. Болгарские поэты. В кн. «Поэзия славян», СПб., 1871, стр. 308—310.

¹⁶ «Публицистиката на Любен Каравелов», т. 1, стр. 573—575.

домости» («славянская» рубрика имела лишь в последней газете). Тем не менее рассмотренные письма дают представление об активном сотрудничестве молодого болгарского автора в русских газетах и журналах, раскрывают один из его псевдонимов — К.

Активное участие Л. Каравелова в русской периодической печати началось с его совместной работы с русским историком и этнографом И. Г. Прыжовым по изданию «Памятников народного быта болгар», а также публикации статьи «Славяне в Немско» (Австрия. — Б. Б.) в журнале московских студентов-болгар «Братски труд». Л. С. Ерихонов¹⁷ высказал предположение, что эта статья является первым оригинальным публицистическим произведением Л. Каравелова. Это не соответствует действительности, так как названная статья является частью опубликованных ранее очерков «Письма нашего корреспондента из славянских земель Николая Славенича»¹⁸.

Впервые имя Л. Каравелова появляется в 1860 г. в газете «Наше время» под рассказом «Атаман. (Из болгарских нравов)»¹⁹. Редактором и издателем газеты был русский писатель Николай Филиппович Павлов (1805—1864), ранние произведения которого с похвалой были отмечены А. С. Пушкиным. В 1851—1855 гг. Н. Ф. Павлов находился в ссылке в Вятской губернии, в 60-х годах его газета «Наше время» занимала умеренно-либеральные позиции. Финансовые неурядицы издателя привели к зависимости от правительственных кругов; в 1862 г. Н. Ф. Павлов получал субсидии от правительства²⁰.

Интересно отметить, что бессменным секретарем редакции газеты «Наше время» был Николай Семенович Скворцов, ставший впоследствии видным журналистом, в то время обучавшийся, как и вольнослушатель Л. Каравелов, на историко-филологическом факультете Московского университета²¹. М. Арнаутовым было высказано предположение, что к сотрудничеству в «Нашем времени» Л. Каравелова привлек И. Г. Прыжов, ранее публиковавший свои работы в этой газете²². Можно предположить также, что содействие было оказано и Н. С. Скворцовым. Позднее в редактируемой им газете «Русские ведомости» активно сотрудничал Л. Каравелов²³.

В двухтомном издании публицистических работ Л. Каравелова не опубликована статья «Болгарская уния»²⁴. Как и помещенная в издании статья Л. Каравелова с тем же названием из следующего номера этой газеты, она подписана буквой К., обе они тесно связаны по содержанию, их имел в виду Л. Каравелов в работе «Болгарские церковные дела», ссылаясь на «статью вторую»²⁵.

¹⁷ Л. С. Ерихонов. Литературната дейност на Българската дружина. «Езика и литература», 1963, № 6, стр. 51.

¹⁸ «Русская газета», 1859, № 27, 30, 32.

¹⁹ «Наше время», 27 XII 1860, № 50. Первой работой Л. Каравелова в русской печати М. Арнаудов считает статью «Болгарская уния», напечатанную в январе 1861 г. в этой же газете (Там же, стр. 185). Кроме рассказа «Атаман», до названной М. Арнаутовым статьи была опубликована также корреспонденция «Болгария. 14 декабря 1860 года» («Наше время», 9 I 1861, № 52, а также «Публицистика на Любен Каравелов», т. 2, стр. 95—96).

²⁰ Б. П. Козьмин. Журналистика шестидесятих годов XIX в. М., 1948, стр. 7.

²¹ «Русские ведомости», 1863—1913. Сборник статей. М., 1913, стр. 64.

²² М. Арнаудов. Там же, стр. 185.

²³ «Публицистика на Любен Каравелов», т. 1, стр. 586. Переписку Л. Каравелова обнаружить не удалось. В «Русских ведомостях» 5 II 1869, № 29 Л. Каравелов назван «сотрудником нашей газеты».

²⁴ «Наше время», 30 I 1861, № 3.

²⁵ Там же, 20 III 1861, № 10, а также «Публицистика на Любен Каравелов», т. 1, стр. 65.

Вызывает возражение публикация в сборнике работ Л. Каравелова²⁶ и рецензии на сочинение И. Снегирева «Лубочные картинки русского народа в московском мире». В результате заблуждения, вызванного подписанием Л. К. в конце рецензии, составитель включил ее в I том «Публицистики». В содержании же газеты, на первой полосе, указана полная фамилия или псевдоним автора — Л. Книжник²⁷. Л. С. Ерихонов²⁸ высказал предположение, что автором этой работы был товарищ Л. Каравелова И. Г. Прыжов. Благожелательный тон рецензии заставляет, однако, усомниться в этом. О работе И. Снегирева резко отрицательно отзывался единомышленник И. Г. Прыжова, а впоследствии и товарищ Л. Каравелова — А. А. Котляревский в обозрении «Науки о русской старине и народности за истекший год»²⁹. Против авторства Л. Каравелова свидетельствует и еще одно обстоятельство, отмеченное А. А. Котляревским: под видом сербской или болгарской сказки о царе Трояне в работе И. Снегирева³⁰ приведена выписка из словаря В. Караджича, опубликованная ранее Ф. Буслаевым³¹. Вряд ли это оставил бы без внимания Л. Каравелов, занимавшийся в то время собиранием болгарских сказок. Кроме того, ни Л. Каравелов, ни И. Г. Прыжов никогда не писали под псевдонимом Л. Книжник. Скорее всего в газете была допущена опечатка: автором рецензии, вероятно, был Л. Книжник, а не Л. Книжник. В этом случае можно назвать и фамилию автора рецензии — Л. Блюммер. Именно он писал под псевдонимом «Л. Книжник»³² и, кроме того, был специалистом по теме рецензируемой работы³³.

Составление Л. Каравеловым «Славянских известий» для газет «Наше время» (1861 г.), «Московские ведомости» (1862 г.), «С.-Петербургские ведомости» (1863 г.) представляет несомненный интерес при изучении формирования его взглядов. В эти годы названные газеты публиковали сообщения об обострении болгаро-греческой церковной борьбы, сербско-турецком конфликте 1862 г., деятельности известного болгарского патриота Г. Раковского, восстании в Тырново и Габрово в 1862 г., переселении болгар в Россию и о других вопросах. М. Димитров опубликовал в «Публицистике» Л. Каравелова лишь часть подготовленных им информационных сообщений. В рамках настоящей статьи невозможно дать развернутый источниковедческий анализ большого количества проблемных материалов, поэтому ограничимся исправлением некоторых неточностей, утвердившихся в литературе.

Рассматривая сотрудничество Л. Каравелова в «Московских ведомостях» в 1862 г., Л. С. Ерихонов³⁴ высказал предположение о принадлежности болгарскому публицисту информационных материалов, помещенных под рубриками «Сербия» и «Турция» («Московские ведомости», 1862, №№ 48, 52, 64, 98, 129, 131), а также согласился с мнением К. А. Копер-

²⁶ «Публицистика на Любен Каравелов», т. 1, стр. 68—72.

²⁷ «Наше время», 31 VII 1861, № 26, стр. 431.

²⁸ Л. С. Ерихонов. Русское общество..., стр. 115.

²⁹ «Московские ведомости», 11 V 1862, № 102, стр. 817.

³⁰ И. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, стр. 109.

³¹ «Москвитянин», 1842, № 11. Ф. Буслаев также отрицательно оценил сочинение И. Снегирева. (Ф. Буслаев. О русских народных книгах и лубочных изданиях. «Отечественные записки», 1861, № 9).

³² П. В. Быхов. Материалы для словаря псевдонимов. «Российская библиография», 13 IX 1881, № 93, стр. 365.

³³ См., например, Л. Блюммер. Чему могут служить лубочные картины. СПб., 1859; его же. Современные лубочные картины. СПб., 1860.

³⁴ Л. С. Ерихонов. Русское общество..., стр. 117.

жинского³⁵ о принадлежности Л. Каравелову статей «Положение дел в Герцеговине», «Черногория», «Турция» («Московские ведомости», 1 II, 28 II, 27 VI 1862). Последние три статьи не были и не могли быть опубликованы М. Димитровым в «Публицистике» Л. Каравелова, поскольку под названными числами на страницах «Московских ведомостей» они не были напечатаны.

Вызывает возражение также предположение Л. С. Ерихонова³⁶ об авторстве Л. Каравелова в отношении двух статей под рубрикой «Славянские известия» в газете «С.-Петербургские ведомости» (25 V 1863, № 116; 11 VI 1863, № 130), подписанных инициалами П. Д. Этот же автор³⁷ писал ранее и продолжал писать под рубрикой «Славянские земли» или «Славянские известия» из различных городов Австрии, помещая обзоры чешской периодики, литературы, сообщая о заседаниях сейма, изредка касаясь южнославянской тематики. В литературе известно, что под этим псевдонимом печатался русский славист П. Дубровский³⁸, поэтому нет оснований считать автором двух статей, подписанных П. Д., Любена Каравелова.

Л. С. Ерихонов³⁹ ошибочно назвал Л. Каравелова автором «Славянских известий» в № 115 «С.-Петербургских ведомостей» от 24 мая 1863 г. В этом номере газеты упомянутые «известия» отсутствуют.

Рубрика «Славянские известия» в этой газете имела, как правило, подзаголовки «Болгария», «Босния», «Герцеговина», «Галиция» и другие. Вероятно, под этой рубрикой наряду с газетными сводками объединялись различные материалы, написанные разными лицами. Известно о сотрудничестве в «С.-Петербургских ведомостях» в 1863—1866 гг. кроме Л. Каравелова и П. Дубровского, известных южнославянских публицистов И. Ткалаца⁴⁰, Ж. Жуевича⁴¹, а также русских славистов П. Лавровского⁴² и В. Ламанского⁴³. Все это предопределяет осторожное отношение к выявлению материалов, подготовленных Л. Каравеловым.

Информационный характер ряда оперативных материалов в русских газетах того времени затрудняет уточнение авторства даже в тех случаях, когда по одинаковым сюжетам писали представители различных идейных направлений. При этом возможные ошибки искажают общую оценку взглядов того или иного публициста. Активное и плодотворное участие многих болгарских авторов (В. Априлов, Г. Бусилин, З. Княжеский, С. Палаузов, Н. Геров, Н. Палаузов, Х. Даскалов, В. Попович, Т. Бурмов, Л. Каравелов, П. Калянджи, Р. Жинзифов, К. Станишев, Т. Минков, Т. Запряннов, В. Караконовский, Х. Камбуров и др.) в русских газетах и журналах остается малоизученным. Этим можно объяснить от-

³⁵ К. А. Копержинский. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России, стр. 191.

³⁶ О. С. Ерихонов. Русского общества..., стр. 117.

³⁷ «С.-Петербургские ведомости», 17 II 1863, а также №№ 61, 74, 84, 116, 130, 139, 142, 151.

³⁸ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60—х годов XIX в. УЗИС, т. 6, 1952, стр. 112. См. также Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, ф. 391 (А. А. Краевский), д. 348 (письма П. П. Дубровского).

³⁹ Л. С. Ерихонов. Руского общества..., стр. 117.

⁴⁰ В. Г. Карасев, В. И. Фрейдзон. Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1865). В сб. «Славяне и Россия». М., 1972.

⁴¹ В. Г. Карасев. Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуевича в газете «С.-Петербургские ведомости» в 1864 г. (Опыт источниковедческого исследования). «Советское славяноведение», 1963, № 6.

⁴² «С.-Петербургские ведомости», 26 VIII 1862, № 186.

⁴³ В. Г. Карасев, В. И. Фрейдзон. Там же, стр. 171.

дельные ошибки, имевшие место при издании сборников публицистических работ Л. Каравелова и Р. Жинзифова.

В предисловии к «Публицистике» Р. Жинзифова составители указали, что в издание не включены некоторые его работы, так как их «ранее... М. Димитров опубликовал в „Публицистике“ Каравелова»⁴⁴. Помещенная М. Димитровым во 2 томе «Публицистики» Л. Каравелова статья «Турция»⁴⁵ из газеты «С.-Петербургские ведомости» (1864, № 154) представляет собой сокращенную перепечатку статьи «Заседания в Константинопольской патриархии по церковному вопросу болгар» из газеты «День» (1864, № 27) без каких-либо комментариев. Тем не менее полный текст этой статьи был помещен и в сборнике работ Р. Жинзифова⁴⁶. Разделяя мнение составителей об авторстве Р. Жинзифова касательно этой статьи, нельзя не отметить, что такая путаница не допустима при публикации наследия видных писателей и публицистов.

О последних годах деятельности Л. Каравелова в России (1864—1866) известно мало. Это относится также и к его сотрудничеству в русской печати. В результате обращения в «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» он получил материальную помощь. В юбилейном издании Общества упоминалось, что «в 1863 же году выдано было пособие в 75 р. Любену Каравелову (известному болгарскому писателю и деятелю болгарского возрождения) для возвращения на родину по окончании им образования в Москве»⁴⁷. По неизвестным причинам Л. Каравелов, однако, остался в России. На страницах русских газет и журналов продолжали появляться его произведения. Как отмечал позднее журнал «Славянский мир», «имя Каравелова уже давно известно в России по тем статьям его из народного быта болгар, которые были напечатаны в период от 1863 по 1866 гг. в некоторых периодических изданиях, преимущественно же в „Русском вестнике“ и „Спб. ведомостях“. В то время как эти статьи, так и другие труды Каравелова, в которых он стремился разработать памятники народного быта Болгарии, обратили на себя внимание русского образованного общества»⁴⁸.

В последние годы пребывания в России Л. Каравелов сотрудничал также в «Московских ведомостях», «Московской газете», «Голосе» и, возможно, других. Один из его псевдонимов — Л. Калчо — раскрыл М. Димитров, поместивший статью «Из Болгарии» («Московские ведомости», 15 V 1864, № 107) в 1 томе «Публицистики» Л. Каравелова⁴⁹. Нам удалось обнаружить еще две статьи Л. Каравелова, подписанные псевдонимом Калчо, — «Из Турции. Константинополь, 13 (25) февраля»⁵⁰ и «Из Турции. Константинополь, 1 марта»⁵¹. В этих статьях он отмечал ухудшение положения болгарского народа в результате переселения черкесов из России в Турцию, усиление протестантской пропаганды в Болгарии, положительно высказывался о совместном выступлении южных славян против Турции.

В этот же период в «Московских ведомостях»⁵² были опубликованы также шесть корреспонденций из Константинополя, подписанных К. Л.

⁴⁴ «Райко Жинзифов. Публицистика», т. 1, София, 1964, стр. 20.

⁴⁵ «Публицистиката на Любен Каравелов», т. 2, стр. 129—131.

⁴⁶ «Райко Жинзифов. Публицистика», т. I, стр. 156—164.

⁴⁷ «Пятидесятилетие Литературного фонда. 1859—1909. Общий очерк». (По поручению комитета Литературного фонда составил А. А. Корнилов). СПб., 1909, стр. 46. Интересно отметить, что секретарем Общества в 1863 г. был Ф. М. Достоевский.

⁴⁸ «Славянский мир», 1878, т. I, вып. 5, стр. 142.

⁴⁹ «Публицистиката на Любен Каравелов», т. 1, стр. 121—122.

⁵⁰ «Московские ведомости», 2 III 1865, № 46.

⁵¹ Там же, 24 III 1865, № 65.

⁵² Там же, 24 VII, 2 VIII, 29 VIII, 4 XI, 10 XII 1864, №№ 165, 170, 190, 241, 271; 4 III 1866, № 47.

Их автор — болгарин⁵³, он пишет об ухудшении положения болгар в результате грабежей со стороны горцев-переселенцев из России, притеснений турецких властей, сообщает об обострении церковной борьбы и усилении протестантской пропаганды в Болгарии, невыполнении турецких реформ-обещаний, приводит многочисленные примеры злоупотреблений турецких властей по отношению к болгарам, возлагает надежды на вооруженное выступление болгарского народа в союзе с Сербией. Последнее обстоятельство вынудило редакцию газеты во главе с М. Н. Катковым отмежеваться от автора корреспонденций: «печатаем славянские голоса из турецких земель, чтоб ознакомить с настроением умов..., а не потому, чтоб считали волнения полезными...»⁵⁴.

Совпадение тематики и направленности этих корреспонденций со взглядами и интересами Л. Каравелова в это время, отсутствие данных о сотрудничестве других авторов⁵⁵, подписывавшихся в этой газете псевдонимом К. Л., совпадение этих инициалов с каравеловскими, известные факты его сотрудничества в «Московских ведомостях» в этот период позволяют предположить его авторство. Публикация статей в форме корреспонденций была характерна для русской прессы той поры, в частности и для Л. Каравелова. В такой форме публиковались, например, его материалы в «Нашем времени» в 1861 г., в «С.-Петербургских ведомостях» в 1863 г., в тех же «Московских ведомостях», позднее — в «Голосе» и «Русских ведомостях».

Совершенно неизученным является сотрудничество Л. Каравелова в «Московской газете». Здесь опубликован его этнографический очерк «Святки у болгар», а также неизвестный в современной научной литературе⁵⁶ первоначальный вариант рассказа «Слава. Очерк из болгарской жизни» (См. приводимый ниже список подписанных публикаций Л. Каравелова в русской периодической печати).

За недолгий срок существования (1866—1867) «Московская газета» не сумела составить серьезной конкуренции «Московским ведомостям» М. Н. Каткова и «Русским ведомостям» Н. С. Сковцова. Редактор-издатель «Московской газеты» Н. П. Бочаров (1838—1912) стремился освещать в ней быт и нравы города, его историю. Это соответствовало его научным интересам (в 1864 г. он издал «Материалы для изучения Москвы», в 1867 г. — «Материалы Статистического комитета»): с 1862 г. Н. П. Бочаров совмещал обязанности секретаря губернского статистического комитета и редактора «неофициальной части» казенных «Московских губернских ведомостей». Однако предпринятое им издание «политической и учено-литературной» газеты требовало привлечения интересных авторов по различным вопросам. По-видимому, еще до выхода в свет «Московской

⁵³ Там же, 2 VIII 1864, № 170.

⁵⁴ Там же, 10 XII 1864, № 274.

⁵⁵ Кроме указанных константинопольских корреспонденций К. Л. в этой газете опубликована еще одна (20 I 1866, № 15), подписанная одной буквой К. Изложение в ней событий, связанных с эпидемией холеры в Болгарии, позволяет предположить авторство болгарина В. Караконовского. После окончания медицинского факультета Московского университета в 1864 г. он работал врачом русского посольства в Константинополе, одновременно посылая корреспонденции в одесские, московские и петербургские издания. В 1865 г. Караконовский принимал активное участие в ликвидации эпидемии холеры, о чем сообщали болгарские газеты «Гурция», 31 VII 1865, «Время», 21 VIII 1865. (М. С т о я н о в. Българска възрожденска книжнина. София, 1959, т. 2, стр. 126, 594).

⁵⁶ Все исследователи творчества и деятельности Л. Каравелова ошибочно относят публикацию этого произведения к 1868 г., См., например, Цв. У н д ж и е в а. Любен Каравелов. Литературни позиции. Изграждането на белетриста. Майстор на фейлетона. София, 1968, стр. 74; Л. С. Е р и х о н о в. Руского общество..., стр. 116; Кр. Шарова. Там же, стр. 37 и др.

газеты» была достигнута договоренность о сотрудничестве в ней двух известных еще по совместной работе над «Памятниками народного быта болгар» авторов — И. Г. Прыжова и Л. Каравелова, поскольку уже в первых номерах издания появляются их работы.

Появление указанных выше работ Л. Каравелова в «Московской газете» объясняется направленностью интересов ее редактора-издателя, в личном архиве⁵⁷ которого сохранились собранные им этнографические материалы. Но публикацией этих работ, видимо, не исчерпывалось сотрудничество болгарского автора в данной газете. Дальнейшие исследования и архивные розыскания помогут решить вопрос об авторстве двух информационных сообщений о болгарских делах, помеченных в газете как поступившие из Константинополя «от нашего корреспондента»⁵⁸. Между тем фельетонисты влиятельных газет отмечали отсутствие зарубежных корреспондентов у «Московской газеты»⁵⁹.

Сотрудничество Л. Каравелова в «Московской газете» охватывает небольшой период — с января по апрель 1866 г. 10 апреля было напечатано окончание его очерка «Святки у болгар». В этом же номере началась публикация материалов о покушении Д. Каракозова на царя. С этого времени явственно проявляется «поправение» газеты, выразившееся в резком сокращении критических материалов, в публикации верноподданических адресов.

В конце 1866 г. Л. Каравелов выезжает из России. Одной из причин отъезда могло быть и его участие в легальном отделении организации Н. Ишутина — Д. Каракозова — «Обществе взаимного вспомоществования»⁶⁰.

Вопрос о публицистической деятельности Л. Каравелова в России не может быть полностью решен без уточнения всех его публикаций. Общественно-политическая направленность многогранной деятельности болгарского патриота была ярко выражена в самых разнородных его публикациях. «Просвещенный русский читатель остановится может быть с изумлением, — писал Л. Каравелов, — зачем эта несносная этнография является там, где должна была скакать на почтовых вся окружающая этого читателя современность. Но дело в том, что современность эта была бы еще лучше, еще благороднее, и, скажем смело, еще просвященнее, если бы с ней вместе неслись и миллионы оставленных существ, называемых славянским народом. Существа эти ведут свою историю; будем же изучать ее, чтоб идти за нею, а не заставлять ее пресмыкаться за нами»⁶¹.

Существенные неточности, на наш взгляд, допускаются при оценке органов русской печати, в которых сотрудничал Л. Каравелов. Еще М. Димитров необоснованно утверждал, что невозможно «указать газет не славянофильского направления, в которых бы Каравелов сотрудничал»⁶². Неубедительна позиция и К. А. Поглубко, указывавшего, что

⁵⁷ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников, ф. 304 (Николай Петрович Бочаров).

⁵⁸ «Московская газета», 6, 13 II 1866, №№ 6, 7.

⁵⁹ См., например, «Голос», 4 II 1866, № 35, где говорится, что новая газета «успела заявить себя далеко не политическою, так как самые коротенькие компиляции из иностранных известий едва ли могут, хоть сколько-нибудь, оправдывать название политической».

⁶⁰ К. А. Поглубко. Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60—70-е годы XIX в.). Кишинев, 1972, стр. 66—67.

⁶¹ «Московская газета», 10 IV 1866, № 14.

⁶² М. Димитров. К вопросу об идеологии Любена Каравелова. УЗИС, т. XVI, 1958, стр. 88. В последней своей статье по рассматриваемому вопросу он занимал ту же позицию. (См. М. Димитров. Към въпроса за публицистичното наследство на Любен Каравелов. В кн. «Публицистиката на Любен Каравелов», т. 2, стр. 5—52).

Каравелов «активно сотрудничал в славянофильской» печати, но впоследствии «свидетельством его открытого разрыва со славянофилами»⁶³ явилась статья «По поводу славянского отдела газеты „День“» (январь 1862 г.). Поскольку неизвестно ни одной публикации Л. Каравелова в славянофильских изданиях конца 50-х годов XIX в., а газета «День» появилась в октябре 1861 г., вряд ли можно говорить об активном участии, тем более, что единственная анонимная статья из газеты «День» 1861 г., приписываемая Л. Каравелову⁶⁴, была подвергнута его резкой критике в упомянутой статье «По поводу славянского отдела газеты „День“»⁶⁵.

В «Истории Болгарии», изданной БАН, отмечается, что с 1860 г. Каравелов «начал писать в г. „Наше время“, позднее в журнале Ив. Аксакова „День“, в г. „Москва“, в г. „Голос“, в г. „Московские ведомости“ и др. — все ... в славянофильском направлении»⁶⁶.

В «Истории философской мысли в Болгарии» указывается, что «Каравелов сотрудничал в славянофильских газетах „Москва“, „Голос“, „Московские ведомости“, журнале „День“ и др.»⁶⁷. Два обстоятельства вызывают здесь возражение. Во-первых, неправомерно, по нашему мнению, характеризовать газеты «Наше время», «Московские ведомости», «Голос» как славянофильские. Во-вторых, не указаны такие органы печати, сотрудничество Л. Каравелова в которых несомненно: «С.-Петербургские ведомости», «Московская газета», «Русская речь и Московский вестник», «Русские ведомости», «Современное слово», «Иллюстрированная газета», «Библиографические записки», «Русский вестник», «Филологические записки», «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения». Названные органы также не принадлежали к славянофильским, а участие Л. Каравелова в газетах «День» и «Москва», как отмечалось выше, оспаривается в ряде исследований.

С целью уточнения органов русской прессы, в которых несомненно участвовал Л. Каравелов, нами составлен список его публикаций, подписанных полной фамилией автора. Это, в первую очередь, повести и рассказы, а также литературные, библиографические и этнографические статьи. Произведения Л. Каравелова, впервые появившиеся в русской печати, имели значение не только для общественности России, но и для его соотечественников. В статье «Русский язык и русская литература», в которой излагалось выступление П. Карджиева на собрании кружка болгарских студентов в Петербурге в связи с 14-й годовщиной освобождения Болгарии, отмечалось, что «некоторые из болгарских писателей, как покойный Любен Каравелов, Палаузов, Дринов, а в последнее время и капитан Бендерев, издали свои произведения на русском языке. Правда, в настоящее время труды Каравелова и отчасти Дринова переведены на болгарский язык, но прежде с ними можно было познакомиться не иначе, как на русском языке»⁶⁸.

Произведения Л. Каравелова, написанные им в России, были идейно близкими к демократическому течению 60-х годов. Еще в русской буржуазной историографии отмечалось, что в них он отстаивал убеждения, заимствованные «из катехизиса русского же литературного радикализма 60-х годов»⁶⁹, справедливо подчеркивалось, что «как публицист и худож-

⁶³ К. А. П о г л у б к о. Там же, стр. 69.

⁶⁴ «Публицистика на Любен Каравелов», т. 1, стр. 73—74.

⁶⁵ Там же, стр. 81—83.

⁶⁶ «История на България», т. I. София, 1961, стр. 424.

⁶⁷ «История на философската мисъл в България», т. I. София, 1970, стр. 380.

⁶⁸ «Славянское обозрение», 1892, т. I, № 4, стр. 579.

⁶⁹ Н. Я. (Н. В. Я с т р е б о в). Русское влияние на болгарскую литературу и язык. «Правительственный вестник», 17 (30) VII 1905, № 154.

ник, Каравелов боролся не только с турками и греками, но и с теми слоями болгарского народа, которые обижали бедную крестьянскую массу, с чорбаджиями и с примыкавшей к ним частью духовенства»⁷⁰. Показателен и факт перевода произведений Л. Каравелова революционно настроенными армянскими студентами в Петербурге. В конце 80-х годов они «переводят проникнутые революционной романтикой реалистические повести, которые своей разоблачительной силой и освободительными идеями полностью перекликались с их патриотическими стремлениями»⁷¹.

Попытка составления списка подписанных публикаций Л. Каравелова была предпринята Л. С. Ерихоновым⁷². Однако в его списке пропущен рассказ «Бошко. Рассказ из болгарской жизни», неправильно указаны выходные данные публикаций «Неда. Рассказ моей бабушки», «Дончо. (Рассказ болгарского атамана)», «Болгары старого времени», неточно даны названия публикаций, не соблюден их хронологический порядок. Сходные ошибки присутствуют в биографической работе М. Димитрова⁷³, специальном библиографическом издании М. Стоянова⁷⁴.

В приводимый ниже список входят различные московские, петербургские и одно воронежское периодические издания. Л. Каравелов печатался и в реакционных изданиях М. Каткова, демократических органах «Библиографические записки» и «Современное слово»⁷⁵, но преимущественно сотрудничал в либеральных органах печати различных оттенков — «Наше время», «Московские ведомости» 1862 г., «С.-Петербургские ведомости», «Московская газета». В обстоятельной статье С. И. Сидельникова⁷⁶, посвященной в основном идейно-тематическому анализу корреспонденций Л. Каравелова периода 1867—1869 гг., также отмечается преимущественное сотрудничество болгарского публициста в либеральных русских изданиях.

Разумеется, для оценки взглядов Л. Каравелова определяющее значение имеет содержание его работ, а не оценка органов печати, в которых они помещены. Тем не менее, интерес представляют и его контакты с такими либеральными русскими журналистами, как В. Ф. Корш, Н. С. Скворцов, А. Н. Афанасьев, Н. П. Бочаров, М. П. Щекин и др. Ряд прочно утвердившихся в литературе неточностей по вопросу о сотрудничестве Л. Каравелова в русских газетах и журналах не способствует изучению его связей с русской периодической печатью, в забвении остаются и многие его работы.

⁷⁰ Н. В. Ястребов, П. А. Лавров. История болгарского народа. Петроград, 1916, стр. 363.

⁷¹ К. А. Джингозян. Из истории армяно-болгарских литературных связей (XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ереван, 1966, стр. 12.

⁷² Л. С. Ерихонов. Мировоззрение Любена Каравелова. УЗИС, т. XV, 1957, стр. 157.

⁷³ М. Димитров. Любен Каравелов. Биография, стр. 70.

⁷⁴ М. Стоянов. Там же, стр. 164—165.

⁷⁵ Автором анонимной статьи «Народные балы. (Вечера, вечерницы)» в газете «Современное слово» (17, 19 II 1863, №№ 38, 39) Л. С. Ерихонов (Руското общество..., стр. 67) считал И. Г. Прыжова на основании того, что она является частью его неопубликованного труда «Вечерницы или женские общественные собрания» (ОПИ ГИМ, коллекция Музея революции, ф. 282). На наш взгляд, содержание статьи, большая часть которой содержит описание этого обычая в Болгарии, наличие отрывков из этой статьи в личном архиве Л. Каравелова (См. «Из архива на Любен Каравелов», София, 1964, стр. 427, 428), наконец, его указание о принадлежности ему этой публикации («Публицистиката на Любен Каравелов», т. 1, стр. 573) позволяют считать болгарского публициста соавтором этой работы.

⁷⁶ С. И. Сидельников. Участието на Любен Каравелов в руския периодичен печат. «Исторически преглед», 1962, № 5, стр. 66, 83.

СПИСОК ПОДПИСАННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ Л. КАРАВЕЛОВА

- Атаман (Из болгарских нравов). «Наше время», 27 XII 1860, № 50, стр. 809-815.
 Неда. Рассказ моей бабушки. «Русский вестник», т. 33, 1861, июнь, стр. 744—768.
 Библиография современной болгарской литературы «Библиографические записки», т. III, 1861, № 9, стр. 277—280; № 15, стр. 467—471.
 Бедное семейство. Рассказ филиппопольки. «Московские ведомости», 20 III 1862, № 62, стр. 496—497.
 Болгарская журналистика. «Московские ведомости», 13, 14 VII 1862, №№ 153, 154, стр. 1220—1221, 1229.
 Дончо (Рассказ болгарского атамана). «С.-Петербургские ведомости», 28, 31 V 1864, №№ 118, 120, стр. 476, 483.
 Святки у болгар. «Московская газета», 9 I, 10 IV 1866, №№ 2, 14, стр. 18—19, 117—118.
 Слава. Очерк из болгарской жизни. «Московская газета», 23, 30 I 1866, №№ 4, 5, стр. 40—41, 50—51.
 На чужой могиле без слез плачут. Болгарская повесть. «С.-Петербургские ведомости», 10, 11 III 1866, №№ 68, 69.
 Турецкий паша. Записки болгарской монахини. «С.-Петербургские ведомости», 5, 25 VII 1866, №№ 181, 205.
 Бошко. Рассказ из болгарской жизни. «Русский вестник», т. 64, 1866, август, стр. 512—534.
 После отъезда Л. Каравелова из России были опубликованы его работы:
 Вук Стефанович Караджич. «Филологические записки», Воронеж, 1867, вып. I, отдел «Славянский вестник», стр. 1—16.
 Из записок болгара. «Русский вестник», т. 68, 1867, март, стр. 370—399; апрель, стр. 661—689.
 Болгары старого времени. Рассказ. «Отечественные записки», т. 173—174, 1867, август, кн. 2, стр. 813—842; сентябрь, кн. 1, стр. 1—34.
 Южнославянская библиография за 1867 год. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 138, 1868, июнь, отдел «Критика и библиография», стр. 882—904.
 Кроме перепечатки некоторых из этих рассказов и очерков после смерти Л. Каравелова впервые была напечатана его работа.
 Болгарские народные песни, собранные Любеном Каравеловым, изданные под наблюдением П. А. Лаврова. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (ЧОИДР), 1905, кн. 1 (212), раздел II, стр. 1—80; кн. 2 (213), раздел II, стр. 81—161.

И. СВИРИДА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»

В процессе изучения художественной культуры славянских стран в эпоху формирования наций все яснее обнаруживается необходимость постановки некоторых более общих теоретических вопросов, без решения которых трудно продвигаться вперед в конкретно-исторических исследованиях. К их числу должен быть отнесен вопрос об уточнении самого понятия «национальная художественная культура».

Если дискуссии и публикации 60-х — начала 70-х годов заметно продвинули или по крайней мере оживили разработку проблем нации как исторической категории, то теоретические аспекты национального развития в области культуры, особенно художественной, до сих пор остаются вне специального внимания исследователей и в лучшем случае являются продуктом побочных, хотя порой и очень интересных наблюдений отдельных ученых. Не разработана также научная терминология, связанная с проблемой «культура и нация».

Термины «национальная культура», «национальная литература», «национальное искусство» принадлежат к числу весьма часто встречающихся как в научной, научно-популярной, так и в общественно-политической литературе. Способ их применения, лишенный часто конкретно-исторического содержания, свидетельствует о том, что авторы, так охотно оперирующие ими, нередко понимают их не как научный термин, имеющий определенную социально-историческую значимость, а как привычное словосочетание, особенно распространившееся в нашей литературе в послевоенные годы. Это словосочетание, на первый взгляд казалось бы для всех ясное, скрывает весьма сложные, и не в достаточной мере разрешенные проблемы.

Потребность в четкой характеристике понятия «национальная художественная культура» очевидна. Это важно и для более глубокого понимания особенностей эпохи в развитии художественной культуры, которая открывается периодом складывания нации, для более полного выявления типологической общности и специфики формирования национальной культуры у отдельных народов, наконец, для периодизации развития художественной культуры в целом, которую в большинстве случаев подчиняют общеисторической. Хотя такое подчинение во многом справедливо, при этом порой легко утрачивается специфика художественного процесса, определенные явления которого становятся труднообъяснимыми. Так, например, всеми признается очевидный факт, что эпохи расцвета в области искусства не всегда совпадают с периодами экономико-политического подъема отдельных народов, а порой приходится на периоды наиболее тяжелых в их жизни.

Объяснение этому часто нужно искать не только в социально-политических процессах, с которыми в большинстве случаев сопоставляются яв-

ления художественной культуры, но и в национальных, имеющих свою специфику. Так развитие художественной культуры непосредственно связано с формированием национального самосознания¹, которое, как известно, часто проявляется с наибольшей силой именно в тяжелые для народа годы. Взлет национального самосознания может вызвать яркий подъем национальной культуры в самых, казалось бы, исторически неблагоприятных условиях.

Недооценка роли национально-культурных, идеологических факторов, может привести к неправильному пониманию художественного процесса. Существует меньшая возможность отожествить упадок в политической и экономической жизни с упадком в художественной культуре, если она приносит очевидные яркие результаты (как это имело место, например, в Германии в XVIII в.). Сложнее увидеть содержание художественного процесса, не дающего в годы политического упадка каких-либо значительных проявлений. Показательный пример в этом отношении — оценка польской культуры 30-х годов XIX в.

Попадая под гипноз неоспоримых фактов польской жизни этого времени, таких как политический и национальный гнет, массовые репрессии, выезд лучших представителей польской культуры за пределы страны, ряд авторов оценивал 30-е годы XIX в. как период «гробовой тишины», «царства апатии» и «посредственности»², связывая возможности развития культуры только с условиями эмиграции. Между тем в 30-е годы и в самой Польше продолжался поступательный процесс формирования национальной школы в польской музыке (вызревание таланта Моцарто), изобразительном искусстве (начало творческого пути П. Михаловского, развитие реалистических тенденций в портрете, жанре, пейзаже), литературе (творчество Фредро) и пр.³

Недостаточная разработанность теоретических проблем национальной культуры чувствуется и в освещении ее развития на современном этапе, в условиях огромного разнообразия особенностей формирования, форм существования и взаимодействия отдельных наций, имеющих место в наши дни.

Учитывая все это, было бы целесообразно обратиться к систематизации имеющихся представлений о развитии национальной художественной культуры. Не беря на себя смелость дать окончательную формулировку понятия «национальная художественная культура», автор ставит задачу выявить некоторые основные признаки, свойственные художественной культуре эпохи формирования наций. Хотя развитие национальной культуры каждого народа имеет свои особенности (хронологические, динамические и пр.), связанные со спецификой формирования отдельных наций, политическими и социально-экономическими условиями их существования, однако выделяемые ниже признаки являются типологически общими для каждой художественной культуры в данную эпоху. Проявление этих черт объективно неизбежно в культурах всех народов, которые проходят аналогичную фазу развития.

¹ О взаимосвязи культуры и национального самосознания см. статью: А. С. Мильников. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Возрождения. «Советское славяноведение», 1974, № 3, стр. 73—84.

² P. Chmielowski. Józef Korzeniowski. Jego życie i działalność literacka. Petersburg, 1898, s. 41; A. Brückner. Dzieje kultury polskiej, t. IV. Warszawa, 1946, s. 144. См. также: M. Straszevska. Czasopiśma literackie w Królestwie Polskim. 1832—1848. Cz. I (1832—1840). Wrocław, 1953.

³ Методологически важные положения для оценки этого периода см. в работе: J. Chałasiński. Z zagadnień historii kultury polskiej pierwszej połowy XIX w. В кн. «Kultura i naród». Warszawa, 1968.

Чтобы глубже понять особенности развития художественной культуры в эпоху формирования наций, важно рассмотреть его в культурно-историческом плане, учитывая не только развитие самого художественного творчества, но и его место в системе духовной и социально-экономической жизни нации, условия создания и бытования произведений искусства.

Этот второй аспект представляется чрезвычайно важным⁴, так как позволяет с большей степенью точности и даже неоспоримой документальностью фиксировать принципиальные сдвиги в развитии культуры, нежели это дает возможность сделать материал собственно художественного творчества, допускающий более субъективные толкования⁵.

Каждой общественно-экономической формации свойственны особые формы художественной жизни, обеспечивающие функционирование искусства в данном обществе и зависящие от его социальной структуры и уровня развития производительных сил. Общая тенденция в развитии культуры формирующихся наций — это преодоление сословной замкнутости, свойственной культурной жизни феодального общества, и развитие общности культурной жизни в национальном масштабе.

На первом этапе развития наций — капиталистическом — эта тенденция реализуется лишь частично. Основным препятствием на пути национальной культурной интеграции в буржуазном обществе является наличие двух культур в каждой национальной культуре. Лишь в условиях социализма развивается единая национальная культура — социалистическая по содержанию, национальная по форме, интернациональная по духу.

Каковы основные признаки национальных процессов в области художественной жизни?

Один из важнейших среди них — это начавшийся процесс демократизации художественной жизни. Он находит выражение прежде всего в изменении социальных основ развития искусства, расширении его социальной базы. Изменяется характер частного меценатства: на смену узкому кругу духовных или светских феодалов приходят более широкие слои заказчиков, среди которых все большую роль играет буржуазия (для развитых капиталистических стран), мещанство, среднее дворянство, формирующаяся национальная интеллигенция.

Возрастает роль государства в качестве организатора национальной культурной деятельности. Все большее значение приобретает деятельность государственных культурных учреждений как выразителей национальных потребностей в культурном развитии. Возникает публичный меценат, воспринимаемый как выражение воли нации. Как национальная осознается и деятельность государства⁶.

Характерной формой национальной художественной жизни является образование национального художественного рынка, возникающего как часть национального экономического рынка,

⁴ В последние годы он привлекает все большее внимание исследователей. См., например, книгу: Г. Ю. Стернин. Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков (М., «Искусство», 1970), где также раскрывается методологическое значение этого аспекта для искусствознания (стр. 3—7 и др.). См. также работу коллектива польских авторов под ред. А. Войцеховского. «Polskie życie artystyczne w latach 1890—1914». Wrocław, 1967.

⁵ Так, например, рассмотрение эволюции форм художественной жизни позволяет уточнить периодизацию в истории формирования национальных художественных школ. Более подробно об этом см. И. И. Свирида. Некоторые особенности польской художественной жизни первой половины XIX в. В сб. «Культура и общество в эпоху становления наций». М., «Наука», 1974, стр. 122—134.

⁶ Характерный пример. Художник французской революции Луи Давид, работая над картиной «Клятва в зале для игры в мяч» по заданию Конвента, говорит, что она «заказана ему нацией» («Мастера искусств об искусстве», т. II. М., 1933, стр. 147)

что вызывает очень серьезные изменения во всей структуре национальной художественной жизни.

Произведение искусства превращается в товар, отчуждаясь от своего создателя. Нарушается непосредственная связь художник — заказчик. И в этой сфере ликвидируется система как бы натурального хозяйства, при которой писатель, художник был на непосредственном содержании у феодала, а также создаются условия для разрушения цеховой организации. Тем самым образуются предпосылки для превращения профессии писателя, художника, музыканта в свободную профессию, для формирования национальной творческой интеллигенции как особой социальной прослойки.

Формирование национальной творческой интеллигенции безусловно один из важнейших признаков национального этапа в развитии культуры. Это чрезвычайно важный фактор национальной культурной жизни оказывает решающее влияние и на характер самого художественного творчества. Формирование национальной творческой интеллигенции создает условия для вытеснения иностранных мастеров, для непрерывной преемственности развития национального художественного творчества, как путем создания произведений искусства, так и путем воспитания новых поколений мастеров.

Появление национальной творческой интеллигенции как особой прослойки свидетельствует о процессе профессионализации творческой деятельности. Она протекает по-разному для различных профессий. Если профессии музыканта, художника, актера существовали издавна, то писательский труд как таковой становится источником существования лишь в XIX в., когда в результате развития издательского дела и книжного рынка появляется возможность для писателей жить за счет авторских гонораров, а не политической, духовной или какой либо другой деятельности.

Вопрос дилетантизма и профессионализации остро встает в XIX в. и для художников, музыкантов, деятелей театра. Здесь выдвигаются две проблемы: первая — экономическая, невозможность стать профессионалом из-за ограниченности материальных средств, расходуемых данным обществом на развитие искусства, и вторая — социально-психологическая, особенно ярко проявляющаяся в тех странах, где рекрутирование национальной творческой интеллигенции происходило преимущественно из дворянских слоев (например, Польша) и где были наиболее сильны пережитки феодальных в своей основе, сословных предрассудков, не позволяющих дворянину получать деньги за какой-либо труд.

Характерным и важным признаком национальной эпохи в развитии художественной культуры является концентрация художественной жизни в городах, которые по своему культурному значению вытесняют кастово замкнутые феодальные поместья или монастыри. Роль последних дольше сохраняется в странах, где наследие феодализма изживалось более медленно. Однако развитие городов как национальных культурных центров составляет одну из существенных сторон национального культурного процесса для всех стран. Наиболее зрелое выражение это находит в возрастающей роли столиц как центров художественной культуры в общенациональном масштабе. Насколько велика объективная потребность развивающейся национальной культуры в наличии общенационального культурного центра, свидетельствует судьба Варшавы, которая в XIX в., вопреки утрате своей государственной роли, вопреки разделам, становится действительно культурной столицей нации.

Значение городов в национальной культурной жизни укрепляется благодаря созданию в них различных культурных учреждений, в том числе ху-

дожественных учебных заведений, которые становятся центрами подготовки национальных творческих кадров.

Нельзя себе представить новый этап в развитии художественной культуры без существования национальных форм посредничества между произведениями литературы, искусства и читателем, зрителем. Такими национальными формами посредничества становятся публичные театры, музеи, художественные выставки, библиотеки, концерты, книжные и периодические издания, доступ к которым определяется не сословными принципами (как на придворные концерты или в частные галереи), а определенной платой, что теоретически превращает их в общедоступные ⁷.

Важным фактором национальной культурной жизни является пресса. Уделяя с течением времени все большее внимание вопросам художественной культуры, она выполняет роль информатора о событиях художественной жизни в национальном масштабе, формирует общественную критическо-эстетическую мысль, вытесняя частный литературный салон, который до сих пор был главным законодателем вкусов.

Можно отметить еще целый ряд форм художественной жизни, типичных для рассматриваемой эпохи (таких, например, как возникновение многочисленных культурных обществ и пр.). Характер их всех свидетельствует о включении в культурную жизнь более широких слоев общества, чем это было на предшествующем этапе, об укреплении национальной общности культурной жизни.

Переходя к вопросу о признаках нового этапа в развитии самого художественного творчества, хотелось бы кратко остановиться на том, как употребляется в научной литературе термин «национальный» по отношению к произведениям литературы, искусства. Можно заметить весьма существенную разницу в его содержании: в одних случаях — это производное от слова «нация», в других — от слова «национальность» ⁸. В первом случае оно употребляется для обозначения принадлежности данного явления культуры к определенной социально-исторической фазе в развитии человечества и его культуры, во втором — для обозначения его принадлежности тому или иному народу. Примененное во втором смысле — оно часто оказывается просто излишним. Так, достаточно сказать: «русское искусство», а не «русское национальное искусство», чтобы указать на его принадлежность культуре данного народа. Что касается употребления слова «национальный» как производного от слова «нация», то здесь хотелось бы обратить внимание на ряд моментов.

Довольно часто, особенно в научно-популярной литературе и публицистике, наблюдается полное отождествление понятий «национальное искусство» и «самобытное», при этом определение «национальный» звучит как эпитет-комплимент. С таким употреблением этого термина трудно согласиться, ибо национальное — это не только особенное, но и всеобщее. Исходя из ленинского положения о двух тенденциях в национальном развитии, современные советские историки нации пишут: «Национальное в искусстве — это не только то, что отличает одну нацию от другой, что является исключительной принадлежностью данной нации. Исключение из понятия „национальное“ самого главного — интернациональных элементов, сводило бы национальное только к форме, более того, к случайным и

⁷ Для сравнительного анализа развития национальных форм художественной жизни наглядный материал могла бы дать хронологическая таблица возникновения различных публичных культурных учреждений в отдельных странах.

⁸ О разграничении этих понятий см. также: Ю. В. Б р о м л е й. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 146.

временным проявлениям формы»⁹. И это высказывание представляется вполне справедливым.

Существует еще одна разновидность употребления термина «национальный» как производного от «нации», разновидность наиболее сложная и спорная. Я имею в виду тот случай, когда это определение применяется к явлениям художественной культуры эпохи феодализма.

С одной стороны, это может быть оправдано тем, что действительно в эпоху средневековья складываются некоторые существенные элементы национальной культуры, а изучение национальной культуры каждого народа нужно начинать с ее истоков. Однако здесь хотелось бы привести рассуждение от противного: если все явления культуры, уже со средневековья, называть «национальными», то что же тогда включать в культуру общности людей, предшествовавшей нации — в культуру народности? Следует отметить, что если словами «национальная литература», «национальная культура» пестрят многочисленные издания, то очень редко можно встретить понятие «литература народности», «искусство народности», они даже звучат как-то непривычно¹⁰.

Применяя термин «национальное» по отношению к культуре средневековья, мы обедняем историческое содержание понятия «народность».

Активное введение в научную литературу понятия «культура народности» может принести несомненную пользу. Это избавит от необходимости применять термин «национальное» по отношению к явлениям культуры феодального времени, а тем самым позволит четче дифференцировать два этапа в развитии культуры: до складывания нации и с начала ее формирования яснее представить их специфику.

Основной особенностью художественного творчества в эпоху развития нации является его способность средствами отдельных видов художественной культуры отражать существенные проблемы жизни данной нации в формах, наиболее близких ее духовно-психическому складу.

Благодаря чему национальная художественная культура становится способной решать стоящие перед ней проблемы?

Иначе говоря, каковы признаки данной эпохи в развитии художественного творчества?

Не беря на себя задачу исчерпать этот вопрос, хотелось бы остановиться на следующих признаках.

Во-первых, оперирование единым национальным языком в тех видах художественной культуры, где он является материалом создания художественного образа (литература, театр и пр.).

Во-вторых, слияние локальных школ в единую национальную школу, преодоление региональных отличий. Этот процесс не следует представлять лишь как простое суммирование отдельных свойств или нивелировку местных особенностей. Он ведет к синтезу, дающему принципиально новые художественные ценности, которые отвечают новому мировосприятию, новым эстетическим идеалам, развивающимся у общности людей, складывающейся в нацию.

В-третьих, преодоление сословных различий. Хотя культура в классовом обществе всегда остается классовой, однако на национальном этапе она утрачивает сословную ограниченность. Складывающиеся национальные особенности художественного творчества берут свои истоки в искусстве различных сословий: так национальная музыка орга-

⁹ «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972, стр. 306.

¹⁰ К числу ученых, последовательно и сознательно применявших эти термины, принадлежал Н. И. Конрад, подчеркивавший принципиальное различие двух фаз в развитии культуры. (См., например, «Проблемы современного сравнительного литературоведения». В кн. Н. И. К о н р а д. Запад и Восток. М., 1972, стр. 311—312).

нически обогащается традициями крестьянского, городского фольклора, любительского музицирования, традициями профессиональной музыки, звучавшей при дворах феодалов. Аналогичный процесс можно отметить в области театра (придворный, школьный, любительский и пр.) и других видов художественной культуры.

В-четвертых, зарождение новых эстетических идеалов, отвечающих не сословным, а общенациональным духовным потребностям. Конечно, различия между отдельными социальными слоями сохраняются в этом плане очень долго. Однако важно отметить, что в литературе и искусстве выдвигается новый тип героя, лишенный сословной замкнутости, отличающийся психическими, идейными и прочими особенностями, но не сословными. Формируется национальный тип героя, одним из ярких примеров которого является образ национального вождя, воплощенный, в частности, в Польше в обширной иконографии Костюшко.

В-пятых, усвоение опыта других народов. Оставаясь в изоляции, культура одного народа не может достичь национально-зрелых форм. История искусства народов, развивавшихся по тем или иным причинам изолированно от других национальных культур, свидетельствует о запоздалости процессов формирования национального искусства.

Развитие культурных связей играет очень большую роль для становления каждой национальной культуры. В процессе ее развития характер этих связей существенно меняется. При их анализе очень важно отдавать себе отчет в том, на каком уровне развития культур идет взаимодействие, что позволит более глубоко интерпретировать характер и значение связей.

Порой культурный опыт другой нации может иметь большее значение для формирования национальной культуры, чем какое-то даже значительное местное явление. Так при всем интересе, который представляет польский сарматский портрет, как глубоко своеобразное и яркое явление, для формирования национальной школы в польском изобразительном искусстве более существенными оказались тенденции, принесенные зарубежными мастерами, работавшими в Польше в эпоху Просвещения¹¹. Освоение достижений европейского искусства на материале их творчества было необходимым шагом в становлении польской национальной школы, хотя нельзя отрицать и значения традиций сарматского портрета, которые ясно прослеживаются в творчестве целого ряда мастеров (Смуглевич, Войняковский) и которые являются одним из тех элементов сословных культур, о которых шла речь выше как об органических составных частях национальной культуры. Как говорил Белинский, «даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально»¹².

Национальные формы искусства не являются неизменными, а подвержены развитию. Их своеобразие складывается в процессе исторического развития культуры. Однако поступательное движение в развитии национальной художественной культуры строится не на слепой приверженности к старому, исконному. Часто рождение форм национального искусства происходит именно в результате решительного разрыва с традиционными (как это имело, например, место в России XVIII в.).

Отмечая различные черты, присущие национальному этапу в развитии искусства, следует подчеркнуть, что все они находят выражение в светских формах художественной культуры, которые являются доминирую-

¹¹ Ср. Л. И. Т а н а н а е в а. Польское изобразительное искусство эпохи Просвещения. Живопись, рисунок. М., «Наука», 1968, стр. 37.

¹² В. Г. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, стр. 29.

щими в национальную эпоху. Даже религиозные идеи, которые являются в период формирования буржуазных наций существенным элементом общественного сознания, также воплощаются в формах светского искусства (чему пример мессианизм и литература польского романтизма). Формы церковного искусства дольше сохраняют свою роль в тех странах, где процесс формирования национальной художественной культуры совершался с опозданием (Болгария).

Это позволяет считать, что вытеснение религиозных форм искусства светскими — еще один признак, характеризующий национальную художественную культуру.

Одно из характерных для нее явлений — осознание деятелями культуры национальных задач, стоящих перед литературой и искусством, складывание концепции национальной культуры. Особое значение это имело для тех стран, где становление нации шло в условиях утраты национальной независимости и где развитие национального художественного творчества было одним из важнейших факторов в укреплении национального самосознания. Связь искусства с национально-освободительным движением, выражение в художественном творчестве стремлений к национальной независимости были одним из существенных факторов в становлении национальной художественной культуры таких стран, как Польша или Чехословакия, Болгария или Сербия.

Существенным признаком развития национальной художественной культуры является осознание своих национальных традиций. Их изучение становится частью того огромного интереса к прошлому, который столь характерен для эпохи формирования наций. Среди этих традиций на первый план выдвигается народное творчество. Освоение его многовекового наследия — также один из существенных признаков и элементов формирования национальной художественной культуры.

Рассмотренные признаки, изложенные по необходимости тезисно, в процессе становления национальных культур получают неравномерное развитие, они не одновременно созревают в каждой национальной культуре, не совпадают хронологически в истории различных национальных культур.

Особенности развития отдельных стран несомненно влияют на темпы, характер процесса. Более интенсивным он был в Англии, Франции, где дал зрелые результаты уже к началу XIX в. Замедленно он протекал в Германии, Австро-Венгрии, Италии, Польше, России. Можно привести факты нарушения естественности течения этого процесса, как, например, в Польше, где политические репрессии прерывали нормальное развитие национальной культурной жизни.

Важно отметить, что складывание национальных форм в художественной культуре разных стран совпадает стадийно, т. е. происходит в те же годы, которые историки определяют как время формирования наций. Одним из важнейших этапов в их развитии является эпоха Просвещения, которую можно считать переломной для становления национальной культуры всех народов.

Как на разных исторических этапах формируются те или иные признаки нации, совокупность которых позволяет говорить о складывании принципиально новой общности людей, так и в области художественной культуры накопление черт, синтез которых приводит к качественно новому национальному этапу в ее развитии, происходит постепенно. Позже или раньше, сильнее или слабее с объективной неизбежностью эти черты проявляются в истории национальных культур. Их наличие позволяет констатировать, что в эпоху складывания нации происходит

формирование новой, особой модели художественной культуры — модели национальной художественной культуры.

Подводя итоги рассмотренного выше, можно было бы сказать, что национальная художественная культура характеризуется способностью средствами отдельных видов искусства отражать существенные проблемы жизни данной нации в формах, наиболее близких ее духовно-психическому складу. Эта способность реализуется в результате оперирования единым национальным языком, стирания региональных и сословных различий в художественном творчестве, сложения общенациональных эстетических идеалов, в результате осознания своих национальных традиций (в том числе народной культуры), а также опыта мирового искусства. Все эти процессы в художественном творчестве совершаются одновременно с развитием национальной общности в культурной жизни, что находит выражение в процессе демократизации культурного быта, в формировании общенациональных художественных центров, создании национальной системы культурных учреждений, образовании национальной творческой интеллигенции.

Как и нация, национальная художественная культура не является вечной категорией. Как и другие формы национального развития, она не является неизменной и отдельные ее элементы претерпевают значительную эволюцию. Некоторые из них с течением времени утрачивают актуальность или просто отмирают, другие перерастают национальные рамки, все больше обнаруживая тенденции интернационального развития. И было бы чрезвычайно интересно проследить особенности их судьбы в культуре каждой из стран. Базируясь на конкретном анализе, можно более глубоко понять особенности формирования национальных культур у славянских народов и их место в европейском культурно-историческом процессе.

ЯН ГЕБАУЕР КАК ТЕОРЕТИК ЧЕШСКОЙ ГРАММАТИКИ

Ян Гебауер принадлежит к числу крупных деятелей чешской филологии. Его научная деятельность, начавшаяся более ста лет тому назад, — большой вклад в культурную жизнь Чехии. Гебауер как лингвист, посвятивший себя прежде всего изучению истории чешского языка, сумел занять достойное место среди крупнейших представителей славянского языкознания вообще. Однако Гебауер был не только лингвистом; его живо интересовали также и проблемы литературоведения и фольклора, и в этой области он достиг немалых успехов. Можно лишь удивляться тому, что деятельность Гебауера до сих пор не стала предметом обстоятельного монографического исследования. Изучению научного наследия Гебауера не было уделено достаточного внимания даже во время его юбилеев в 1938 г. (сто лет со дня рождения) и в 1958 г. (50 лет со дня смерти). Ныне основным источником, освещающим жизнь ученого, являются мемуары его дочери («Воспоминания о Яне Гебауере»). Краткая оценка трудов Гебауера содержится в статьях, опубликованных в журналах (например, статьи И. Сметанки и А. Новака в «Literární listy») и энциклопедиях.

В настоящей публикации мы рассмотрим лишь некоторые основные аспекты деятельности Гебауера, связанные с общим направлением развития чешской культуры XIX в. В центре внимания будет находиться проблематика, представляющаяся нам ныне наиболее актуальной, именно — грамматические теории Гебауера.

Гебауер был первым чешским филологом, ставшим профессором Карлова университета. В связи с этим уместно напомнить, что профессорами Карлова университета не были ни гениальный Йозеф Добровский (1753—1829), ни Йозеф Юнгман (1773—1847) — выдающийся представитель другого научного поколения. Лишь только П. Й. Шафарику (1795—1861) была предложена университетская кафедра, однако он отказался от нее в пользу поэта Ф. Л. Челаковского (1799—1852), бывшего до этого продолжительное время профессором славянского языкознания во Вроцлавском университете. В конце XVIII в. на кафедре чешского языка в Праге работал Я. М. Пелцл, затем с 1801 г. Ян Неедлый (1776—1834). Следует учесть, что Пелцл был скорее историком, чем филологом; исследования же Неедлого в области грамматики также были недостаточно систематическими. Й. Юнгман был дважды деканом, а один раз даже ректором университета. В пятидесятые годы на кафедре чешского языка работал словак Мартин Гаттала (1821—1903). Последнего интересовал главным образом литературный словацкий язык; деятельность же его как профессора университета была не очень плодотворной.

Докторскую диссертацию по чешскому языку Гебауер защитил в Карловом университете в 1873 г., вскоре он получил доцентуру по славянской

филологии. В 1880 г. Гебауер был назначен экстраординарным профессором, а через год — ординарным профессором Карлова университета. В начале своего научного пути он занимался также поэтическими переводами (с русского, болгарского, древнеиндийского). В этом отношении он следовал примеру пражского индогерманиста А. Шлейхера (1821—1868). Гебауер не был непосредственным учеником Шлейхера, однако изучение сочинений последнего принесло ему большую пользу.

Основной период научной деятельности Гебауера приходится на годы, когда в европейском языкознании господствовало младограмматическое направление (А. Лескин, К. Бругман), оказавшее влияние на методологию исследований Гебауера. Так же как и у младограмматиков, в центре научных интересов Гебауера находилась историческая фонетика. Уже в 1878 г. Гебауер опубликовал результаты исследования йотации (открытие закона йотации). Значительных успехов достиг он в области исторической морфологии и синтаксиса (представляют интерес, в частности, его наблюдения над отрицанием в древнечешском языке).

Гебауер по праву занимает значительное место в истории чешской науки также благодаря критике рукописей, подделанных Ганкой. По инициативе Масарика и при поддержке некоторых зарубежных славистов, главным образом, В. Ягича, Гебауер принял участие в дискуссии, развернувшейся вокруг рукописей. В 1886 г. в чешском «Атенеуме» вышла статья под названием «Необходимость дальнейшей проверки Краледворской и Зеленогорской рукописей», двумя годами позже — рассуждение «О подделке рукописей Краледворской и Зеленогорской». Участие Гебауера в полемике вокруг рукописей имело решающее значение, однако эта борьба стоила Гебауеру немалых жертв. Чешская реакционная журналистика ставила под сомнение порядочность ученого; дело не обошлось и без материального ущерба. Следует, однако, признать, что и сам Гебауер довольно долго не имел четкой позиции в вопросе о рукописях. Это особенно чувствуется в его работе о древнечешском отрывке Святоянского евангелия (1881 г.), явившейся неудачной защитой подделки, в подлинности которой уже ранее сомневались исследователи. Впрочем, Гебауер и сам вскоре убедился в своей ошибке. Позже защитники рукописей воспользовались этой ошибкой Гебауера для того, чтобы опорочить его мнение о Краледворской и Зеленогорской рукописях.

После завершения полемики Гебауер приступил к работе над «Исторической грамматикой чешского языка». Он опубликовал «Фонетику» (1894), затем «Склонение» (1896) и «Спряжение» (1898), не законченным остался «Синтаксис» (под редакцией Ф. Травничека он вышел лишь в 1929 г.). Широко задуманный «Словарь древнечешского языка» остался не завершенным: были опубликованы только два тома (*A — naliti*). Эти фундаментальные труды Гебауера и поныне сохранили большую научную значимость, о чем свидетельствует, в частности, их недавнее переиздание. Это труды, значение которых выходит далеко за рамки богемистики; они являются ценным вкладом Гебауера в развитие сравнительного славянского языкознания. Понадобилось много времени для того, чтобы продолжить исследования, начатые Гебауером как историком чешского языка. В 1935 г. вышла «Историческая грамматика» Ф. Травничека, однако она едва ли превосходила в методологическом отношении труд Гебауера. Лишь после второй мировой войны А. Лампрехт и М. Комарек предложили свою углубленную концепцию истории чешской фонетики; работы этих ученых базируются на теоретических принципах пражской лингвистической школы.

Велики заслуги Гебауера и как автора школьных учебников чешского литературного языка, ставших официально признанными учебными пособиями, которые на многие годы определили характер обучения этому язы-

ку. В этой связи следует прежде всего упомянуть обширную «Чешскую грамматику» для средней школы и для школ, готовивших учителей (впервые она была опубликована в 1890 г., впоследствии неоднократно выходила в двухтомном издании). Сюда же относится сокращенная переработка «Краткой грамматики чешского языка» для первого класса средних школ (1891 г.). Расширенный вариант грамматики Гебауер опубликовал под названием «Настольная грамматика чешского языка для учителей и индивидуального изучения» (1900, изд. 2 — 1903 г.). После смерти Гебауера возникла необходимость дополнить и переработать названные учебники. Это осуществил В. Эртль, неоднократно совершенствовавший свою редакцию (впервые под его редакцией книга вышла еще до первой мировой войны). Грамматика Гебауера (двухтомная и однотомная) под редакцией Эртля неоднократно переиздавалась и стала официальным школьным учебником чешского языка. Расширенное издание «Настольной грамматики» подготовил к печати Ф. Травничек (1924 г., новое переработанное издание увидело свет в 1930 г.). В 30-е годы эта грамматика использовалась в качестве учебного пособия в университете в Брно. Большой интерес проявляли к ней и широкие круги общественности. Травничек справедливо объяснял это «здоровыми корнями работы Гебауера».

К сожалению, до сих пор никто подробно не исследовал, на чем основывалась теоретическая база работ Гебауера и какой вклад внес он в теорию языкознания. Гебауер, несомненно, использовал чешскую грамматическую традицию (особенно в изучении синтаксиса), опирался он и на исследования по грамматике других славянских языков (преимущественно русского), принимались им во внимание и немецкие работы. Так, из отечественной традиции Гебауер исходит при интерпретации грамматического дополнения — той части предиката, которая, ограничивая и определяя глагольное действие, соотносится через глагол с именем существительным (чаще всего оно выполняет функцию субъекта, затем объекта, реже адвербиального определения).

Ярче всего вклад Гебауера в грамматическую теорию проявился в изучении синтаксиса. Гебауер опирался на так называемую традиционную концепцию, восходящую своими корнями к античным грамматикам и воплощенную в наиболее законченной форме в трудах немецкого теоретика Ф. К. Беккера (1775—1849), особенно в его трехтомной «Подробной грамматике немецкого языка» (1836—1839). По сравнению с Беккером Гебауер ближе к старой грамматической традиции. Это проявляется прежде всего в его понимании предложения и основных синтаксических категорий. К числу последних Гебауер относит в первую очередь члены предложения, в то время как Беккер — синтаксические отношения. Исследуя синтаксические отношения, Беккер пришел к выводу о наличии синтаксических пар (дихотомические структуры предложения), из которых самой существенной является предикативная пара, образуемая субъектом и предикатом. Подобным понятием оперировал и Гебауер, однако в целом к мысли о наличии синтаксических корреляций теоретики грамматики (Гавранек, Шмиляуер) пришли несколько позже, очевидно, не без влияния Беккера. Выявление дихотомической структуры предложения следует считать заслугой Беккера. Можно лишь сожалеть, что Гебауер недостаточно использовал эту сильную сторону его работ. Поскольку дихотомический (бинарный) принцип строения является доминирующей чертой структуры предложения, это необходимо отразить в описании грамматической структуры. До сих пор, однако, не ясно, можно ли интерпретировать и так называемые односоставные предложения как двучленные структуры (что касается глагольных односоставных предложений, то здесь можно предположить наличие так называемого нулевого подлежащего). Подобием дихотомической связи

членов предложения являются бинарные оппозиции в звуковой системе и морфологии и, разумеется, в лексикологии, где особенно отчетливо проявляются контрастные оппозиции.

В новейшую эпоху концепция дихотомической организации структуры предложения, предложенная Беккером, привлекла внимание немецкого и швейцарского синтаксиста Г. Глинца (см. его труд «Внутренняя форма немецкого языка», 1952). Глинц исходит из концепции Ф. де Соссюра. Предложенный Глинцем «экспериментальный» подход напоминает также метод проверок Л. Ельмслева. Как ни странно, к Беккеру Глинц относится полностью отрицательно. Следует отметить, что в новое издание своей книги Глинц внес изменения в предложенный им метод. Несколько смягчилось отрицательное отношение Глинца к традиционному направлению, изменилась и оценка Беккера. Дихотомическое членение структуры предложения в известном смысле было реабилитировано в генеративной теории Н. Хомского, который вообще положительно относится к более ранним грамматическим теориям. Хомский, однако, исходит не из структуры членов предложения (синтаксической в узком смысле слова), а из морфологической структуры. Основной исходной корреляцией для Хомского является пошеп — *verbush*, а не субъект — предикат. Делая подобный вывод, он учитывал, что с точки зрения так называемой глубинной семантики предложенная категория субъекта является изменчивой (например, в пассивных конструкциях объект становится субъектом, а субъект — объектом того же самого глагольного действия).

Дихотомический характер имеет и так называемое актуальное членение предложения, учитывающее порядок слов в предложении. Здесь решающей является оппозиция тема — рема (в соответствии с более старой терминологией: психологический субъект — психологический предикат). Благодаря исследованиям В. Матезиуса, выдающегося представителя пражской школы, теория актуального членения предложения стала составной частью современной лингвистической науки. В своей концепции Матезиус опирается на школьную грамматику Я. Гебауера под редакцией В. Эртля. Это красноречивое свидетельство того, что современное языкознание возникает не только путем отрицания традиционных теорий, но также и путем их углубления и адаптации.

Что же касается чешского языка, то непосредственным предшественником В. Матезиуса в области теории актуального членения был не сам Гебауер, а В. Эртль, сумевший не только дополнить, но и внести много нового в школьную грамматику Гебауера. Эртль первый установил, что в чешском языке членение на психологическое подлежащее и сказуемое (у него это различие сливается с различием между тем, что в семантике предложения является известным и что привносится как новое; Матезиус ввел терминологическую пару основа/исходный пункт и ядро высказывания) тесно связано с порядком слов. Упомянутая взаимозависимость наблюдается не только в чешском языке, однако именно здесь она проявляется особенно выразительно. Отношение Матезиуса к Эртлю хорошо характеризует следующее высказывание: «Эртль — тонкий и глубокий знаток чешского языка; несправедливо, что специалисты до сих пор не воздали должного его деятельности». Матезиус очень ценил осуществленное Эртлем исследование порядка слов в чешском языке («в деталях этот анализ является практически исчерпывающим»). Основную слабость работ Эртля Матезиус видит в недостаточном использовании принципа актуального членения, т. е. принципа ситуационной и контекстуальной обусловленности организации предложения.

Впрочем, и Матезиусу не удалось отразить всю специфику структуры чешского предложения; с этой точки зрения созданную им теорию вряд ли

можно признать ныне вполне удовлетворительной. Даже непосредственные последователи Матезиуса, в частности, Я. Фирбас, англист из университета в Брно, наиболее систематически занимающийся в настоящее время этой проблематикой, принимает теорию Матезиуса лишь с некоторыми модификациями и дополнениями. Следует заметить, что далеко не все опубликованные работы способствуют разработке более углубленной и содержательной концепции. В некоторых случаях Матезиуса следовало бы и защитить от его критиков. Так, например, дихотомия рема — тема (основа — ядро высказывания) и принцип «семантическая динамика» предложения (имеется в виду различная степень важности отдельных компонентов предложения) во многих отношениях представляются нам более удачными, чем формулировка Фирбаса. В этом случае качественный дихотомический принцип, собственно, комбинируется (если даже не подменяется) неопределенным количественным принципом, не опирающимся на четкие критерии оценки.

Выше мы уже упоминали о роли Гебауера как инициатора научных исследований определенной направленности. Как в области изучения истории языка, так и в области грамматического описания современного литературного чешского языка, Гебауер прежде всего систематизировал языковые факты; большее тяготение к теоретическим вопросам он обнаруживал лишь в начале своей научной деятельности. Для последующего поколения накопленный Гебауером языковой фонд оказался уже недостаточным. Именно поэтому относительно скоро возникла потребность в весьма радикальной переработке его школьной грамматики. Однако намеченная Гебауером теоретико-грамматическая направленность исследований продолжает оставаться актуальной и в современной чешской лингвистике.

К. И. ХОДОВА

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Синтезированный характер грамматических формантов славянского имени существительного диктует необходимость четко расчленив выражаемые ими различия и установить взаимосвязь между разными типами различий.

«Когда какому-либо различию в плане выражения соответствует какое-либо различие в плане содержания, — перед нами различие инвариантов...» — отметил А. Мартине¹. При установлении грамматических оппозиций это утверждение требует, однако, существенных уточнений. Прежде всего, констатировать наличие грамматической оппозиции можно лишь с тем условием, если грамматически выраженное значащее различие (различие «плана содержания»), предполагающее разложимость составляемых единиц на частью общие, частью различные элементы, обычно называемые дифференциальными признаками, наблюдается в одной и той же синтаксической функции². Далее, кроме требования синтаксической изофункциональности для этого необходимо соблюдение еще одного неперемного условия: тождественности «лексической обстановки» для коррелирующихся единиц содержания (или, пользуясь уже возникшим выражением, «лексической базы» оппозиции). На выполнении этого последнего условия настаивает в последнее время, например, Д. С. Станишева, предлагая собственное понимание процедуры установления одного из видов грамматических оппозиций. Она пишет по этому поводу: «Одним из этапов установления оппозиции синтаксических единиц является... определение «лексической базы» оппозиции. Лексическую базу оппозиции падежей (или предложно-падежных конструкций) следует определить как лексикальные условия, одинаковые для обоих членов оппозиции, в которых смысловозначительная функция выражается только различием падежных форм (или предложно-падежных конструкций)»³. О важной роли идентичности лексикальных элементов при осуществлении грамматических оппозиций говорится и в другой работе, написанной при участии того же автора⁴. Не останавливаясь сейчас на

¹ А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельмслева. В сб. «Новое в лингвистике», I. М., 1960, стр. 449.

² К. И. Ходова. Структура отношений, выражаемых формами склонения имени существительного в старославянском языке. «Славянское языкознание. VII Международной съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 401.

³ Д. Станишева. О процедуре определения падежных оппозиций. «Славистичен сборник». София, 1973, стр. 27.

⁴ Д. Станишева, А. Минчева, Е. Дограмаджиева. Роль лексикальных элементов в организации частных синтаксических систем. «Славянска филология. Том XII, Езикознание». София, 1973, стр. 111 и сл.

том, как конкретно понимается и применяется изложенное условие в названных работах, заметим только, что нет никаких оснований сомневаться в его истинности и плодотворности.

Обращаясь теперь уже к нашим собственным задачам, рассмотрим несколько примеров формальных различий (различий плана выражения) имени существительного единственного числа в одной и той же функции прямого объекта и выясним, которые из них соответствуют различиям в сфере значения и которые не соответствуют. В каждой из первых трех пар совпадает по лексическим данным управляющий глагол, но имена существительные различаются; в четвертой паре совпадают и глагольная, и субстантивная лексика.

- I кззѣмѣ добръ пладъ — кззѣмѣ добръ каменя.
 II кззѣмѣ добръ жглы — кззѣмѣ добръ трѣста.
 III кззѣмѣ добръ конь — кззѣмѣ добра мжжа.
 IV кззѣмѣ добръ пладъ — кззѣмѣ добри пладн.

В парах I, II, III различное грамматическое оформление имени существительного (или определяющего его прилагательного) не создает грамматических различий плана содержания — грамматических противопоставлений. В паре I сопоставлены лексически различные существительные одного и того же рода (как, между прочим, на это указывает имя прилагательное-определение), принадлежащие, однако, к разным типам склонения; именно это последнее обстоятельство и создает формальное различие. В паре II сопоставляются лексически различные существительные одного и того же типа склонения, принадлежащие, как показывает различие в формах прилагательного-определения, к разным грамматическим родам. Имена существительные третьей пары — одного и того же рода, но принадлежат к различным разрядам лексики: первое — к разряду неличных имен, второе — к разряду личных имен; как раз эти различия и выражает разница окончаний [сопоставляемых существительных и прилагательных-определений. И только в четвертой паре примеров, лексическое «наполнение» которых одинаково, различие окончаний существительного и прилагательного является показателем грамматической оппозиции, то есть совпадает с грамматическим различием плана содержания.

В парах I, II, III формальные различия соответствуют различиям лексико-грамматических разрядов существительных каждой пары (сам этот термин указывает на то, что речь идет о лексических различиях, выражаемых средствами грамматики). В паре IV формальные различия передают грамматическое противопоставление (опозицию): они отражают грамматическую категорию числа.

Результаты рассмотрения приведенных примеров позволяют согласиться с мыслью А. В. Бондарко: «...принципиальное различие между морфологическими (т. е. грамматическими. — К. Х.) категориями и оппозициями лексико-грамматических разрядов... всегда сохраняет свою силу, качественные грани между теми и другими достаточно отчетливы...»⁵.

§ 2. Вопрос, который мы решаем в настоящей работе, заключается в следующем. Существует ли какое-либо взаимодействие между грамматическими оппозициями и формальными различиями, разграничивающими разного рода лексико-грамматические разряды? В чем заключается это взаимодействие? Какова сущность взаимосвязи между теми и другими разли-

⁵ А. В. Бондарко. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды). В сб. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», стр. 60.

чиями, как они пересекаются в структуре языка? Насущную необходимость разрешения этой задачи подчеркнул совсем недавно А. В. Бондарко: «... по мере выяснения различий между определенными морфологическими категориями (их компонентами) и лексико-грамматическими разрядами все более актуальной становится задача изучения связей и взаимодействия между ними»⁶.

Наиболее приемлемым для разрешения поставленного вопроса является тот участок языка, в котором пересекаются лексико-грамматические разряды и грамматические категории и м е н и с у щ е с т в и т е л ь н о г о (выше мы рассматривали примеры как раз из этой области). Из этих последних удобней всего привлечь к рассмотрению грамматическую категорию числа, так как противопоставление по числу имеет весьма обширную «лексическую базу». Действительно, основным признаком, по которому в славянских языках противопоставлены грамматические единицы числа, является весьма широкое свойство предметности, расчлененности. Исходя из этого в противопоставлении по числу не участвуют существительные собирательные, характеризующиеся нечленимостью соответствующего понятия, невозможностью «зафиксировать... денотат, имеющий резко очерченные пространственные координаты»⁷ (типа *чай, сахар, олово, народ, студенчество*), абстрактные (*бытие, красота*). Кроме того, из противопоставления по грамматическому числу выпадают также имена собственные⁸. Все же остальные семантические группы имен существительных в этом противопоставлении участвуют, поскольку они обозначают предметы; как считает И. И. Ревзин: «...предметность проявляется в первую очередь через противопоставление по грамматическому числу»⁹. В противопоставлении по числу допустимо участие существительных весьма разнообразных лексико-грамматических разрядов, так что взаимодействие этих разрядов с категорией числа проявляется весьма наглядно. Кроме того, противопоставление по числу возможно в различных синтаксических функциях, что дает исследователю еще большую свободу для установления исследуемых соотношений. Мы рассмотрим эти соотношения в пределах двух синтаксических функций: функции субъекта и функции объекта.

§ 3. В каждом падеже и числе имена существительные имеют несколько различных типов окончаний, и эта разница определяется характером их древнейших основ: «в склонении любого славянского языка представлены многочисленные элементы, которые могут быть интерпретированы лишь с учетом древней индоевропейской именной классификации»¹⁰. Известно, что в старославянском языке наблюдаются лишь результаты глубоких изменений древней именной классификации по типам основ. В. П. Беседина-Невзорова пишет об этом: «В результате общей тенденции к четкому разграничению основы слова и окончания, действующей в истории развития морфологического строя славянских языков, произошел процесс перерасположения именных основ. В формах склонения он нашел свое выражение в том, что конечные гласные основы слова вошли в состав флексии. Поэтому в старославянском языке основа во всех падежных формах обычно заканчивалась на согласный, а флексия начиналась гласным звуком. О том, что в старославянском языке действительно произошел процесс перерасло-

⁶ Там же.

⁷ И. И. Р е в з и н. Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного). «Советское славяноведение», 1969, № 3, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Там же, стр. 75.

¹⁰ С. В. Б е р н ш т е й н. К проблеме именных основ в праславянском. «Зборник за филологију и лингвистику», XII. Нови Сад, 1969, стр. 17.

жения основы слова, свидетельствует употребление падежных окончаний в новых заимствованных словах с тематическим элементом древних именных основ в составе флексии. Ср. *Петр-оки, архидере-оки, фарисѣ-тема*¹¹. Различие в окончаниях, идущее от древних типов основ, не передает в старославянском внутренних, содержательных различий, если не принимать в расчет значение лица, выражаемое более поздними по времени обособлениями, нестойкими группировками существительных, например, в именительном множественного (*попѣке, доухѣке*) и дательном множественного (*мѣжжекн, нѣски*), о чем см. ниже (стр. 86.) Имена прилагательные-определения с именными классами не согласуются. В каждом падеже и числе отмечается собственная группировка окончаний: например, в им. п. ед. ч. существительные типа *плодѣ* можно объединить по характеру окончания со словами типа *сынѣ*, но в им. п. мн. ч. их окончания различны; существительные типа *пѣтъ* и *костѣ* объединяются по внешнему сходству их форм, например, в им. п. ед. ч., но различаются в тв. п. ед. ч.

Перечислим и снабдим постоянными цифровыми индексами имена существительные старославянского языка, принадлежащие к разным парадигмам падежного словоизменения — типам склонения (отражающим, в уже почти неузнаваемом виде, древнюю классификацию по типам основ). Далее, из каждого типа склонения привлечем по несколько существительных-типов, учитывая такие факторы, как твердость — мягкость согласного, предшествующего гласному окончанию, наличие — отсутствие в основе ярко выраженного суффикса, влияющего на несмешанный — смешанный тип склонения, наличие — отсутствие в памятниках данных о формах отдельных падежей, разницу (в пределах одного и того же типа склонения) в форме хотя бы одного из привлекаемых к рассмотрению падежей (например, разницу в форме вин. п. для существительных м. р. *плодѣ* и *коинѣ*, разницу в форме им. п. для существительных ж. р. *землѣ*, *змиѣ*, *рабѣи*, *лѣди*; для существительных м. р. *камы* и *дѣнѣ*).

Словоизменительная парадигма, к которой принадлежит существительное *плодѣ*, наделяется индексом 1, *коинѣ* — 2, *ножѣ* — 3, *отаца* — 4, *краи* — 5, *село* — 6, *полѣ* — 7, *жена* — 8, *землѣ* — 9, *змиѣ* — 10, *рабѣи* — 11, *лѣди* — 12, *сынѣ* — 13, *пѣтъ* — 14, *костѣ* — 15, *камы* — 16, *дѣнѣ* — 17, *самарѣанинѣ* — 18, *сѣкѣдѣтеѣ* — 19, *мытарѣ* — 20, *тѣло* — 21, *има* — 22, *дѣна* — 23, *мати* — 24, *црѣкы* — 25, *слоугѣ* — 26.

Сгруппируем теперь эти существительные-типы по признаку чисто внешнего тождества грамматических формантов в синтаксической функции субъекта, соответственно — в им. п.

В ед. ч. формально тождественные группы имеют следующий вид:

1. плодѣ
2. коинѣ
13. сынѣ

3. ножѣ
4. отаца

5. краи

6. село
21. тѣло

7. полѣ

8. жена
26. слоугѣ

9. землѣ

10. змиѣ

¹¹ В. П. Б е с е д и н а - Н е в з о р о в а. Старославянский язык. Харьков, 1962, стр. 112.

11. рабыни

12. ладни

14. пжты
17. дьны
15. кьсты
16б. камьны16а. камы
25. цракы

18. самаранинз

19. ськьдѣтєль

20. мытарѣ

22. имя
23а. агна

24. мати

Разбиение форм существительных на группы по признаку внешнего сходства дает здесь 17 типовых группировок (с одной, двумя, тремя или четырьмя формами в группе).

Во мн. ч. те же существительные образуют другие группировки по формальному сходству:

1. пьды
2. кьны
15. кьсты
14б. пжты
17в. дьны3. нжы
4. отьци

5. краи

6. сєд

9. земьля

10. змиь
12. лдьны

11. рабыньа

13а. сьноке

13б. сьноки

14а. пжтє
17а. дьнє
16. камєнє

24. матерє

25. цракьви

21. тѣлє

22. именє

23. агнатє

19а. ськьдѣтєлє

19б. ськьдѣтєлє

20а. мытарє

20б. мытарє

17б. дьнє

18. самаранє

Здесь 23 формы-типа. Три формы мн. ч. от существительного 17 дьны, обозначенные буквами а, б и в, позволили отнести его к трем разным груп-

пам. Ср. также 19а. *сѣвѣдѣтеле* Супр. 321,3 и 19б. *сѣвѣдѣтел* Син. пс. XXIV, 12; 13а. *сыноке* и 13б. *сыноки*; 14а. *пѣти* 14б. *пѣти*; 20а. *мытарѣ* и 20б. *мытари* (Марк II, 15 Ассем.)¹².

В двойственном числе — новые перегруппировки:

1. <i>плада</i> 2. <i>коина</i>	3. <i>ножа</i> 4. <i>отца</i>	5. <i>крага</i>	6. <i>селѣ</i> 8. <i>женѣ</i> 26. <i>слоузѣ</i>
7. <i>поли</i> 9. <i>земли</i>	10. <i>зми</i> 12. <i>лдини</i>	11. <i>равьини</i>	13. <i>сыны</i>
14. <i>пѣти</i> 15. <i>кости</i> 17. <i>дани</i>			
19. <i>сѣвѣдѣтеле</i>	21а. <i>чѣлестѣ</i>	21б. <i>чѣлеси</i>	22. <i>именѣ</i>
23. <i>агнатѣ</i>			

Здесь 14 форм-типов. В группы не включены имена существительные типов: 16. *камы*, 17. *дана*, 18. *самаранинѣ*, 20. *мытарѣ*, 24. *маги*, 25. *црѣкы*, от которых не зафиксирован им. п. дв. ч. От существительного 19. *сѣвѣдѣтеле* форму им. п. дв. ч. см. в Супр., 445, 29: да обоемоу вѣдетѣ сѣвѣдѣтеле.

В результате произведенного разбиения «подопытных» существительных на основании формального тождества в им. п. получаем для ед. ч. следующие типы формантов (включающие окончание или окончание и суффикс, если последний более-менее ясно ощутим):

-з (для 1, 2, 13), -'а (для 3, 4), -ди (для 5), -о (для 6, 21), -'е (для 7), -а (для 8, 26), -'а (для 9), -иѣ (для 10), -ѣи (для 11), -и (для 12), -а (для 14, 15, 17, 16б), -ы (для 16а, 25), -анинѣ или -'анинѣ (для 18), -теѣа (для 19) -аѣа (для 20), -а (для 22, 23), -и (для 24)¹³.

Для множественного числа:

-и (для 1, 2, 15, 14б, 17в), -'и (для 3, 4), -ди (для 5), -а (для 6), -'а (для 7), -ы (для 8, 26), -'а (для 9), -иѣ (для 10, 12), -'на (для 11), -оке (для 13а), -не (для 14а, 17а, 16), -ери (для 24), -зѣи (для 25), -еса (для 21),

¹² Единичные или очень редкие отклонения в формах, вызванные влиянием одного типа склонения на другой (как, например, *сыни* Ио. XII, 36 Зогр., *мытарѣ* Мат. V, 46, 47 Остр.), не учитываются.

¹³ Если пренебречь наличием суффиксального элемента, то предложенное максимально дробное разбиение можно было бы свести к меньшему количеству групп. Тогда существительные типа 18 (на -анинѣ/-'анинѣ) можно было бы отнести в группу, объединяющую 1, 2, 13; существительные типов 19 и 20 (на -теѣа и -аѣа) — в группу, включающую 3, 4.

-ена (для 22), -ага (для 23), -геле (для 19а.), -гели (для 19б.), -аѣ (для 20а), -е (для 17.б), -ане, 'ане (для 18), -аѣи (для 20 б) ¹⁴.

Для двойственного числа:

-а (для 1, 2), -'а (для 3, 4), -а (для 5), -ѣ (для 6, 8, 26), -и (для 7, 9), -ии (для 10, 12), -ѣи (для 11), -ы (для 13), -и (для 14, 15, 17), -гелѣа (для 19), -елѣ (для 21а), -елѣ (для 22), -ага (для 23), -еси (для 21б) ¹⁵.

По группировкам цифровых индексов очень ясно видно, что слова одного и того же типа (или подтипа) входят в разные объединения в ед., мн. и дв. числе. Например, тип 6 объединяется в ед. ч. с 21, во мн. ч. пребывает в одиночестве, а в дв. ч. объединяется с 8 и 26, и т. п.

Получена серия формальных вариантов грамматических единиц ед., мн. и дв. чисел для синтаксической функции субъекта (именительного падежа).

Принадлежность существительных к разным группировкам определяется звуковыми приметами основ. Поэтому можно считать, что варианты каждой из трех грамматических единиц числа находятся в отношении дополнительного распределения, которое состоит в том, что каждый из алловариантов встречается в таких сочетаниях, в которых не встречаются остальные алловарианты. Таким же образом трактовал аналогичные случаи и С. Карцевский: «... одна и та же значимость внутри различных рядов может быть представлена различными знаками; ср. имя существительное множественного числа — *стола, паруса, крестьяне* и т. д.» ¹⁶.

В. Скаличка с полным правом писал, что части омосемической группы (т. е. группы, имеющей общую смысловую основу) «подобны фонологическим вариантам, взаимно дополняющим друг друга. Взаимоисключаемость делает возможным их смысловую идентичность при формальном различии» ¹⁷.

Однако в то же время изредка наблюдаются и случаи свободного, т. е. независимого от сочетаемости, варьирования означающих (окончаний им. п.) относительно означаемых (грамматических единиц числа). Таковы формы *данине, дани, дане, съвѣдѣтеле* и *съвѣдѣтели* в им. п. мн. ч.; А. М. Пешковский назвал бы их «морфологическими синонимами» ¹⁸. Колебания подобного рода в конечном итоге способны привести к сокращению числа алловариантов той или иной единицы грамматического значения; такие колебания были одним из важных моментов преобразования типов именного склонения в славянских языках.

Теперь мы можем определить характер взаимодействия таких лексикограмматических разрядов, как типы склонения имен существительных с грамматической категорией числа. Эти лексикограмматические разряды — с их особыми морфологическими показателями, — вступая в новые группировки, становятся средством выражения названной грамматической категории, ее формальными вариантами.

§ 4. Обратимся теперь к другому кругу лексикограмматических разрядов имен существительных — делению слов этого класса по граммати-

¹⁴ Если поместить в пределы одной и той же группы типы 6, 21, 22, 23, а также 17б, 18, 19а, 20а, то количество групп уменьшится.

¹⁵ Если поместить в пределы одной и той же группы типы 3, 4, 19, а также 7, 9, 11, а также 6, 8, 26, 21а, 22, 23, то количество групп уменьшится.

¹⁶ С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В кн. «История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях», ч. II. (Сост. В. А. Звегинцев). М., 1965, стр. 87.

¹⁷ В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц. В сб. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 121.

¹⁸ Так он определяет, например, соотношение форм *аптекари* и *аптекаря*. См. А. М. Пешковский. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. В сб. «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики», М., 1930, стр. 153.

ческому роду. Грамматический род, сохраняющийся во многих языках в течение тысячелетий, необъясним со стороны своей предметно-смысловой основы, так как семантически он обусловлен только в отношении небольшой группы имен (обозначения людей и животных). Как писал В. Матезиус, «... различия..., связанные с грамматическим родом, не имеют вообще ономотологического значения (dvŭr „двор“, zahrada „сад“, pole „поле“)¹⁹. Л. Блумфилд также констатирует: «Нет, по-видимому, никакого реального критерия, с помощью которого можно было бы определить род существительных в немецком, французском или латинском языках...»²⁰.

Высказывалось соображение о морфологическом выделении грамматического рода на основании окончаний имен существительных²¹. Между тем при простом разбиении имен существительных на родовые классы на основании морфологических показателей обнаруживаются случаи омонимии окончаний даже в пределах одного и того же падежа и числа (ср. пѣтъ — когѣ; здесь существительные одного и того же типа склонения принадлежат к разным родовым классам), поэтому сущность явления «грамматический род» не может быть определена только на основе самих имен существительных и их морфологических свойств.

Однозначно грамматический род имени существительного определяют «зависимые» компоненты атрибутивных словосочетаний. Следовательно, одно из отличий данных лексико-грамматических разрядов от разобранных выше состоит в способе выражения. В то время как различия разрядов, отражающих в измененном и перегруппированном виде древние типы склонения, выражены в пределах слова, обозначение родовых разрядов локализуется за пределами слова; родовой формант находится по существу в не слова, к которому он относится. Парадигма, например, прилагательного построена таким образом, что в ней предусмотрены места для грамматических форм, соотношенных не только с падежом и числом имени существительного, но и с родовыми разрядами последнего. Мужской род прилагательных означает только то, что признак, выраженный этим прилагательным, принадлежит предмету, который назван существительным мужского рода. «Родовые классы (gender-classes) — это условные классы, каждый из которых требует от определенных видов сопровождающих слов различных конгруэнтных форм», — пишет Л. Блумфилд²². Существенно отметить явление так называемой «независимости эпитета», состоящее в том, что родовые показатели прилагательных часто материально не совпадают с окончаниями существительных, с которыми они согласованы. Например, в двух атрибутивных словосочетаниях при совпадении окончаний существительных могут быть разные окончания прилагательных. Ср. *добрый слуга*, но *добрая жена* и другие подобные примеры, которые говорят о том, что имена существительные одного и того же типа склонения часто распределя-

¹⁹ В. Матезиус. О системном грамматическом анализе. В сб. «Пражский лингвистический кружок», стр. 235.

²⁰ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 310.

²¹ Так, А. М. Пешковский при определении рода в современном русском языке руководствовался следующими данными: «1) что существительные с основой на твердый согласный и с нулевым окончанием в имен. пад. ед. ч. (типа *стола*) образуют во всех падежах ед. ч. категорию мужского рода; 2) что существительные с окончанием *-а* (*-я*) в имен. пад. ед. ч. и с теми безударными окончаниями, которые им параллельны (*вода, рана*), образуют во всех падежах ед. ч. категорию женского рода; 3) что существительные с окончанием *-о* (*-е*) в имен. пад. ед. ч. и с теми безударными окончаниями, которые им параллельны (*село, поле*), образуют во всех падежах категорию среднего рода...». См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6. М., 1938, стр. 111.

²² Л. Блумфилд. Там же, стр. 204—205. ▮

ются по разным родовым разрядам только на основании разных форм прилагательных²³.

Так создаются две серии формальных вариантов грамматических единиц: серия вариантов, определяемых перегруппировками «типов склонения», и серия вариантов, определяемых «грамматическим родом».

Необходимо, конечно, помнить о различиях в функционировании формантов эволюционировавших «типов склонения» существительных и формантов рода прилагательных относительно основ самих этих классов слов. Каждый из формантов «типов склонения» существительных действителен обычно только для некоторого состава именных основ и не действителен для других основ; иначе говоря, разные форманты избирают, в большинстве случаев, разные типы именных основ. В отличие от этого, каждый из трех родовых формантов прилагательных действителен для каждой основы прилагательного (если не принимать в расчет неизменяемые прилагательные), что позволяет констатировать изменение прилагательных по родам, наличие у них родовой парадигмы, форм словоизменения. Однако для задач настоящей работы важно не отношение форманта прилагательного к его собственной основе, а отношение этого форманта к существительному, которое определяется прилагательным: именно то, что прилагательные-определения делят существительные на три родовых класса, т. е. осуществляется опять-таки деление существительных на группы (правда, уже новые и более крупные).

Варианты, определяемые грамматическим родом, перекрывают и частично разрывают группы вариантов, определяемые перегруппированными типами склонения, подчиняют их себе, образуя в пределах каждого грамматического числа по три новых крупных группы. Окончания существительных при этом как бы отступают на второй план перед окончаниями прилагательных.

Обозначим квадратными скобками группы вариантов, выделенные по признаку грамматического рода. Вынесем за скобки показатель грамматического рода, заключенный в форме прилагательного, как в равной мере характерный для всех тех существительных, окончания которых помещены в скобки.

Для им. п. соотношение первой и второй серий вариантов в пределах трех разбираемых грамматических единиц числа можно выразить следующим образом:

Единственное число

В окончании согласованного прилагательного -х или -'а (нокъ, синъ) (м. р.) [-х для 1, 2, 13; -'а для 3, 4; -аи для 5; -а для 14, 16б, 17; -аи для 16а, -анинъ, -'анинъ для 18; -теъа для 19, -аъа для 20, -а для 26].

В окончании согласованного прилагательного -а или -'а (ноба, синъа) (ж. р.) [-а для 8, -'а для 9; -иа для 10; -аи для 11; -ии для 12; -а для 15; -и для 24; -аи для 25].

В окончании согласованного прилагательного -о или -'е (нокс, синъе) (ср. р.) [-о для 6, 21; -'е для 7; -а для 22, 23].

Множественное число

В окончании согласованного прилагательного -и, -'и (ноки, сини) (м. р.) [-и для 1, 2, 14б, 17в; -'и для 3, 4; -аи для 5; -оке для 13а; -ине для 14а,

²³ L. N j e l m s l e v. Sur l'indépendance de l'épithète. Kjøbenhavn. 1956. s. 12—13.

16, 17а; -ане, -'ане для 18; -теѣ для 19а; -теѣи для 19б; -аѣе для 20а; -оки для 13б; -аѣи для 20б; -е для 17б; -ы для 26].

В окончании согласованного прилагательного -ы, -ѣ (нска, синѣ) (ж. р.) [-ы для 8; -'а для 9; -иа для 10, 12; -ѣа для 11; -и для 15; -ери для 24; -ѣи для 25].

В окончании согласованного прилагательного -а, -'а (нска, синѣ) (ср. р.) [-а для 6; -'а для 7; -еса для 21; -ена для 22; -ата для 23].

Двойственное число

В окончании согласованного прилагательного -а, -'а (нска, синѣ) (м. р.) [-а для 1, 2; -'а для 3, 4; -аа для 5; -ы для 13; -и для 14, 17, -ѣ для 26, -теѣа для 19].

В окончаниях согласованного прилагательного -ѣ, -'и (нскаѣ, синѣи) (ж. р.) [-ѣ для 8; -'и для 9; -ии для 10, 12; -ѣи для 11; -и для 15].

В окончании согласованного прилагательного -ѣ, -'и (нскаѣ, синѣи) (ср. р.) [-ѣ для 6, -'и для 7, -есаѣ для 21а, -енѣ для 22, -атаѣ для 23, -еси для 21б].

Как видно из этих фактов, согласование существительных с краткими прилагательными далеко не всегда проявляется в тождестве окончаний тех и других.

Принцип дополнительного распределения, действие которого мы зафиксировали для низшего уровня варьирования, с известными ограничениями приложим и к вариантам более высокого уровня — уровня грамматического рода. Правда, если принадлежность к перегруппированным типам склонения определяется звуковыми приметами основ существительных, то принадлежность к роду — окончаниями имен существительных. А. М. Пешковский, определяя род по окончаниям имен существительных (см. сноску 21), видел в них, по сути дела, группы алло-вариантов родовых классов. Однако этот принцип уязвим в данном случае как раз потому, что его нарушают многочисленные примеры свободного варьирования, выражающиеся в принадлежности существительных с одинаковыми окончаниями к разным родовым классам.

Мы пришли к тому, что лексико-грамматические разряды имени существительного характеризуются особыми грамматическими формантами (либо самих существительных, либо согласованных с ними определений), которые образуют две входящие одна в другую серии формальных вариантов грамматических единиц категории числа.

Количество и состав типов формальных вариантов в каждой грамматической единице категории числа различны.

В им. п. выявляются такие лексико-грамматические разряды, как «тип склонения» и грамматический род. Деление существительных на эти разряды не подразумевает смысловых различий, если не считать того, что в части существительных различие в грамматическом роде совпадает с различием по естественному полу и, следовательно, формальное варьирование подкреплено в этом небольшом участке лексики смысловыми различиями; ср. также намечающуюся на уровне «типа склонения» группу существительных со значением лица, о которой см. ниже.

§ 5. В синтаксической функции прямого объекта, в единственном числе, в пределах грамматического разряда «мужской род» наблюдается еще одно разделение на лексико-грамматические разряды, выражаемое и в форме согласованного определения-прилагательного, и в форме самого существительного (последнее, все-таки, бывает не всегда). Для внешнего различения двух разрядов используются форманты, заимствованные из сферы выражения синтаксических отношений, а именно — падежные. Одни существительные этой разновидности, «неличные», сохраняют здесь око чания з,

-’а (тождественные их окончаниям в именительном), другие же, «личные», принимают окончания -а или -’а (тождественные их окончаниям в род. п.). Согласованные определения «неличных» и «личных» существительных принимают соответственно окончания, совпадающие или с им., или с род. п. Ср.: казѣтъ одрѣ свои Ио. V, 9, но приѣтъ отрока своего Лк. I, 54²⁴.

Доминирование значимости адъективного окончания над значимостью субстантивного окончания при разграничении «неличности» и «личности» ясно обнаруживается в случаях несовпадения того и другого окончаний в возможных примерах типа добра слоугъ (ср. в Супр.: призвакъ слоугъ своего 120, 4). Существительное слоуга относится к разряду личных только на основании формы его определения.

Что касается формы самих существительных, то окончания -а, -’а принимают, прежде всего, имена собственные (кроме Келѣзѣтокъ в евангелии). Как свидетельствуют данные древнейших евангелий, к именам собственным в этом отношении примыкали также некоторые нарицательные существительные мужского рода, обозначающие лиц: отѣца, пророкъ, цѣсарѣ, иконома, мытарѣ, отрокъ, параклитъ, подругъ, разбойникъ, слѣпца, сѣганикъ, сказана, конѣ, женихъ. Преимущественно с окончаниями -а, -’а засвидетельствованы существительные богъ, члокѣкъ, братъ (братъ), господинъ, мжжѣ, пастырѣ, сынъ²⁵, рабъ. Наоборот, от имен существительных анѣлъ, вѣсъ, доухъ чаще сохраняется форма, совпадающая с формой им., а не род. п. Имена существительные длѣжаникъ, младѣнца, приставаникъ, прѣвѣнца не принимают окончания род. п. В евангелии из названий животных мужского рода только клѣкъ имеет один раз в окончании -а: кидитъ клѣка Ио. X, 12, Мар., Зогр., Савв., но клѣкъ Ассем., Остр.²⁶ В Супр. находим форму на -а от слова коѣа: имъ за оудж коѣѣ юго 192, 27; в Син. пс. — от лѣкъ и змиѣ: попереши лѣка і змѣѣ 121, 26—27 (последние два примера из Син. пс. А. Вайан объясняет персонафикацией). Как редкое и позднее явление встречается родительный-винительный на -и, например: ѣко прѣданника разбойника тати толикоу доброу слѣподови Супр. 409, 21; ср. также господи в функции винительного (от господь): ѣ господи бога благословиша Супр. 356, 15. Эти факты позволяют констатировать в пределах разряда существительных мужского рода начало оформления двух лексико-грамматических разрядов со смысловыми центрами в виде значений «не лица» и «лица»²⁷.

²⁴ Винительный падеж согласованного определения при «личных» существительных встречается чрезвычайно редко. Ср., например, в Ассем., Мат. IX, 9: видѣ чѣка. сѣдѣши на мытници, но в Мар., Зогр. сѣдѣши.

²⁵ Существительное сынъ принимает форму сына вместо ожидающейся формы сыноу.

²⁶ Исследование этого вопроса на материале старославянских евангелий со статистикой употребления той и другой форм см. Cz. B a r t u l a. Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, s. 72—73. Там же приводится и библиография вопроса. В более общем плане вопрос исследован в статье: В. Г е о р г и е в. Причините за възникването на родително-винителен падеж в славянските езици. «Славистичен сборник», София, 1973, стр. 9—18 (также с библиографией). В литературе уже делалась попытка объяснить формальные различия в сфере прямого объекта на основе социальной неполноправности/полноправности лиц, обозначаемых существительными. Несостоятельность такого объяснения показана на материале древнерусского языка в работе: Е. И. К е д а й т е н е. Из наблюдений над категорией лица в памятниках русского языка старшей поры. «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 124—128. Автор этой работы делает, в частности, вывод о неправомерности точки зрения, согласно которой родительно-винительный появляется прежде всего у существительных, обозначающих социально полноправных лиц.

²⁷ Колебания проявляются, в частности, в том, что форма родительного для функции винительного образуется иногда от имен существительных неодушевленных. Ср. приовѣсти вѣсего мѣра Марк VIII, 36 Ассем., но весь миръ Мар., Зогр., Савв.

Местоимения вопросительные и указательные мужского рода также принимают здесь форму, совпадающую с формой родительного, если речь идет о лице. В особых условиях эта форма развивается и у личных местоимений²⁸.

В поздних старославянских памятниках существительные женского рода типа *мати* принимают иногда форму *род.* в функции *вин. п.* при вхождении их в один ряд с существительными *м. р.*, обозначающими лиц. Ср. в Остр.: *иже любитѣ оца или матере паче мене...* и *иже любитѣ сына.* или *дзшгере паче мене* *Мат. X, 37* (но в *Мар.*: *отца ли матеря...* *сына ли дзшгера*). Ср. также пример из *Супр.*: *тоу во обратѣши дзеданара. ѿ него матере пурониж* 235, 30. Однако прилагательное при этом форму *род. п.* не принимает, а сохраняет форму *вин. п.*: *кто кидитѣ матере чадомьнѣж* *Супр.* 384, 19. Имена существительные *ж. р.* типа *скекры* также принимают иногда форму *род.* в функции *вин. п.*: *неплодѣж Син. пс.* 149, 11. (Но ср. также форму на *-ѣж* у имен существительных *ж. р.* *неличных*: *ѣко цркѣ...* *стѣжж* *Клоц. 2в 1* и др., *любѣж Ио. XIII, 35* *Савв., смокѣж Супр.* 300, 14). Прилагательное сохраняет форму *винительного*: на *скекръж* *скож* *Мат. X. 35* и *Лк. XII, 53* *Зогр.* (в *Мар.* — на *скекрока* *скож*). Это обстоятельство и не позволяет делить в пределах разряда «женский род» имена существительные на личные и *неличные* по формальным основаниям.

Отношение этого последнего деления на лексико-грамматические разряды к предшествующим двум в *вин. п.* может быть выражено следующим образом.

Лексико-грамматический разряд «мужской род» не имеет в *вин. п.* единого собственного грамматического форманта, а выделяется условно, с ориентацией на функцию субъекта — *именительный падеж*, где его выделение в особый разряд поддержано формой согласуемого прилагательного. Внутри этого условно намеченного разряда уже по чисто грамматическим соображениям, т. е. с полным правом, выделяются также два разряда: разряд «личных существительных» и разряд «неличных существительных» (ниже эти два разряда заключены в фигурные скобки). Каждый из этих последних характеризуется собственным грамматическим формантом — окончанием согласованного прилагательного. Внутри разрядов *личных* и *неличных* существительных имеет место уже известное по нашему описанию варьирование формантов, обусловленное различием перегруппированных «типов склонения».

Единственное число

(Мужской род) [В окончании согласованного прилагательного — *-а* или *-’а* (*нока, сына*) (разряд *личных* существительных) {*-а* для 2, 13а.; *-’а* для 4; *-ж* для 2б}. В окончании согласованного прилагательного *-ѣ* или *-’ѣ* (*нокѣ, сынѣ*) (разряд *неличных* существительных) {*-ѣ* для 1, 13б.; *-’ѣ* для 3; *-анѣ* для 5; *-ѣ* для 14, 17; *-енѣ* для 16; *-анинѣ/’анинѣ* для 18; *-теѣѣ* для 19; *-ѣѣ* для 20}].

В пределах *ж.* и *ср.* родов деление на разряды «личных» и «неличных» существительных отсутствует. Формальное варьирование внутри этих разрядов имеет следующий вид: в окончании согласованного прилагательного *ж* или *’ж* (*нокж, сынж*) (*ж. р.*) [*-ж* для 8; *-’ж* для 9; *иж-*

и другие подобные примеры, которые, возможно, обязаны своим появлением персонификации названий неодушевленных предметов и отвлеченных понятий. См. об этом: А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 206. Примеры приведены также в кн. К. И. Х о д о в а. Система падежей старославянского языка. М., 1963, стр. 65.

²⁸ А. В а й а н. Там же, стр. 207—208.

для 10, 12; -*нж* для 11; -*а* для 15; -*єр*а для 24а; -*єр*є для 24б; -*зъ*а для 25а; -*зъ*є для 25б].

В окончании согласованного прилагательного -*с*, -*'е* (нско, сн'є) (ср. р.) [-*о* для 6, 21; -*'е* для 7; -*а* для 22, 23].

Во мн. ч. формального разграничения «неличных» и «личных» существительных не наблюдается, за исключением отдельных случаев (так, А. Вайан приводит пример род.-вин. п. мн. ч. в приложении: иже можетъ нагъ извакити рѣвъ сконхъ Супр. 50, 17²⁹). Поэтому варианты грамматической единицы мн. ч. в функции вин. п. к рассмотрению не привлекаем. Правда, во мн. ч. появляется род.-вин. п. местоимений, а также субстантивированных прилагательных.

В дв. ч. отмечены отдельные случаи род.-вин. п. местоимений³⁰. У имен существительных формальные варианты дв. ч. в функции вин. п. совпадают с формальными вариантами дв. ч. в функции им. п.

В один ряд с явлением род.-вин. п. некоторые авторы ставят появление форм на -ски, -ски в дат. п. ед. ч. у имен существительных личных и, особенно, собственных, как, например: что виша сътксриши иски Лк. VI, 11; посланиъ выстъ... къ дѣктъ сържчентъ мѣжеки Лк. I, 27 Мар., Зогр. (мѣжю — Ассем). А. Вайан считает, что эти формы являются «характерным признаком личного подрода, как родительно-винительный падеж»³¹. Однако очевидно, что в данном случае наблюдается изменение не в падеже, а в «типе склонения», поэтому согласованное определение, естественно, сохраняет свою форму дательного: прѣхъташе бо дсухъски нечитсусумоу изити стъ чка Лк. VIII, 29 Мар., Зогр., Ассем.; рече [члв'къси имѣшжмсу соухъ рѣжж Лк. VI, 8 Мар. (ч'ккоу — Остр.). На том же основании не выделяем личный подрод в им. п. мн. ч., несмотря на спорадически встречающиеся формы типа псиске Син. евх. 49, 11; дсухъске Супр. 210, 1.

В иерархии лексико-грамматических разрядов имен существительных высшее место занимают группировки по грамматическому роду. На втором месте — разделение группы «мужского рода» по «неличности-личности», характерное по существу для функции прямого объекта в ед. ч. Формальной основой для выделения разрядов и первого, и второго разрядов служит характер окончания согласуемого определения. Наконец, высшее место занимают входящие в тот и другой разряды мелкие группы именных форм, объединяемые общностью окончаний самих существительных, подвижные, легко распадающиеся и по-новому соединяющиеся. Все это многостепенное образование меняется от числа к числу, по-разному в разных синтаксических функциях.

§ 6. В работах о соотношении рода, числа и падежа имен существительных грамматический род иногда трактуется как категория; для этого нет оснований, поскольку родовые классы имеют чаще всего разную «лексическую базу». Понятие «категория падежа» также не имеет права на существование: назначение падежей, по крайней мере, в большинстве случаев, состоит в том, чтобы обозначать разные синтаксические позиции имен существительных, быть функциональными показателями.

В настоящей работе мы исходили из того, что грамматическая система языка организуется оппозитивным принципом и описывается в терминах грамматических единиц. Для двух синтаксических позиций установлены соответствия между грамматическими значениями (грамматическими единицами) ед., мн. и дв. чисел и способами их формального представления. Понятие варианта отнесено к плану выражения, понятие инварианта — к

²⁹ Там же, стр. 208.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 113.

плану содержания. Использование в описании языка понятий грамматической единицы и ее формальных вариантов достаточно полно освещает способы выражения грамматических значений.

Падеж имени существительного создает синтаксические рамки, в пределах которых осуществляется противопоставление по грамматическому числу. Лексико-грамматические разряды («тип склонения», намечающееся разграничение «личных» и «неличных» существительных, грамматический род) образуют входящие одна в другую серии вариантов «плана выражения» для противопоставляемых единиц грамматического значения. При разбиении имен существительных на лексико-грамматические разряды громадную роль играет форма их согласованных определений. Разница синтаксических позиций определяет разницу формального варьирования грамматических единиц ед., мн. и дв. чисел и количество серий вариантов в каждой позиции (две серии в функции субъекта, три серии для ед. числа в функции объекта).

Варианты как реализации единиц грамматического значения подвержены влиянию со стороны своего окружения — фонетического или семантического — и потому исторически изменчивы. Из наших материалов можно видеть неустойчивость и подвижность группировок по типам склонения и «неличности-личности»; группировки по принципу «грамматического рода» более стабильны.

Исследование показало, что в системе языка лексико-грамматические разряды существительных — группировки по «типам склонения», грамматическому роду, неличности-личности — играют, в общем, очень сходную роль: все они обуславливают количественную и качественную стороны формального варьирования грамматических единиц существительного³².

А. Мартине высказал мысль о подчиненном положении аспекта формального варьирования по отношению к фундаментальной структуре языка. Как он полагает, изучение синхронических вариаций формы значащих единиц, составление списков алломорфов с указаниями относительно их дистрибуции несмотря на всю свою практическую значимость «представляют собой лишь весьма периферийные аспекты подлинной структуры языка»³³. Между тем, использование в грамматическом описании деталей формального варьирования позволяет представить способы выражения грамматических значений, фиксирует степень асимметрии между функциональной и формальной структурой, которая, вероятно, различна в разных языках.

Интересно, что формальные варианты не лишены плана «содержания». Грамматические форманты перегруппированных «типов склонения», рода, одушевленности-неодушевленности иногда способны передавать значащие различия, которые принадлежат к неопозитивному типу, т. е. не имеют общей лексической базы. Такие значащие различия проецируются здесь только на часть однородных формальных различий; так, различия по грамматическому роду наполняются смыслом только при названиях одушев-

³² Сходство названных разрядов уже замечено, хотя и не выявлена полностью внутренняя основа этого сходства. «Несмотря на ряд существенных отличий, между именными классификациями и категорией рода устанавливается принципиальная близость (они относятся к классифицирующим категориям, имеют сходные функции)», — пишет О. Г. Ревзина. См. О. Г. Р е в з и н а. Общая теория грамматических категорий. В сб. «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков». М., 1973, стр. 38. Она отмечает, что мысль о принципиальном единстве «категории рода» с именными классификациями высказывалась в лингвистике с тех пор, как только вошли в обиход данные именных классификаций. (Там же, стр. 10).

³³ А. М а р т и н е. Структурные вариации в языке. В сб. «Новое в лингвистике», IV. М., 1965, стр. 461.

ленных предметов, а при неодушевленных род указывает всего лишь на тип согласования. Частичный характер имеет также значение неличности-личности на уровне типов склонения; это значение, кроме того, в данном случае является нестойким, легко возникающим и распадающимся.

По особенностям своего собственного семантического плана рассмотренные лексико-грамматические разряды имени существительного имеют некоторое сходство со словообразовательными рядами. Известно, что в рядах формально тождественных словообразовательных аффиксов также имеет место сосуществование и значащих, и незначащих формальных различий; ср., например, широко известное явление десемантизации уменьшительных суффиксов, когда семантическая «уменьшительность» реально связывается лишь с некоторой частью слов данного ряда, а также подобные явления в других словообразовательных рядах.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Л. С. КИШКИН

ПИСЬМО СОВЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ К АЛОИСУ ИРАСЕКУ

До начала лета 1934 г. буржуазная Чехословакия, как известно, не имела дипломатических отношений с СССР. На протяжении всего предшествующего периода ее правительство не только не способствовало, но фактически препятствовало развитию каких бы то ни было форм чехословацко-советского сотрудничества. Проявление симпатий к Советскому Союзу со стороны чехословацких граждан преследовалось властями. И все же, вопреки официальной позиции правительства, чехословацко-советские дружеские связи тогда существовали и крепились.

Одним из подтверждений наличия таких связей в области культуры в 20-е годы является письмо советской писательницы М. В. Алтаевой-Ямщиковой к выдающемуся чешскому писателю старшего поколения Алоису Ирасеку, автору широко известных исторических романов. Это обнаруженное в Праге в фондах «Музея Алоиса Ирасека и Микулаша Алеша» письмо интересно во многих отношениях.

Если до сих пор было известно, что в 1925 г. в издательстве «ЗиФ» в обработке М. В. Ямщиковой (Ал. Алтаева) под названием «Против панов» вышел перевод «Псглавцев» Алоиса Ирасека¹, что ему советской писательницей было посвящено одно из изданий ее романа о Жижке («Страшный слепец», 1928), то о ее переписке с чешским писателем литературоведы не знали.

Письмо написано на чешском языке, приводим его русский перевод:

31 мая 1929 г.

Глубокоуважаемый пан профессор!² Я очень рада, что Вы получили мою книгу³.

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо. Мне было бы весьма приятно, если бы Вы прочли мою книгу «Мегги с змеиног острова», которая была опубликована на чешском языке в «Вечернике Рудего»⁴ в Праге, в январе 1929 г.

Примите мой сердечный привет и горячее пожелание сил для дальнейшей плодотворной работы.

Прошу Вас, пан профессор, пошлите мне Вашу новую историческую книгу, которую можно было бы перевести на русский язык.

¹ В 1928 г. уже под собственным названием повесть была издана вторично.

² Алоис Ирасек долгие годы был учителем истории, сначала в Литомышли, а затем в Праге. «Пан профессор» — традиционное обращение к учителям в чешских гимназиях.

³ Очевидно, здесь имеется в виду роман М. В. Алтаевой-Ямщиковой «Страшный слепец», посвященный Алоису Ирасеку.

⁴ Точное название Руды вечерник. Так назывался вечерний выпуск чехословацкой коммунистической газеты «Руде право», распространявшийся посредством розничной продажи.

Я хотела бы также, чтобы Вы прислали мне Вашу фотографию.
Уважающая Вас

М. В. Алтаева (Ал. Алтаев)

Россия (СССР) Ленинградская губерния. Лужский округ, п/отд. Лосицы,
поселок Лог. Маргарите Владимировне Алтаевой.

Из текста письма следует, что переписка была двусторонней. К сожалению, отыскать письма Ирасека в архиве М. В. Алтаевой-Ямщиковой не удалось. Очевидно, они были адресованы на Лог, где писательница обычно проводила летние месяцы, и не попали в собрание ее московских бумаг.

Просьба в конце письма («пошлите мне Вашу новую историческую книгу») позволяет предположить, что писательница была связана с Ирасеком до написания письма — возможно еще с 1925 г., когда приняла участие в подготовке русского издания «Посланных» Ирасека под названием «Против папов», если не раньше. Надо заметить, что к теме чешской истории, разрабатываемой в чешской литературе Ирасеком, М. В. Алтаева-Ямщикова обращалась не раз⁵. Об этом свидетельствуют ее повесть «Ян Гус из Гусинца» (1904), исторический роман о Чехии «Троцновский пан» (1908), «За свободу родины» (1911), «Могучий слепец» (1959), а также глава «В Богемии» одного из самых популярных произведений писательницы «Под знаменем Башмака» (1908) о восстании Томаса Мюнцера.

Обращаясь к сюжетам из чешской истории (эпоха гусизма, тема Белой горы), М. В. Алтаева-Ямщикова стремилась познакомить читателей с освободительной борьбой чешского народа, к которому она всегда относилась с большой симпатией.

Письмо М. В. Алтаевой-Ямщиковой к Ирасеку заслуживает внимания как документ из истории советско-чешских культурных связей. В то же время оно дополняет наши сведения о писательнице, свидетельствует о том, что она знала чешский язык. По-видимому он был изучен ею в процессе работы над историческими повестями и романами о Чехии. Поэтому есть основания думать, что М. В. Алтаева-Ямщикова была знакома с историей Чехии XV—XVI вв. не только по русским книгам, как это считалось, но и по чешской оригинальной литературе.

Весьма существенно для творческой биографии писательницы и то, что в 20-е годы, судя по ее письму, она сотрудничала с чехословацкой коммунистической газетой «Руде право», где в переводе был опубликован ее приключенческий роман «Мегги с змеиного острова» (1927), утверждавший революционное братство трудящихся. Упоминаний об этом в работах о творчестве М. В. Алтаевой-Ямщиковой не встречается. Исследователями отмечены лишь современные переводы ее произведений на немецкий и польский языки⁶.

По воспоминаниям дочери писательницы Л. А. Ямщиковой-Дмитриевой, М. В. Алтаева-Ямщикова хорошо знала и высоко ценила творчество Ирасека. О нем она беседовала со Зденеком Неедлы в годы второй мировой войны. Теперь мы знаем, что между М. В. Алтаевой-Ямщиковой и чешским писателем существовала взаимная переписка.

Живой интерес к Чехии и чешской истории сохранился у писательницы всю жизнь. Мы не знаем, при каких обстоятельствах он зародился, но можно не сомневаться, что одним из питавших его источников было творчество основоположника реалистического исторического романа в чешской литературе Алоиса Ирасека. Не исключено, что М. В. Алтаева-Ямщикова поддерживала связи не только с ним, но и с другими деятелями чешской культуры. Об этом позволяют думать и чешские переводы произведений писательницы, осуществленные еще в 1896 г. и в начале 1910-х годов.

⁵ См. об этом подробнее: «Slavia», 1968, № 2, s. 293—306.

⁶ См. В. Л и т в и н о в, Ал. Алтаев. М., 1973, стр. 157.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШИ О ДЫГАСИНСКОМ

Адольф Дыгасиньский — классик польской литературы второй половины XIX в., менее известный чем его современники, «большие реалисты» — Сенкевич, Ожешко, Прус, однако в настоящее время его читают с большим интересом как в Польше, так и за рубежом. Широкой популярностью пользуются его повести «Заяц», «Бельдонек», «Маргеля и Маргелка» и многие новеллы и рассказы. Писатель с трудной творческой судьбой, вступивший в литературу в возрасте сорока четырех лет, будучи уже известным педагогом и публицистом, он оставил тем не менее обширное литературное наследие. Современной ему критикой и литературоведением оно оценивалось весьма противоречиво. Такая противоречивость оценок объяснялась натуралистическими тенденциями творческого метода писателя, своеобразием художественных форм его прозы, трудно поддающимся однозначному истолкованию, а также насыщенностью этой прозы элементами разговорного народного языка в его диалектных вариантах.

В довоенной литературоведческой науке лучшей работой о Дыгасиньском явилась монография З. Швейковского «Драма Дыгасиньского» — первое систематическое исследование идейно-философских и морально-этических основ творчества писателя. Не случайно этот труд З. Швейковского, продолжающего плодотворно трудиться и в настоящее время, стал для ученых народной Польши отправным пунктом их критического переосмысления наследия Дыгасиньского. Доминантой книги является мысль о драматизме творческой судьбы писателя, характер таланта которого не позволял ему полнее выразить волнующую суть своего времени: «Несмотря на всю конкретность ощущения бытия, постоянно присущую Дыгасиньскому, его ощущение действительности метафизично, (...) временами он производит впечатление человека взятого цивилизацией в неволю»¹. Много места отводит автор монографии анализу творческого метода писателя, отмечая свойственное ему широкое использование национальных жанровых традиций поль-

ской гавенды. Называя талант писателя «необработанной рудой, хотя и рудой благородного металла...», исследователь приходит к мысли, что Дыгасиньский по ряду причин не поднялся выше уже достигнутого Жевусским уровня классической польской гавенды. Эти суждения с теми или иными уточнениями встречаются и в трудах современных польских литературоведов.

Литературоведение и критика современной социалистической Польши обнаруживают широкий интерес к наследию Дыгасиньского — писателя, педагога, публициста и лингвиста, к его многотрудной судьбе «поденщика пера». Много места в современных исследованиях уделяется проблеме изучения творческого метода художника. Большинство ученых единодушно отмечает склонность писателя к натурализму, причем эта склонность рассматривается с учетом польского восприятия теории и практики «экспериментального романа» Золя в конце XIX в. Наиболее четкую характеристику польского натурализма дает А. Хутникевич: «Натурализм как своего рода творческий метод не стал в польской литературе единым целым, влияющим на поэтику художников и овладевающим умами с такой силой и непреложностью, как это произошло на западе Европы, а именно во Франции в семидесятые годы прошлого столетия»². В других исследованиях, посвященных данной теме, также речь идет скорее о натуралистических тенденциях, носивших у разных авторов весьма своеобразный характер, на что справедливо указывает Я. З. Якубовский³. Писателем, наиболее последовательно выразившим в польской литературе натуралистическую тенденцию к типизации жизненного материала по законам дарвиновского понимания бытия, называет Дыгасиньского С. Жулкевский⁴. Исследователь берет для анализа одно из наиболее

² A. Hutnikiewicz. Zeromski i naturalizm. Toruń, 1956, s. 9.

³ См. J. Z. Jakubowski. Z dziejów naturalizmu w Polsce. Wrocław, 1951.

⁴ S. Żółkiewski. Zwierciadło naturalizmu polskiego. В кн. Materiały do nauczania historii literatury polskiej, t. II. Warszawa, 1950, s. 25—30.

¹ Z. Szwekowski. Dramat Dygasińskiego. Warszawa, 1938, s. 223—224.

совершенных произведений художника — повесть «Заяц», где наряду с художественным воплощением закона борьбы за существование он отмечает богатство образов и красок родной земли, созданных мастером-реалистом. Мысль об оригинальности Дыгасиньского-художника, о несводимости его метода лишь к следованию натуралистическим программам высказывает и А. Хутникевич: «Дыгасиньский был натуралистом, но не подражателем, у него было свое собственное ощущение вещей. Он разделял и ошибки натурализма, но он сообщил своим произведениям нечто непреходящее и не раз оказался творческим продолжателем добрых традиций реализма»⁵. Об этом «собственном ощущении вещей» пишет и Д. Бжозовская, открывающая в «натурализме» Дыгасиньского совершенно оригинальную интерпретацию основной его темы — зависимости человека от природы: «Интереснейшая и наиболее оригинальная тема Дыгасиньского, (...) которая отводит ему совершенно самостоятельное место в польской прозе конца XIX века: это человек на фоне матери-природы, исполняющий ее указы, выросший в нее, зависимый от нее и связанный с ней „миллиардом нитей“»⁶. Глава «Очарованный Дарвином» в монографии Якубовского «Забытое звено»⁷ также исследует связь и расхождение художественного метода Дыгасиньского с натурализмом. С одной стороны, рассматривая восприятие писателем натуралистической концепции в связи с его увлечением дарвинизмом, Якубовский анализирует близкие к натурализму принципы отбора жизненного материала — напоминающая реестр детальность, «научная» классификация отдельных явлений действительности, — накладывающие объективистский отпечаток на его описательность. С другой стороны, исследователь отмечает в эпической манере Дыгасиньского целый ряд пластически-художественных и акустических компонентов, которые соотносятся уже не с натуралистическими, а с гуманистическими критериями прекрасного. Именно они часто пересиливают объективистски бесстрастное звучание его прозы, придавая ей характер возвышенного художественного синтеза человека и природы.

О тематическом новаторстве писателя, открывшего еще до Жеромского и Реймонта для польской литературы крестьянский мир в его неисчерпаемом богатстве, в последние годы написано много. Еще

в предвоенный период, исходя из содержания большинства новелл и повестей писателя, В. Волерт составил карту географической тематики его произведений — от Кельц до Ойцова⁸. О Дыгасиньском как о «писателе Понидья» пишет Моника Варненская⁹. Новак-Длужевский в этой связи называл Дыгасиньского «региональным келецким писателем»¹⁰, утверждая, что современная региональная художественная литература началась в Кельцах и Пинчове, а не в Кракове и Татрах. Такой подход к наследию художника, глубоко связанного с родной землей, позволяет Новак-Длужевскому дать яркую характеристику таких содержательных моментов писательского творчества, как воссоздание географии и пейзажа, изображение флоры и фауны Понидья и Келец, искусство передачи человеческого портрета, говоря, быта.

С другой стороны, современное литературоведение стремится глубже осмыслить эти внешние примеры яркой оригинальности Дыгасиньского. В упомянутой монографии Я. З. Якубовского — исследовании, борющемся за «неоднократность» читательского интереса к феномену художественного творчества автора «Зайца» и «Бельдонка», дан убедительный анализ того, «каким образом этот писатель, рисуемый прежде всего жизнь затерявшихся в лесах деревень и городишек, (...) выразил острейшее общественное, философское и моральное беспокойство своего времени»¹¹. Говоря о тематическом новаторстве Дыгасиньского — крестьянского писателя, Якубовский ставит акцент на его общественном радикализме, в связи с чем называет писателя неотъемлемым звеном прогрессивного направления в польской литературе, прямым предтечей Жеромского и Струга.

Не меньший интерес современного литературоведения в Польше вызывает и другая совершенно новаторская тема творчества Дыгасиньского — анималистическая. Еще в 1939 г. зоолог Зимм писал о Дыгасиньском: «Он опередил науку на целых пятьдесят лет, обнаружив понимание биологических явлений как целого»¹². Писателя называли «польским Киплингом»¹³, «поэтом деревни и живот-

⁸ W. W o l e r t . A. Dygasiński. Zagreb, 1931.

⁹ M. W a r n e Ń s k a . Pisarz Poniidzia. «Trybuna Ludu», 1959, № 66, s. 8.

¹⁰ J. N o w a k - D ł u ż e w s k i . Adolf Dygasiński—kielecki pisarz regionalny. «Życie i myśl», 1962, №9—10, s. 152.

¹¹ J. Z. J a k u b o w s k i . Ibid., s. 10.

¹² K. S i m m . Zoolog o powieściopisarzu. «Warszawski Dziennik Narodowy», 1939, № 123.

¹³ «Polski Kipling». — «Polska Zbrojna», 1948, № 195.

⁵ A. H u t n i k i e w i c z . Nad dziełem naturalisty. «Dziś i jutro», 1955, № 19, s. 4.

⁶ D. B r z o z o w s k a . Adolf Dygasiński. Warszawa, 1957, s. 202.

⁷ J. Z. J a k u b o w s k i . Zapomniane ogniwo. Warszawa, 1967.

ного мира»¹⁴. Значительных успехов в интерпретации героев-животных Дыгасиньского достигает Д. Бжозовская. Анализ художественных средств его анималистической тематики сопровождается здесь классификацией уровней сопоставления человека и животного. Исследовательница не только констатирует исключительный успех Дыгасиньского-анималиста, исходящего в своей интерпретации мира животных из биологической теории Дарвина, но усматривает в этой его теме моральный аспект¹⁵.

Современные исследователи стремятся максимально приблизить к читателю реальный человеческий облик Дыгасиньского. Собранная издательством им. Оссолинских по инициативе А. Гурского, Т. Нуцковского и Я. З. Якубовского корреспонденция писателя (462 письма), является ценным источником для ознакомления с его биографией¹⁶. «Письма» проливают яркий свет на генезис многих его произведений и, кроме того, обогащают польскую литературу текстами оригинального эпистолярного жанра, которыми блестяще владел этот исключительно общительный и обладающий незаурядным чувством юмора человек.

В этой же связи хочется упомянуть интересную статью З. Митцнера «Заботы Дыгасиньского»¹⁷, содержанием которой является переписка писателя с другом его молодости, выдающимся языковедом Бодуэном де Куртене. Автор статьи выявляет значительную роль Дыгасиньского в формировании национального языка и претворении его в художественное явление.

«Переписка Антони Сьгетыньского и Петра Хмелевского», собранная Э. Кернички, также проливает свет на весьма интересную сторону жизни Дыгасиньского. Она представляет сторонника нового «непредвзятого» художественного воплощения действительности в кругу друзей и единомышленников из журнала «Вендровец», оказавших решающее влияние на становление писательского самосознания Дыгасиньского. В этом сборнике писем мы находим, между прочим, одну из наиболее метких характеристик творческой индивидуальности писателя: «простота, откровенность, добродушная шутливость, склонность к остроумию, иногда грубоватым; к лирическим отступлениям

с привкусом свободной ассоциативности воображения»¹⁸.

Значительный труд предпринят современными биографами Дыгасиньского. Вышеназванная научно-популярная монография Д. Бжозовской «Адольф Дыгасиньский» — новая работа синтезирующего характера о писателе, в доступной, но не впадающей в упрощения форме знакомящая читателя с историей его жизни и творчества. Интереснейшие страницы его жизни в Кракове и Варшаве, многочисленные поездки по стране Дыгасиньского — домашнего учителя складываются в картину трудной жизни этого незаурядного художника. Впервые не только перед читателем, но и перед исследователями литературы предстает облик Дыгасиньского — человека, педагога, писателя — в «перекрестном» свете его сложнейшего времени, увлекающегося Дарвином и Спенсером, верящего в возрождение Польши через «крестьянский» путь развития. Основываясь на конкретных биографических фактах, исследовательница показывает, как общественная программа крестьянского идеолога, интересы естествовика-дарвиниста и увлеченность литературными канонами натурализма формируют художественную программу писателя.

Отдельные страницы жизни Дыгасиньского, например, бурный краковский период или пребывание в «Дольном Шленске», предстают в статьях Т. Нуцковского¹⁹ и А. Ромбовского²⁰. «О Дыгасиньском в Кельцах и Пинчове» пишет Кветиньский²¹. Краткий очерк жизни и творчества писателя написан А. Мильской²² и В. Волертом²³.

В целом ряде работ к биографии писателя обращается Я. З. Якубовский. Сообразуясь с задачами современного осмысления места художника в традициях польской прозы, Якубовский в первой, биографической части указанной монографии о Дыгасиньском полемизирует

¹⁸ Korespondencja Antoniego Sygietyńskiego i Piotra Chmielowskiego. Oprac. E. Kiernicki. Warszawa — Wrocław — Kraków, 1963, list 90. Piotr Chmielowski — Antoni Sygietyńskiemu, Zakopane, 12X [1] 902.

¹⁹ T. N u c k o w s k i. A. Dygasiński na Dolnym Śląsku. Wrocław — Jelenia Góra — Duszniki. «Kwartalnik Opolski». 1956, № 2.

²⁰ A. R o m b o w s k i. Krakowskie bankructwo Dygasińskiego. «Życie Literackie», 1956, № 45.

²¹ Z. K w i e c i ń s k i. O A. Dygasińskim w Kielcach i Pińczowie. «Przegląd Historyczno-Oświatowy», 1962, № 4, s. 685—688.

²² A. M i l s k a. Pisarze polscy. Warszawa, 1965, s. 262.

²³ W. W o l e r t. Polski słownik biograficzny, t. 6.

¹⁴ J. R o b y l a ń s k i. A. Dygasiński, poeta wsi i świata zwierzęcego. «Słowo, na Warmii i Mazurach» dod. «Słowa Powszechnego», 1957, № 25.

¹⁵ D. B r z o z o w s k a. Ibid., s. 147.

¹⁶ Adolf Dygasiński. Listy. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.

¹⁷ Z. M i t z n e r. Kłopoty A. Dygasińskiego. «Twórczość», 1952, № 5.

со Швейковским, вскрывая причины драматизма творческой судьбы художника. В отличие от автора «Драмы Дыгасиньского», видевшего источник этого драматизма в несовместимости позитивистского рационализма, навязанного писателю эпохой, с его потаенной метафизической грустью, Якубовский ставит акцент на конкретной исторической ситуации: Дыгасиньский начал свой творческий путь «в тени великих реалистов», которые к моменту его вступления в литературу уже сформировали художественные вкусы и гражданский идеал общественного служения. В этой связи склонность Дыгасиньского к натуралистическому осмыслению действительности и общественная программа писателя, связавшего свои надежды на будущее с крестьянством, не встретила всеобщего энтузиазма. Используя материалы переписки писателя с родственниками и друзьями, Якубовский изнутри освещает сложное положение этого «неклассического» среди современников-классиков художника слова.

Интересы Дыгасиньского-художника сочетаются с его увлечением педагогической деятельностью, которая предшествовала его литературному творчеству и продолжалась до конца его жизни. Педагогическое наследие писателя не так обширно, как художественное, но представляет самостоятельный интерес. В 1954 г. был опубликован труд В. Данека «Педагогические взгляды Дыгасиньского»²⁴, представляющий собой монографию педагогической деятельности писателя. Она охватывает весь объем собственно педагогических трудов Дыгасиньского, дает интересный синтез дидактических взглядов писателя, посвятившего детям многие лучшие свои страницы, высоко оценивает творческий и прогрессивный вклад Дыгасиньского в отечественную педагогику. Трудам Дыгасиньского-педагога посвящают свои страницы современные польские журналы «Полонистика»²⁵ и «Гłos наuczycielski»²⁶.

Обаятельнейший облик первого учителя, умеющего завязать с детьми понастоящему дружеские отношения и заронить в ребячьи сердца зерна добра, определившие не одну судьбу, предстает перед читателями в мемуарах детской писательницы Хелены Дуниувны²⁷.

Большинство современных исследователей признает бесспорным тот факт, что лингвистическую основу стилиевой оригинальности Дыгасиньского-художника сос-

тавляет исключительно широкое пользование народным языком в его диалектных вариантах. Дыгасиньский с раннего детства впитал и впоследствии художественно воплотил живой, пластический, эмоционально многозначный язык польской провинции и деревни. Еще в юности его интерес к польским диалектам приобретает научный характер. Помимо вышеупомянутой работы З. Митцнера деятельность Дыгасиньского в области языкознания посвятила свою статью З. Госевская²⁸. О творческом освоении Дыгасиньским диалектных вариантов польского языка и демократизации польской художественной литературы с помощью простонародных языковых средств пишет Т. Лер-Славиньский²⁹. «Способам употребления говоров в произведениях Дыгасиньского» посвящена статья И. Бартминьского³⁰. Исследование Бартминьским элементов народного говора, которые избраны писателем как наиболее соответствующие поставленной художественной задаче, представляется совершенно новаторским. Особенно интересна постановка проблемы «точности» передачи диалектов и их художественного перерождения в прозе Дыгасиньского. Анализируя языковые особенности новелл и повестей Дыгасиньского на разных этапах его творчества, Бартминьский отмечает попытку создания совершенно нового стиля, коренным образом отличающегося как от стиля регионалистов, с одной стороны, так и от детально точного стиля натуралистов — с другой.

Заканчивая обзор, хотелось бы сказать о состоянии изученности в современной Польше жанровой природы прозы Дыгасиньского. По справедливому мнению большинства литературоведов, наиболее ценную часть художественного наследия писателя представляют новеллы и повести, между которыми, кстати, нет четкой грани. Здесь исследование идет двумя путями, которые берут свое начало в трудах З. Швейковского. С одной стороны, Швейковский исследовал жанр новеллистики Дыгасиньского, исходя из классических образцов польской реалистической новеллы второй половины XIX в. Это сравнение привело ученого к констатации недостаточно высокого уровня малых прозаических форм Дыгасиньского, слабости композиции, избытия в его новелле моментов необяза-

²⁴ W. D a n e k. Poglady pedagogiczne A. Dygasińskiego. Wrocław, 1954.

²⁵ «Polonistyka», 1952, № 3 (A. Dygasiński. W 50 rocznicę śmierci).

²⁶ «Głos Nauczycielski», 1957, № 15.

²⁷ H. D u n i ó w n a. Dobry, stary przyjacielu. Ci, których znałam. Czytelnik, 1957, s. 30—41.

²⁸ Z. G o s i e w s k a. Z zainteresowań językoznawczych Adolfa Dygasińskiego. «Poradnik Językowy», 1958, 7.

²⁹ T. L e h r - S p l a w i ń s k i. Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój. Warszawa, 1951, s. 385.

³⁰ I. B a r t m i ń s k i. Sposoby użytkowania gwary w utworach Adolfa Dygasińskiego. «Język Polski», 1962, № 4, s. 264—280.

тельных, структурно неотработанных³¹. Новак-Длужевский также обращает внимание на «расслабленность композиции» как новелл, так и повестей Дыгасиньского: «Новелла его часто — механическая сумма, а не органическое сращение». В будущем полном издании исследователь предлагает переименовать его «новеллы» в «рассказы», оставая среди новелл произведения действительно новеллистические³². Ориентируясь на образцы польской реалистической новеллы, Бжозовская открывает в прозаическом наследии Дыгасиньского три типа рассказовых форм: «новеллы-иллюстрации», «фламандские бытописательские картинки», «новеллы эпитетически связанные с творческим методом рассказчиков Сенкевича, Ожешко, Пруса»³³.

Другой путь исследования, также идущий от Швейковского, — сравнение новеллы Дыгасиньского с жанром польской гавенды. В отличие от Швейковского, видевшего в малой прозе Дыгасиньского — «ухудшенный вариант „Дневников Соплицы“ Жевусского», Я. З. Якубовский пишет, что новеллистика Дыгасиньского ближе всего по структуре «хлопской» гавенде, однако сопровождающий ее дарвиновско-позитивистский комментарий зачастую приводит к художественному про-

игрышу. Б. Дыдухова в статье «Элементы гавендового повествования и построения в новеллистическом творчестве Дыгасиньского» высказывает мысль о несводимости рассказового жанра писателя только к формам гавенды. От гавенды Дыгасиньский берет лишь ряд повествовательно-структурных элементов, воплощая их в материале, подчас не имеющем ничего общего с традиционным³⁴. Эта дискуссия в определении современными польскими учеными жанровой природы прозы Дыгасиньского весьма симптоматична: она свидетельствует о живом интересе к специфике его творчества, а также намечает дальнейшие перспективы в его изучении.

Обширная библиография художественного наследия писателя и трудов, посвященных ему, представленная Хородыским в 24-м томе «Избранных произведений»³⁵ Дыгасиньского, и наиболее полная библиография наследия Дыгасиньского — художника, педагога, публициста и лингвиста — в 13-м томе «Нового Корбута»³⁶ суммируют представление о творческом наследии писателя и состоянии его изученности в довоенной и современной Польше.

М. Власова

³¹ Z. S z w e y k o w s k i. Ibid., s. 141.

³² I. N o w a k - D ł u ż e w s k i. Adolf Dygasiński — kielecki pisarz regionalny. «Życie i Myśl», 1962, № 9—10, s. 144.

³³ D. B r z o z o w s k a. A. Dygasiński. Literatura polska w okresie realizmu i naturalizmu. Warszawa, 1971, s. 19.

³⁴ B. D y d u c h o w a. Elementy narracji i konstrukcji gawędowej w twórczości nowelistycznej A. Dygasińskiego. «Ruch Literacki», Kraków, 1973, № 6, s. 355.

³⁵ A. D y g a s i Ń s k i. Pisma wybrane, t. 24. Warszawa, 1953.

³⁶ «Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut», t. 13. Warszawa, 1970, s. 446—479.

М. МАРКО. *Cierne na bielom*. Bratislava, 1971, 285 s.

М. МАРКО. *Черным по белому*

Рецензируемая работа известного словацкого публициста М. Марко посвящена событиям 1968—1969 гг. в Чехословакии. Основой для оценок и выводов автора являются документы партийных съездов, конференций, пленумов ЦК КПЧ, центральная партийная печать, выступления руководящих деятелей ЦК КПЧ. Книга состоит из введения и 10 глав. Автор на убедительных примерах показывает, что в ходе строительства социализма в Чехословакии произошли исторические преобразования в социальной и экономической структуре общества, достигнуты крупные успехи в политической, экономической и культурной жизни чехословацкого народа. Но этот процесс, отмечает автор, был нелегким. В ходе его имели место и объективные трудности, вытекающие из новизны и сложности задач, и субъективные ошибки, приведшие к ослабле-

нию влияния партии на массы, к недооценке возможности активизации враждебных социализму сил. Автор подчеркивает, что в Чехословакии мелкобуржуазная идеология имела значительное влияние среди интеллигенции и даже некоторой части рабочего класса.

Дискуссия перед XIII съездом КПЧ вскрыла многие недостатки, но руководству партии не удалось провести в жизнь такие политические и организационные меры, которые позволили бы их устранить. Это обстоятельство сыграло существенную роль в активизации правооппортунистических элементов.

Большое внимание М. Марко уделяет политике империалистических держав по отношению к социалистическим странам, которая с начала 60-х годов претерпела ряд изменений. Основой ее стало не выступление против социалистической

системы как единого целого, а выявление различий и специфики отдельных государств и изыскание дифференцированного подхода к ним.

Антикоммунистические круги стремились возрождать буржуазные взгляды, сеять иллюзии о капитализме, насаждать национализм и антисоветские настроения и т. д. Еще в 1960 г. П. Тигрид издал в Нью-Йорке книгу «Маркс на Граде», где дает рецепт для «успешного» проникновения идеологии ревизионизма в социалистические страны. «Новейший ревизионизм, — пишет Тигрид, — в своей основе — движение коммунистов внутри самой партии, движение, которое может обеспечить поддержку широких народных масс и симпатии в некоммунистическом мире... Цель ревизионизма заключается не в уничтожении коммунизма, а в его перестройке...»

Много лет в партии не проводилось принципиальной идеологической борьбы с ревизионистскими и оппортунистическими взглядами, не принимались во внимание нездоровые тенденции в области общественных наук, культуры, искусства и публицистики.

М. Марко говорит о том, что проявление антисоциалистических тенденций накануне 1968 г. можно видеть в теории «безбрежности» литературы, в работах чешских и словацких литературных критиков, в научных журналах по общественным дисциплинам и т. д., а IV съезд чехословацких писателей летом 1967 г. был сигналом для формирования правых и антисоциалистических сил, которые сплотились вокруг газеты «Литерарни новины». На IV съезде СЧСП была фактически выработана программа, опиравшаяся на импортированную теорию о ведущей роли «интеллектуальной элиты», программа ревизии и отрицания марксизма, постепенного перехода на позиции буржуазной идеологии и политики.

Известный интерес представляет та часть книги М. Марко, где раскрывается наступление правых и антисоциалистических сил в Чехословакии и распространение их влияния на все сферы общественной жизни: профсоюзы, молодежные организации, систему Национального фронта и т. д. Правые силы развернули особо изощренную борьбу против членов партии, стоящих на принципиальных марксистско-ленинских позициях, а затем выступили против всей партии и против социализма вообще.

На убедительных документальных материалах М. Марко показывает, как правые силы старались провести ревизию основных принципов марксизма-ленинизма. Они ратовали за возрождение и оживление социал-демократических традиций, «поэтому, — пишет автор, — социал-демократизация Коммунистической партии Че-

хословакии должна была стать одним из инструментов восстановления буржуазно-демократических порядков в стране». Социал-демократизм был очень удобен для борьбы против марксизма-ленинизма и против ленинской политики коммунистических партий в других странах.

Еще в доавгустовский период 1968 г. можно было встретиться с десятками концепций и моделей «специфического пути», и под прикрытием «творческого марксизма» в печати стали пропагандироваться разные реформистские и буржуазные концепции, направленные на ликвидацию марксистско-ленинской партии.

Автор на документальном материале показал, как на протяжении 1968 г. ЦК КПЧ и его исполнительные органы постепенно стали утрачивать руководящую роль в ходе строительства социалистического общества и в деле защиты его революционных завоеваний, тем самым объективно способствуя распространению антикоммунистических, антисоциалистических воззрений. Автор раскрывает роль средств массовой информации в событиях 1968—1969 гг., дает характеристику деятельности союзов писателей, журналистов, а также созданного в этот период так называемого координационного комитета и раскрывает их связь с империалистическими центрами Запада.

В книге анализируется одно из проявлений антикоммунизма — антисоветизм, который на современном этапе борьбы является политической и идеологической мерой, направленной на подрыв мощи и влияния Советского Союза.

Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, выступая 21 апреля 1970 г. в Москве, отметил, что «буржуазно-националистическая пропаганда в настоящее время отличается сильно выраженной антисоветской направленностью, поэтому борьба против нее, против всех форм антисоветизма является составной частью классовой борьбы в сегодняшнем разделенном на классы мире, составной частью последовательно интернационалистической политики коммунистических партий»¹.

М. Марко значительное место в своей работе уделял роли Советского Союза и других социалистических стран в защите завоеваний социализма в Чехословакии. Вступление войск пяти социалистических стран в Чехословакию, — пишет автор, — было актом интернациональной солидарности и отвечало как общим интересам чехословацких трудящихся, так и интересам международного рабочего класса и социалистического содружества.

Рецензируемая работа является существенным вкладом в разработку новейшей истории Чехословакии.

Т. И. Комкова

¹ «Правда», 22 апреля 1970 г.

В. М. ЗАЙЦЕВ. *Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа).* «Наука», 1973, 232 стр. + 61 таблица

В книге В. М. Зайцева рассматривается одна из важнейших проблем истории польского национально-освободительного движения начала 60-х годов XIX в. Естественно, что она привлекала внимание почти всех публицистов, мемуаристов и историков, писавших о восстании 1863 г. Однако вследствие ряда обстоятельств, на которых останавливаться здесь нет надобности, эта проблема оставалась недостаточно изученной. В литературе о восстании 1863 г. имеются противоречивые, односторонние или малообоснованные суждения по данному вопросу.

В последние годы появились работы С. М. Байковой, В. А. Дьякова, Г. И. Марахова, И. С. Миллера и польских историков К. Гронёвского, К. Дунина-Вонсовича, М. Каминьского, Г. Миссалёвой, Ю. Смяловского, в которых освещается участие в восстании 1863 г. отдельных сословий или всех сословий на определенной территории, социально-сословный состав отдельных повстанческих отрядов или местной повстанческой администрации. В. М. Зайцев успешно продолжил разработку этой проблемы применительно ко всей территории, охваченной восстанием, и ко всем категориям его участников.

Основным источником для предприятия В. М. Зайцевым исследования явилось дело № 94 Аудиторатского департамента, содержащее сведения о 20 629 лицах, привлекавшихся к судебной ответственности за участие в восстании 1863 г. Автор проделал большую работу по систематизации данных этого источника. Составленные им таблицы дают представление о численности, категориях, сословной и социальной принадлежности участников восстания в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, подвергшихся судебным наказаниям.

Весьма интересны данные о сословном облике этих участников восстания. По подсчетам автора из 19 082 человек, о сословной принадлежности которых имеются сведения, 5030 (26,35%) были крестьянами, 8335 (43,68) — дворянами, 1040 (5,45) — шляхтичами, 466 (2,44) — лицами духовного звания, 2472 (14,37) принадлежали к сословию мещан, 1469 (7,71%) — к другим сословиям. Из этого следует, что среди репрессированных участников восстания лица крестьянского и мещанского сословий составляли 40,72%, а дворянско-шляхетского, включая представителей духовенства, — 51,57%. Имея в виду специфику карательной политики царизма в отношении крестьян, принимавших участие в восстании, и считая

процент репрессированных, принадлежавших к дворянско-шляхетскому сословию и духовенству, «значительно завышенным против действительного», автор предполагает, что на долю участников восстания — «представителей податных сословий приходилось не менее 60%» (стр. 221). Это предположение автора кажется нам недостаточно обоснованным.

В книге убедительно показаны различия в сословном составе лиц, принимавших участие в восстании на территории Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Среди репрессированных лиц крестьяне и мещане составляли в Царстве Польском 61,2%, Литве и Белоруссии — 28,2, на Правобережной Украине — 13,9, дворяне, шляхтичи и представители духовенства — соответственно 31,92, 66,02, 69,46%. Рассматривая эти данные с учетом социального и национального состава репрессированных лиц, автор делает ряд ценных выводов.

Интересна попытка автора показать степень участия в восстании отдельных сословий и социальных групп. Сопоставляя число репрессированных лиц данного сословия с общим числом населения этой категории, автор устанавливает степень его участия в восстании, его активность. При этом оказывается, что в Царстве Польском (по числу населения на начало 1860 г.) у крестьян один репрессированный приходился на 1248 человек, у мещан — на 594, у дворян — на 53, у духовенства — на 41, у шляхтичей — на 29 человек. Эти данные нуждаются в уточнении, однако, если сделать поправки в отношении численности населения и отмеченной автором специфики карательной политики, а также учесть репрессированных лиц — уроженцев других территорий, то указанное соотношение, по-видимому, существенно не изменится. Подобная картина наблюдается в Литве и Белоруссии (у крестьян один репрессированный — на 1051 человека мужского пола, у мещан — на 758, у дворян — на 43, у духовенства — на 16 служителей) и на Правобережной Украине (один репрессированный — соответственно на 7197, 2738, 45 человек мужского пола и 18 служителей). Это позволяет автору сделать выводы относительно активности отдельных сословий и социальных групп в условиях вооруженной национально-освободительной борьбы.

Важное научное значение имеют приводимые автором данные о социально-сословном составе репрессированных участников вооруженной борьбы, членов конспиративных организаций и деятелей

повстанческой администрации, а также лиц, содействовавших и сочувствовавших восстанию. На основе анализа этих данных автор приходит к заключению, что повстанческие отряды в Царстве Польском состояли преимущественно из крестьян и мещан, а в части белорусских губерний и на Правобережной Украине — из дворян и шляхтичей, в Августовской, Ковенской и Гродненской губерниях процент крестьян — мещан и лиц привилегированных сословий в отрядах был приблизительно одинаковым. Повстанческая администрация комплектовалась главным образом или почти исключительно из лиц дворянско-шляхетского сословия. Среди «соучастников» доля дворян достигала 60%.

Заслуживают внимания произведенные автором подсчеты численности репрессированных лиц различных категорий в отдельных губерниях и уездах. Эти лица распределены по губерниям и уездам по месту их рождения. Между тем, пребывание участника восстания не всегда

совпадало с местом его рождения. В отдельных случаях автор учитывает такое обстоятельство, но не оговаривает этого при группировке материала и его анализе. Поэтому погубернские и поуездные данные имеют более или менее относительное значение, и некоторые наблюдения автора, сделанные при их анализе, требуют уточнения, в особенности когда речь идет о таких категориях населения, как работники, ремесленники, служащие и т. п.

Значительный интерес представляют сведения о социальном составе участников восстания. Автор сопоставляет эти сведения с данными других источников, результатами ряда исследований и высказывает ценные соображения о движущих силах восстания.

Работа В. М. Зайцева является оригинальным исследованием социологического характера. Она содержит большой фактический материал и важные в научном отношении выводы.

И. И. Костюшко

W. i R. SLIWOWSCY. Aleksander Herzen. Warszawa, 1973, 670 s.
В. и Р. СЛИВОВСКИЕ. Александр Герцен

В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», посвященной столетию со дня его рождения, 8 мая 1912 г. писал: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»¹.

Прошло свыше ста лет со дня смерти Александра Ивановича Герцена, великого русского мыслителя, писателя и революционера, друга поляков, имя которого неразрывно связано с революционно-освободительной борьбой Польши 60-х годов XIX в., прежде чем появилась его первая биография на польском языке.

Это не значит, что редактор «Колокола» и «Полярной звезды», безоговорочно выступавший на стороне борющихся за свою независимость поляков во время Январского восстания, оставался неизвестным польскому читателю.

После второй мировой войны в Польше были переведены и изданы его сочинения, опубликован ряд работ о творчестве и деятельности Герцена. Сотой годовщине со дня его смерти был посвящен специальный номер журнала «Славия ориенталис».

Однако эти публикации либо освещают лишь отдельные стороны его всеобщей деятельности, либо имеют юбилейный характер, либо касаются преимущественно тематики «Герцен и Польша».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, М., 1961, стр. 256.

Работа Виктории и Рене Сливовских «Александр Герцен» не только является новым существенным вкладом в исследование жизни и деятельности этого великого человека, но и раскрывает дух интересной и противоречивой эпохи. Основанная на обширном документальном материале, в том числе на ранее неизвестных архивных документах, книга как бы подтоживает знания о Герцене.

Надо отметить, что в мировой исторической литературе до сих пор не было биографии Герцена, в которой глубоко и всесторонне исследовалась бы многогранная жизнь и деятельность великого мыслителя, патриота России и истинного интернационалиста.

Так, например, работа Чехехина-Ветринского, написанная в начале XX в., с точки зрения современных исторических знаний уже устарела. Книга английского исследователя Э. Х. Карра «Романтические изгнанники» касается почти исключительно сферы личной жизни Герцена и Огарева. Книга американского исследователя Мартина Малии рассказывает лишь о первом периоде жизни Герцена-Искандера. Монография Якуба Эльберга концентрируется вокруг публицистической, творческой деятельности, не затрагивая многих очень важных моментов биографии Герцена.

Объект исследования Виктории и Рене Сливовских многогранен. Герцен как человек своей эпохи представлен в книге во всем многообразии, не ограничен-

ном рамками научной концепции. Во избежание этого ограничения, отмечают авторы во введении, «...надо дать слово самому Герцену, чтобы он сам защищался и атаковал, чтобы он сам свидетельствовал о себе, своих сомнениях, колебаниях, ошибках, о своих достижениях и недостатках — как это бывает у всех больших индивидуумов» (стр. 10—11).

Сливовские приводят слова Станислава Бжозовского, который писал: «Герцен так велик, что не нуждается в другом памятнике, кроме правды о нем» (стр. 11).

Со страниц книги Сливовских Герцен предстает перед читателем словно живой, полный присущих человеку противоречий и колебаний: это и демократ, лелеющий надежду, что деспота Александра II можно убедить в необходимости реформ; это и революционер, не приемлющий кровопролития и в то же время вынуждаемый реальной исторической действительностью поддерживать кровопролитную вооруженную борьбу; это и враг терроризма, раскритикованный русскими нигилистами, тем не менее материально поддерживающий их в эмиграции.

Первые из четырех разделов книги охватывает весь доэмигрантский период. Читатель подробно знакомится с родословной семьи Герцена, его детством, юностью. Позднее Герцен назовет время, проведенное в родном доме, годами «невыносимой духоты».

Очень четко представлено отношение молодого Герцена к революционным событиям первой четверти XIX в., по поводу которых он писал в «Былом и думах», что, не очень ясно понимая в чем дело, он чувствовал, что не находится на той стороне, которой принадлежит карточка и победы, тюрьмы и кандалы.

Это подтверждает клятва, данная вместе с ближайшим другом Николаем Огаревым на Воробьевых горах, отомстить за казненных Николаем I декабристов. Объявляя на все времена борьбу «этому трону, этому алтарю, этому оружию», стрелявшим в декабристов, он остался верен своей юношеской, но политически зрелой клятве до конца своей жизни.

В книге со всей тонкостью раскрывается формирование личности Александра Герцена. Споры в университетских аудиториях, диспуты в узком кругу друзей, первые подпольные кружки вольнодумцев, арест и крутилки казармы; ссылка в Пермь, Вятку и Владимир, знакомство с гнетущей провинциальной действительностью: нищеты крестьянства, взяточничеством и самоуправством, грубостью, пьянством и необразованностью чиновников.

На всю жизнь в памяти Герцена осталось знакомство с ссыльным поляком-революционером Петром Цехановичем; подаренные им на прощанье звенья же-

лезной цепочки Герцен всегда носил с собой.

В книге подробно рассказывается о тех усилиях Герцена, его влиятельных родственников, друзей и сочувствующих ему лиц, которые они приложили, чтобы добиться разрешения вернуться из ссылки.

С интересом читаются страницы, посвященные жизни Герцена в Москве и Петербурге, его сердечной дружбе с Виссарионом Белинским. «Это была дружба, — пишут Сливовские, — двух великих индивидуумов, которые — каждый по своему — оставили неизгладимый след в интеллектуальной жизни России сороковых годов XIX в.», названных «великим десятилетием» (стр. 122—123).

В письме к отцу Герцен приводит ходившие по Петербургу слухи о городском убийстве и ограбившем какого-то купца, признавшемся позже, что это уже его шестое убийство. Заканчивая письмо словами «...на основании этого Вы можете составить себе представление о здешней полиции» (стр. 120), Герцен не предусмотрел, что письмо может попасть в руки полиции, а ему грозит новое изгнание.

Авторы выразительно рисуют николаевскую действительность России 40-х годов XIX в., описывая новгородскую ссылку и пребывание Герцена в Москве под надзором полиции и предоставляя слово самому Герцену, называвшему петербургское правительство грубым и деспотичным, испытывающим удовольствие от внушаемого народу страха.

Душевное состояние Герцена передают записи в дневнике от 4 и 8 апреля 1842 г., которые послужили эпиграфом к первому разделу книги: «Неужели считать мне свою жизнь оконченной, неужели все волнующее, занимающее меня, всю готовность труда, всю необходимость обнаружения схоронить, держать под тяжелым камнем, пока причучусь к немоте, пока заглухнут потребности, — и тогда начать жизнь пустоты, роскоши? (...) Я не могу долго пробыть в моем положении, я задохнусь, и как бы ни вынырнуть — вынырнуть»².

Не осталась без внимания авторов и литературная деятельность Герцена-Искандера, которая вызвала раздражение и недовольство реакционных кругов в связи с содержащейся там критикой порядков крепостнической России. В книге подробно раскрыто, как в течение всей жизни Герцена, на родине и за рубежом, его преследовала ненависть лакеев самодержавия. Явные враги и псевдодрузья посягают на его честь и доброе имя. Великолепно передает эту атмосферу сатирический рисунок, взятый Сливовскими из июльского номера столичного журнала

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. II, М., 1954, стр. 204, 206.

«Развлечение» за 1862 г.³, где изображен русский интеллигент, извиняющийся перед Герценом за то, что выступает против него, несмотря на глубокое уважение. «Своя рубашка ближе к телу», — говорит он в свое оправдание (стр. 68).

Много места в работе Сливовских посвящено борьбе Герцена за демократические свободы, за освобождение крестьян. Поражение революционных выступлений 1848 г. в письме к политическому эмигранту поляку Яну Цверчакевичу он объяснял тем, что реакция во всех случаях действует решительно, а революционерам этой решительности не хватает.

В книге раскрыты ошибки Герцена во взглядах на движущие силы Европы начала 50-х годов XIX в. — недооценка роли рабочего класса и буржуазии и переоценка крестьянской общины. Имеется в виду его теория «русского социализма», согласно которой человеком будущего является крестьянин, а не пролетарий.

В книге Сливовских читатель знакомится с непростыми обстоятельствами личной жизни Герцена и его семьи. Не ускользнули от внимания авторов и отрицательные стороны жизни немногочисленной в то время на Западе группы русской эмиграции. Авторы подчеркивают, с одной стороны, известную мелочность эмигрантов, с другой — их душевные порывы; рисуют их постоянную борьбу с «всевидящим оком и всеслышащим ухом полиции». В книге показаны отношения Герцена с Огаревым, Бакуниным, представителями «Земли и Воли», Чернышевским, с западной революционной демократией, с творцами научного коммунизма — Марксом и Энгельсом.

С особенным увлечением читаются страницы, посвященные бескомпромиссной борьбе Герцена за независимость Польши. Это его голос, как могучий колокол, звучал в 1863 г. по всей Европе в защиту восставших. Он обращается к русским солдатам и офицерам, находящимся в Польше, со словами призыва присоеди-

ниться к восставшим, бороться против общего врага — царского самодержавия (стр. 451).

На митингах, на страницах «Колокола», в письмах к друзьям, революционерам, политикам, Герцен направлял всю силу своего авторитета на борьбу за полную независимость Польши. На эту тему много написано в Польше и за ее пределами. Но работа Сливовских с необычайной выразительностью раскрывает огромные усилия Герцена по преодолению множества препятствий на пути создания союза «Земли и Воли» с польскими революционерами.

В книге показано, что в течение всего периода эмиграции среди ближайших друзей и помощников Герцена были поляки: домохозяды, учителя его детей, типографы, тайные корреспонденты и связанные «Колокола». Это преимущественно они привозили в Россию письма, статьи и газеты Герцена. С их помощью в 1853 г. в Лондоне Герцен основал первую в эмиграции русскую типографию. Свою последнюю телеграмму он отправил тоже поляку, Станиславу Тхуневскому.

С особой силой в книге подчеркнута роль типографии в распространении запрещенных царским правительством произведений Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого и ряда других передовых людей России; в пробуждении сознательности народа; в решительной критике общественно-политического строя царской России.

Работа Виктории и Рене Сливовских принадлежит к серии «Людзє живи» («Жизнь замечательных людей»). Она отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым серьезным научным трудам. Книга снабжена 93 удачно подобранными иллюстрациями, ее библиография занимает почти сорок страниц. В конце книги находится именной указатель и родословная Яковлевых-Герценов.

Книгу Виктории и Рене Сливовских с большим интересом прочитают не только научные работники, но и широкий круг читателей.

Казимир Лицкевич

³ № 28 от 11 июля.

М. СПРЕМИЧ. *Дубровник и Арагонци (1442—1495)*. Београд, 1971, 323 стр.

М. СПРЕМИЧ. *Дубровник и арагонцы (1442—1495)*

Момчило Спремич, доцент Белградского университета, начинает свое изложение с 1442 г., со времени воцарения в Южной Италии арагонской династии, а кончает его 1495 г. — приходом французов в Неаполь. Итак, всего столетия и в центре внимания автора — тема, которая может показаться узкой. Она не кажется узкой, когда закрываешь книгу. Прошло время, когда исследователи стремились представить историю

дубровницкой республики в обобщающих трудах. Сейчас такие работы выходят преимущественно в популярных сериях в расчете на читателя, не знакомого с историей города¹. Книга Спремича, напротив, ориентирована на специалиста.

¹ См., например, В. К г е к і ć. *Dubrovnik in the 14-th and 15-th centuries: a City between East and West. Oklahoma, 1972.*

и при том на такого, который представляет, какие богатства таит в себе дубровнический архив.

Принято считать, что дубровницкая политика во второй половине XV в. была подчинена целям создания системы отношений с сухопутными соседями, в первую очередь с турками. Хронисты во всяком случае заняты именно этой темой. Заслуга М. Спремича и том и заключается, что ему удалось установить, какова была роль морского соседа республики и в политике, и в торговле, и в повседневной жизни. А роль эта была велика.

Дубровник кормился в основном за счет южноитальянского и сицилийского хлеба — это факт общеизвестный. Но Спремичу удалось показать, как широко была развита система предварительных договоров на поставку хлеба между дубровницкой коммуной и отдельными торговцами и как много хлеба ввозилось по этим договорам — до 14 тыс. «стар» ежегодно («стар», *statio* — около гектолитра, см. табл. на стр. 134—135). Любопытно, что цены остаются все 50 лет примерно на одном и том же уровне, 3—5 грошей за меру («куборак»), а покупная и продажная цена почти не отличаются: хлебная торговля находится в руках коммуны, которой важно не извлечь прибыль, а накормить горожан.

Ни один другой предмет вывоза из Италии не может сравниться с зерном. Впрочем, стоит отметить роль шерсти (не итальянской, а испанской, ввозимой каталонскими купцами) и соли, потребность в которой балканские скотоводы всегда ощущали очень остро. Кроме того республика ввозила оливковое масло и соль и — в меньшей мере — соленое мясо, бобовые, овощи, сухоари. Вывоз из Дубровника составляли ткани, серебро, свинец и золото, кожи, мех, скот и лес. Ввоз явно преобладал над вывозом, размер того и другого оставался приблизительно одинаковым — XV век был для дубровчан еще временем экономической стабильности.

Для того, чтобы поддержать свои регулярные коммерческие связи, республика разворачивает в Южной Италии консульскую сеть. Глава, посвященная дубровницким консулам за границей — одна из бесспорных удач книги (стр. 53—83). Дубровницкие консулы — не дипломаты, это судьи, которым надлежит разбирать тяжбы между дубровчанами в их заграничных поездках и неаполитанскими подданными. Они судили в тех домах, где возникали споры, а оплачивались за счет купцов, отчислявших в их пользу 0,5% стоимости со всех провозимых товаров, республика не третила ни гроша на содержание своих консулов. Эти полпроцента, «consulato» представляли видный источник дохода, и за консульские должности постоянно шла борьба между дубровницкими нобиллями. Впрочем в

1449 г. сенат запретил дубровчанам отправлять консульскую службу, и она переходит в руки итальянцев. Тем не менее консульская сеть продолжает расширяться, республика создает до 20 консульских постов в Апулии, и эта сеть становится фундаментом для развертывания дубровницкой торговли вплоть до позднего времени — до конца XVIII в.

Успех торговой политики в Южной Италии во многом зависел от личного отношения к дубровчанам Альфонса V и Ферранте I, царствование которых падает на эти 50 лет. Первый был сторонником активной политики на Балканах, рассматривая себя в качестве наследника каталонских герцогов из Афин, в связи с чем положение дубровницких купцов в его государстве было на редкость благоприятным. Ферранте, пожалуй, еще щедрее осыпает их милостями, но в то же время значительно сокращает хлебный экспорт. 50—70-е годы, когда вдобавок начались турецкие вторжения, — тяжелое время для республики.

Торговая политика Дубровника, таким образом, оказалась в центре внимания М. Спремича. Выбор этой темы, как ведущей нити исследования, был, конечно, предопределен фондами отлично сохранившегося архива. Но гипертрофия торговополитических характеристик в книге Спремича оказалась очень кстати: она закрыла брешь, существующую по этому поводу в литературе. А тот, кто хотел бы ознакомиться не с тем, как, а с тем, что проходило через дубровницкий рынок, может составить об этом более развернутое представление по серии статей о торговле солью, хлебом, вином, маслом, древесиной, появившихся в последние годы и принадлежащих перу М. Гецич и Д. Динич—Кнежевич².

Обратим внимание на еще одну главу, о помегах в торговле (стр. 170—181), которые также носят неизменный, столетиями устоявшийся характер. Это — разбой в мерах, пиратство и традиционная неприязнь венецианцев, которые, впрочем, оказались не в состоянии сорвать торговлю на линии Дубровник—Апулия. А хозяйственный упадок остальной Далмации, оказавшейся под властью Венеции, только способствовал коммерческой экспансии Дубровника (стр. 181).

² М. Гецич и Д. Динич—Кнежевич. Дубровачка трговина сољу у XV веку. «Зборник Филозофског факултета», III. Београд, 1955, стр. 95—152; работы Д. Динич—Кнежевич (посвященные, кстати, более раннему времени, XIV в.) регулярно появляются на страницах «Годишњака» Филозофског факултета в Новом Саде (IX — 1966; X — 1967; XII/I — 1969; XIV/I — 1971) и «Хисторијског зборника» в Загребу (XIX—XX, 1966—1967; XXIII—XXIV, 1970—1971).

Труд М. Спремича отличается высокая степень доказательности: он насыщен (иногда даже перегружен) обильным материалом, извлеченным из архивов, новейших или полузабытых публикаций. На первом месте естественно оказался дубровницкий архив — неаполитанский сборник в сентябре 1943 г., автор изучил здесь десятки томов (volumi). В фондах «Diversa Notariae» он использовал 49, «Lamenta de foris» (внешние жалобы) — 43, «Diversa Cancellariae» — 35 volumi. Приятно отметить, что автор использовал в работе 7 публикаций В. Макушева, вышедших в 1874—1905 гг., он отлично знает современную французскую и итальянскую литературу.

Но судить об этой осведомленности автора приходится не по основному тексту книги, а по примечаниям, которые, хоть и велики, составляя четвертую часть книги, но упрятаны в конец ее. Только здесь и можно по-настоящему обнаружить предшественников М. Спремича — сам он о них говорит скользко, белло перечисляя несколько имен в начале работы. В этом — один из недостатков книги, в ней начисто отсутствует элемент историографии, и по отношению ко всей книге и по отношению к отдельным ее главам. Оторванность от существующей историографической традиции сказывается и в том, что автор почти игнорирует связь изученного им периода с предшествующим и последующим временем в истории Адриатики. А между тем активные связи Дубровника с Италией начались отнюдь не в XV в. И «высветив» в своей книге одно только полустолетие, отказавшись от сопоставления его с другим временем и другим материалом, М. Спремич лишил и себя и читателя возможности увидеть общую линию развития дубровницко-итальянских связей.

Естественно, что, не ознакомив читателя с тем, в каком русле шла работа исследователей по этой теме, автор не дает

представления и о направлении, в котором будет идти и его собственное исследование — в работе отсутствует постановка проблемы. Нет и характеристики целей предстоящего исследования, если не считать краткого замечания о том, что в первой части работы будут изложены политические, а в другой — экономические отношения (стр. 4).

Но вернемся еще раз к достоинствам книги. Нельзя не обратить внимания на то, что книга густо «населена людьми». Дело даже не в том, что автор отвел третий раздел ее под «Людей и дела» (первые два — «Политические...» и «Экономические отношения»), хотя этот раздел достаточно интересен. Он посвящен обмену специалистами — врачи, ветеринары, инженеры, пушкари едут в Дубровник, а судостроители, камнерезы, ювелиры — в Апулию, и найму в Дубровнике домашней прислуги для работы в Италии. Дело скорее в том, что весь анализ, сделанный М. Спремичем, пронизан интересом к человеческим судьбам. Выражение этого интереса — в биографиях, служебных и коммерческих, индивидуальных и семейных, развернутых и кратких, которыми густо усеяна книга. Самые яркие — это биографии Иоанна Спартериуса из Каталонии, прожившего в Дубровнике тридцать лет (стр. 71—73), семейства Флорио (стр. 73—75) и особенно выдающегося купца, теоретика коммерческого дела, автора широко известного труда «Della mercatura e del mercante perfetto» Бенко (Бенедикта) Котрулевича (стр. 96—102).

Не всегда легко читать книгу Момчило Спремича — над ее обильным и густо расположенным материалом необходимо много и вдумчиво работать. Явное достоинство книги, не менее важное чем ее обстоятельность — новизна темы и тонкий анализ.

М. М. Фрейденберг

THEODOR LEWANDOWSKI. Das mittelniederdeutsche Zwiesgespräch zwischen dem Leben und dem Tode und seine altrussische Übersetzung. Böhlau Verlag, Köln—Wien, 1972. (Slavistische Forschungen, Hrsg. von R. Olesch, Bd. XII)

Т. ЛЕВАНДОВСКИЙ. Средненижненемецкий «диалог между жизнью и смертью» и его древнерусский перевод

Рецензируемая книга представляет собой контрастное исследование методом («eine kontrastive Studie») «диалога между жизнью и смертью», написанного в XV в. на средненижненемецком наречии, и его древнерусского перевода конца XV в. в Новгороде. В предисловии автор

приносит благодарность Н. А. Мещерскому, который обратил его внимание на еще не исследованное ранее лингвистически отношение между этими двумя текстами, а также Р. И. Аванесову за советы и помощь.

Во введении и 1-ой главе Т. Леван-

довский подробно рассматривает историю и происхождение нижненемецкого текста, его перевода в Новгороде в последнем десятилетии XV в. Во 2-й главе дается нижненемецкий текст, его перевод на современный немецкий язык, древнерусский перевод, его первая и вторая переделки и перевод их на современный русский язык. Славянский текст дается всюду в латинской графике. В 3-й главе, основной, ведется контрастное изучение текстов, и в последней, 4-й, главе изложено литературное развитие двоесловия. В конце приложена обширная библиография, где большое место занимают работы русских и советских лингвистов.

Т. Левандовский подробно исследует историю изучения текста нижненемецкого диалога, начиная со времени его открытия в 1876 г. Вильгельмом Мантельсом в молитвеннике XV в., на страницах которого были наклеены отпечатки, проводит параллели между *Fastnachtspiel*, *Dialogus mortis cum homine* и рассматривает вопрос о происхождении диалога. Опираясь на предшествующие исследования, он считает, что этот диалог переведен в Новгороде в последнем десятилетии XV в. и относится к деятельности геннадиевского кружка, где переводили не только библейские тексты, но и другие, например, *Lucidarius* (около 1500 г., как предполагал Д. Чижевский), *Gaerde der Suntheit*, *Rationes breves magni rabi Samuelis*, *Secreta secretorum*. Этот диалог не случайно был переведен в то время. События чисто политического характера, в частности, падение Византии, способствуют обострению интереса к вопросам жизни и смерти, конца мира. В связи с этим появляется целый ряд переводных сочинений эсхатологического характера (например, *Rationale divinorum officiorum*, *De messia ejusque adventu*, *De adventu messiae*).

Далее следует общая краткая характеристика языка оригинала и перевода. Известно, что средневерхненемецкий язык был связан с рыцарско-придворной культурой, средненижненемецкий же был связан с городом. Он достигает широкого распространения в XV в. как средство связи между городами. Влияние и значение средненижненемецкого было связано с мощью и развитием Ганзы. Нижненемецкий диалог написан в стихотворной форме, тоническим стихом с рифмой. На какой язык сделан перевод? Этот сложный вопрос автор разрешает верно: на русский литературный книжный язык XVI в., основу которого составлял церковнославянский. Т. Левандовский считает, что с течением времени с возникновением новых редакций происходит «обрусение» перевода, т. е. приближение его языка к разговорному языку (стр. 49) и приводится пример: *wen ek alrede by one was* (9b) — *егда аа уже с ними сы* (стр. 49).

«Сы» с точки зрения восточнославянского языка кажется уже неуместным, потому оно устраняется в последующих редакциях. Нам кажется, что двоесловие во всех первых и позднейших переработках остается неизменно книжным по стилю, хотя и можно кое-где найти отдельные вкрапления живой речи.

Прежде чем приступить к разбору лингвистического исследования, надо отметить, что автор говорит не о первой, второй, третьей редакции, как это сделано в книге Р. П. Дмитриевой «Повесть о споре жизни и смерти» (М. — Л., «Наука», 1964), а о переводе, первой переработке, второй переработке, что, с нашей точки зрения, удачнее, так как это заранее исключает предположение, что автор второй переработки пользовался первой, а не переводом. Анализ текстов как раз показывает, что между первой и второй переделкой нет связи, например: *wat is dat krumme tauwe* (3a) — *что есть сиа снасть криваа*, первая переработка: *и что есть сие кривое орудие*, вторая переработка: *и что сиа снасть криваа* (стр. 64).

Т. Левандовский называет свое исследование контрастным. Это — сопоставление оригинала и перевода как двух языковых систем, наблюдение над тем, как понятия одной языковой системы передаются понятиями другой. Это касается не только грамматики, лексики, но и литературоведческих категорий: композиции, образов.

Относительно изменения в композиции автор отмечает, что в переводе теряется драматичность последних слов *Жизни*, которые остаются без ответа в оригинале, благодаря тому, что переводчик делает фразу Августина ответом как раз на эти слова, к тому же последнее предложение оригинала он переделывает синтаксически: сочинительная связь заменяется подчинительной с союзом «когда» и личная конструкция среднего предложения переводится в безличную. Ослабляется напряженность и тем, что в середине диалога как кульминация есть такие слова, подсказанные латинским оригиналом: *Bistu eyn meyger, so meyge din korne* (4a) (лат. *si es messor, ideo non metes nisi messes*) — *и ты косец, коси свой плод* (стр. 66). В переводе это передано бессоюзным сложноподчиненным предложением, благодаря чему теряется напряженность и драматичность.

Т. Левандовский справедливо указывает на то, что переводчик, а потом и авторы дальнейших редакций старались заменить сравнения и образы, свойственные нижненемецкому тексту, другими, которые были бы знакомы древнерусскому читателю, например: *Du brammest recht so eyn panthegeter* (1a) — *ты реешь поистине яко пантер* (стр. 60). Тут же есть глосса: *пантер есть звърь подобен волку* (стр. 60). Образ пантеры часто встречается в западной средневековой лите-

ратуре (например, в «Песни о Нибелунгах»), но он чужд древнерусскому читателю. Во второй переделке добавляется образ «лва страшна» (стр. 60).

Автор отмечает, что при недостаточном знании средневерхнемецкого переводчик обладал хорошим языковым чутьем, которое позволило ему удачно преодолеть лексические и синтаксические трудности оригинала. Как свидетельство этого приводится перевод многозначного и многофункционального союза *dat*, который передается *еже, юже, что, яже, яко, да*.

Контрастивное исследование предполагает использование статистических данных. Поэтому Т. Левандовский приводит подсчет общего числа слов в оригинале (527), переводе (437) и первой переработке (535), который показывает, что в переводе меньше слов, чем в оригинале. Автор доказывает, что это различие получается за счет особенностей структуры языка перевода, который является более синтетическим, чем средневерхне-немецкий, например, отсутствие артиклей, двойного отрицания: *en nicht* (2b) — не (стр. 63), синтетическое выражение времени: *hebbe geslagen* (2a) — низложил (стр. 62), падежа: *myt mynem swerde* (2a) — мечем моим (стр. 62), опущение связки: *wat is din beghere* (3a) — что твоё желание (стр. 64) и т. д.

Анализируя тексты с точки зрения морфологии, автор останавливается на нескольких вопросах. Один из них — отношение переводчика к артиклю. То, что обозначает нижне-немецкий артикль — падеж, род, число, — передается им флексией. Но в некоторых случаях, когда артикль имеет указательную функцию, он переводится и указательным местоимением: *Wat is dat krumme tauwe* (3a) — что есть сия снасть криваа (стр. 64). С передачей глагольных времен картина более сложная. Т. Левандовский указывает, что в древнерусском время переплеталось с глагольным видом, наряду с противопоставлением времен существовало противопоставление перфективности — имперфективности, и переводчик времени нижне-немецкого текста интерпретирует в зависимости от контекста и ситуации, чтобы их выразить в своей системе времен.

Автор убедительно доказывает, что сложная передача нижне-немецких времен на русский обуславливается большой ролью глагольного вида. Например, немецкий презенс — основа диалога — переводится или презенсом или будущим: *he kummet* (8b) — придет (стр. 75), или даже аористом, если это глагол перфективный: *du kummet* (7a) — ты приде (стр. 72).

При рассмотрении местоимений оказывается, что в переводе их гораздо меньше, чем в оригинале, и число их уменьшается в дальнейших переработках текста.

При передаче существительных интересным оказывается тот факт, что наиболее постоянно совпадение в именительном и винительном падежах. Отступление наблюдается только там, где есть отрицание и потому винительный заменяется родительным. Большие расхождения обнаруживаются при передаче нижне-немецкого дательного падежа, который переводится родительным, дательным, винительным и местным.

Подсчет синтаксических единиц наглядно показывает, что переводчик и автор первой переработки стремились к точной передаче синтаксических конструкций. (Количество замкнутых синтаксических конструкций 45, 46, 45, структурно независимых предложений 60, 59, 58, зависимых предложений 20, 20, 25 и т. д.). Несмотря на это, переводчик в некоторых случаях все же отступает от оригинала. Например, *Ik bin, de nicht ensucht* (1b). Конструкция с относительным местоимением, которое выступает и как указательное, переводится причастием настоящего времени в именительном падеже: *Az esmь въдыхаяй* (стр. 61). В подтверждение распространения подобных конструкций Т. Левандовский приводит пример из Мариинского и Зографского евангелия и Синайского евхология.

То, что отличает немецкое предложение от русского, — это твердый порядок слов, строго определенное положение *verbum finitum*. Переводчик располагал слова, руководствуясь своими соображениями, а не оригиналом. Например, он может разрывать личной формой атрибутивную синтагму: *Ik bin in groten sorden* (9a) — въ великих есмь нуждах (стр. 76). Иногда переводчик явно руководствовался соображениями ритма: *He wolde lyden den bitteren dod* (6b) — Изволилъ пострадати смерть горкую (стр. 71); *vele worth* (7a) — словеса многа (стр. 73). Постпозиция подчеркивает атрибутивность.

Несмотря на различия и отклонения, обнаруживается структурное сходство между средневерхне-немецким и книжным русским языком XVI в., например, в семантической роли второго именительного [срв. одну модель: Subst. (Pron.) N + V fin. + Subst. (Pron.) N — *Ik bin de dod* → аз есмь смерть (стр. 65)], в относительно свободной расстановке слов в придаточном предложении в средне-верхне-немецком.

В заключение своего интересного исследования автор выражает свое согласие с Н. А. Мещерским в отношении того, что русская переводная литература XI—XVI вв. составляет единое и замкнутое целое. Ее традиции были нарушены в XVII в. В противоположность лингвистам, которые полагали, что русские и вообще славянские переводчики в этот период рабски следовали оригиналу,

Т. Левандовский глубоким и точным анализом убедительно показывает, что переводчик диалога не чинил насилия над формами своего языка. Чтобы лучше выразить религиозно-дидактическое содержание, он следовал композиции диалога. Хотя он и не смог передать тоническую метрику и рифму оригинала, все же ритмическая речь у него встречается, особенно к концу диалога. Его принципы

перевода диалога те же, какие были и у первых переводчиков евангелия. Но не только этим выводом важна книга Т. Левандовского. На примере небольшого текста им показаны преимущества контрастивного метода исследования, имеющего целью не только глубокий анализ перевода, но и демонстрацию различия и сходства двух языковых систем.

М. А. Момина

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ 1973—1974 гг. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

В е т л у г и н А. К. КПСС и братские партии о строительстве развитого социалистического общества. *Вопр. обществ. наук*, Киев, 1973, вып. 16.

Д о б р и я н о в В. Об этапах развития социализма и критериях его зрелости. *Вопр. философии*, 1973, № 7.

К л е п а ц к и й Л. Н. О закономерностях развития мировой системы социализма. *Науч. коммунизм*, 1974, № 2.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика.*

Б и л я к В. Укреплять фундамент позитивных сдвигов. (Роль КПЧ во внешней политике страны на современном этапе). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 1.

Договор о взаимных отношениях между Чехословацкой Социалистической Республикой и Федеративной Республикой Германии. (Подписан в Праге 11 декабря 1973 г.), *Международ. жизнь*, 1974, № 2.

Ж и л е н к о Ю., С и п о л с В. Основы внешнеполитической деятельности социалистических государств. (Научная конференция «Ленинские принципы — основа внешнеполитической деятельности социалистических стран» с участием ученых социалистических стран. Киев, 12—13 декабря, 1973 г.), 1972, № 2.

К а б а ч е к В. М. Підтримка Радянським Союзом зовнішньополітичної діяльності Народної Югославії в період стабілізації міжнародного становища (Березень — грудень 1945 року). *Вісн. Харк. ун-ту*, 1974, № 104. Сер. історія, вип. 8.

К о з и н Б. Единство и сплоченность стран социализма. *Международ. жизнь*, 1974, № 2.

Н е ж и н с к и й Л. Н. СССР и социалистические страны Европы. (Некоторые международные проблемы разработки истории международных отношений социалистического типа.) *Вопр. истории*, 1974, № 3.

Н и к и ф о р о в Л. Сотрудничество в интересах социализма. *Международ. жизнь*, 1974, № 1.

Р о с и ц к и й Б. Интервью с заместителем председателя Чехословацкой академии наук Богумиром Росицким. (Сотрудничество Чехословацкой и Словацкой АН с латиноамериканскими странами и Кубой в 1963—1972 гг.) *Латин. Америка*, 1974, № 2.

Совещание секретарей центральных комитетов коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Москва. 22—23 января 1974 г. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1974, № 3.

Ш а в р у к И. В. Деятельность комсомола Белоруссии по дальнейшему укреплению и расширению интернациональных связей с молодежью Народной Республики Болгарии (1966—1970 гг.). (Тезисы студенческих науч. работ на IV респ. конференции по обществ. дисциплинам.) В кн. *Творчество молодых*. Минск, 1973.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

А. И. Совещание руководящих работников редакций журналов, издаваемых ЦСУ стран — членов СЭВ (30—31 VIII 1973 г.). *Вестн. статистики*, 1973, № 11.

Афонин С. Сотрудничество в производстве товаров народного потребления. Сов. торговля, 1974, № 4.

Алексеев А. В русле социалистической интеграции. (Сотрудничество социалистических стран за 25 лет деятельности СЭВ.) Мировая экономика и международные отношения, 1974, № 3.

Бобров В. Углубление научно-технического сотрудничества — одно из направлений экономической интеграции стран СЭВ. Экономика Сов. Украины, Киев, 1973, № 2.

Бодрин В. В. Экономическое районирование СФРЮ и югославская география. В кн. Экономико-географическое районирование. М., 1973.

Большов В., Валеев Ш., Газизуллин Ф. СЭВ и развитие мирового социалистического хозяйства. «Коммунист Татарии», Казань, 1974, № 1.

Бороздин Ю. Ценообразование в условиях научно-технической революции в странах — членах СЭВ. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

Бромлей Н. Я. Развитие экономических законов и распределительных отношений социализма. (Некоторые аспекты.) В кн. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973.

Будкин В. Совершенствование сотрудничества стран СЭВ в области плановой деятельности — важнейшее направление развития социалистической экономической интеграции. Экономика Сов. Украины. Киев, 1973, № 12.

Булаш М. Развитие международного социалистического рынка и валютно-финансовых отношений стран СЭВ в условиях социалистической интеграции. Экономика Сов. Украины. Киев, 1974, № 3.

Виноградов В. Д. Строительство развитого социализма и международная социалистическая интеграция. Вестн. Ленингр. ун-та, 1974, № 5. Экономика, философия, право, вып. 1.

Виттиг П. Сотрудничество в области патентной информации. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 6.

Воронин В. П. Развитие производства и системы цен в сельском хозяйстве ЧССР. Обзорная информация по вопр. ценообразования, 1973, вып. 6.

Воронков Ф. Краткий обзор развития внешней торговли стран — членов СЭВ в 1972 г. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 6.

Бух М. Управление и планирование в отраслях народнохозяйственного аграрно-промышленного комплекса в странах СЭВ. План. хоз-во, 1974, № 4.

Гаман И. Проблемы развития народного хозяйства — главное направление партийной работы. В кн. Интерна-

циональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

Голубушин Ю. Торговля укрепляет дружбу. (Внешнеторговое сотрудничество стран СЭВ) «Под знаменем ленинизма». Киев, 1974, № 5.

Гольдзамт Э. Промежуточная зона между деревней и городом и перспективы расселения. По материалам стран СЭВ: ВНР, ПНР, ЧССР. В кн. Город и время. М., 1973.

Гремячка Я. Д. Система закупочных цен на сельскохозяйственные продукты в ПНР. Обзорная информация по вопр. ценообразования, 1973, вып. 6.

Гришин Я. Я. Развитие госхозов в ПНР. 1949—1968 гг. В кн. Сборник аспирантских работ. Казань, 1973.

XV лет Совета Экономической Взаимопомощи (передовая). План. хоз-во, 1974, № 4.

Добровичинский М. Экономическое сотрудничество Польской Народной Республики со странами Азии и Африки. «Народы Азии и Африки», 1973, № 4.

Егорычева И. Н. Валютно-финансовые вопросы социалистической интеграции. «Финансы СССР», 1973, № 10.

Зевин П. З. Сотрудничество с социалистическими странами как фактор научно-технического прогресса развивающихся государств. В кн. Научно-техническая революция и развивающиеся страны. М., 1973.

Зикуев В. Сотрудничество Совета Экономической Взаимопомощи и Финляндской Республики. Внешн. торговля, 1974, № 3.

Иванов Н. О сближении и выравнивании уровней экономического развития стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 4.

Ильин А. И. Дружба, сотрудничество, взаимопомощь. (Сотрудничество стран — членов СЭВ в области транспорта.) Ж.-д. транспорт, 1974, № 1.

Кавко А. К. Рабочий класс Польши. (Развитие и структурные изменения за 1950—1970 гг. Сравнительные данные с 1931 г.) Рабочий класс и соврем. мир. 1973, № 6.

Каменов Е., Вылчев Т., Малхасян Э. Экономические связи Болгарии с развивающимися странами. В кн. Экономические проблемы Африки. М., 1974.

Каримов К. К. Узбекистан в экономическом и культурном сотрудничестве СССР со странами — членами СЭВ. В кн. Великая сила дружбы народов. Ташкент, 1973.

Клошевич Л. Идеи города и вопросы перспективного расселения в Польше. В кн. Города и время. М., 1973.

Козлов И. 25 лет СЭВ: итоги и перспективы. Коммунист Вооруж. Сил, 1974, 6,

Колесников А. Н. Социалистическая интеграция и повышение эффективности общественного производства. Уч. зап. Горьк. ун-та, 1973, вып. 183.

Коломиец Б. Г. Международная специализация и ее влияние на развитие внешней торговли машинами и оборудованием в социалистических странах. Экон. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1973, вып. 3.

Круковски Ю. Роль сельскохозяйственных кружков в процессе механизации сельского хозяйства Польши. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1974, № 2.

Крутько В. Энергетический пояс Югославии. «Новое время», 1974, 15 марта, № 11.

Кубик Я. Производственная кооперация — инструмент экономической интеграции между ЧССР и СССР. План. хоз-во, 1974, № 4.

Кукель Я. Научно-техническая революция и система управления народным хозяйством. В кн. «Научно-техническая революция и социальный прогресс». Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 7. М., 1974.

Кутта Ф. Научно-техническая революция и управление. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 2. М., 1974.

Кухарев Н. М. Куба в социалистическом содружестве. Латин. Америка, 1974, № 2.

Лапорова Г. Некоторые проблемы торговых связей стран — членов СЭВ с развивающимися странами. Уч. зап. Моск. ин-та междунар. отношений, 1972, вып. 2.

Лебедев П. Н. Проблема подготовки кадров в Польской Народной Республике в условиях борьбы за создание материально-технической базы социализма. В кн. Проблемы эффективного использования трудовых ресурсов и экономики образования. М., 1973.

Леще в А. Плодотворное сотрудничество статистиков стран — членов СЭВ. Вестн. статистики, 1974, № 3.

Луценко М. Н. Сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии животноводства. «Животноводство», 1974, № 1.

Макеев А. В. Деятельность Московской партийной организации по развитию производственного сотрудничества рабочего класса столицы с рабочими социалистических стран (1966—1970 гг.). Сб. аспирантских науч. статей Моск. ун-та, 1974, вып. 4.

Максимова М. Всемирное хозяйство и международное экономическое сотрудничество. Мировая экономика и междунар. отношения, 1974, № 4.

Масленников И. Экономическая интеграция и развитие морского флота стран СЭВ. «Морской сборник», 1974, № 3.

Микова Л., Ногавица В., Ржигала Л. Эффективность научно-технического прогресса и капитальных вложений. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 5. М., 1974.

Миккульский К. Международное значение социалистической экономической интеграции. «Коммунист», 1973, № 12.

Миккульский К. Проблемы рационального использования трудового потенциала стран СЭВ в условиях научно-технической революции. В кн. «Научно-техническая революция и социальный прогресс». Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 8. М., 1974.

Миросниченко К. Г. За дальнейшее укрепление коллективной социалистической валюты — переводного рубля. «Финансы СССР», 1974, № 2.

Митрофанова Н. Перспективы дальнейшего совершенствования внешне-торговых цен социалистических стран. План. хоз-во, 1974, № 4.

Моисеевко В. На принципах социалистического интернационализма. (Торговые обороты между странами СЭВ за 1950—1970 гг.). Внешн. торговля, 1973, № 11.

Мюллер К. Функционирование системы «наука — техника — производство» в рамках стран социалистического содружества. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 1. М., 1974.

Найдо Ю. Г., Серебров П. И. К вопросу о показателях выравнивания уровней экономического развития стран — членов СЭВ. В кн. Научно-технический прогресс и соревнование двух систем. Владимир, 1973.

О Международном научном симпозиуме «Теоретические проблемы валютно-кредитных отношений в мировой социалистической системе». (Апрель 1973 г. Участники — страны — члены СЭВ). Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 5.

Ольшаный А. И. Перу и страны СЭВ. (1968—1972 гг.). Латин. Америка, 1974, № 2.

Пазаров Н. Народная Республика Болгария в системе социалистической экономической интеграции. Вопр. экономики, 1973, № 10.

Патоличев Н. Торговля СССР со странами — членами СЭВ. «Новое время», 1974, 1 февр., № 5.

Пехотка М., Пехотка К. Тенденции формирования жилых комплексов в польских городах. В кн. Город и время. М., 1973.

Пенков И., Кынчев Д. Аграрно-промышленные комплексы в Народной Республике Болгарии. «География в школе», 1974, № 1.

Петковски Д., Соколов П. Влияние научно-технического прогресса на изменение характера производственных расходов. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 5. М., 1974.

Пугачев Б. Критерии зрелости материально-технической базы социализма. Экон. науки, 1974, № 4.

Радев А. Аграрно-промышленные комплексы (АПК) — форма ускорения научно-технического прогресса в сельском хозяйстве НРБ. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 2. М., 1974.

Ружичка В. К методическим вопросам измерения эффективности структурных сдвигов в экономике, вызванных научно-техническим прогрессом. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 5. М. 1974.

Рушкевич Е., Хадыняк В., Монкевич Я. Эффективность и рост эффективности в цикле наука — техника — производство. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 5. М., 1974.

Рыбаков О. Социалистическая экономическая интеграция — важная сфера народнохозяйственного планирования. План. хоз-во., 1974, № 4.

Сажина М. Учет в экономической политике внешнеэкономических условий развития страны. Экон. науки, 1974, № 4.

Селезнев Ю., Алов С. Об экономическом и научно-техническом сотрудничестве в области тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 6.

Сергеев В. Социалистическая экономическая интеграция и дальнейшее развитие экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. Экономика Сов. Украины. Киев, 1973, № 11.

Симановский М. Б. Мировая социалистическая система и государственно-монополистический капитализм. В кн. Научно-технический прогресс и со-

ревнование двух систем. Владимир, 1973.

Симановский С. И., Симановский И. Б. Социалистическая система и патентно-лицензионные отношения капиталистических стран. В кн. Научно-технический прогресс и соревнование двух систем. Владимир, 1973.

Скопцов Г. По пути экономической интеграции. К 25-летию Совета Экономической Взаимопомощи. «Коммунист Узбекистана». Ташкент, 1974, № 1.

Совершенствование методов и форм планирования и экономического управления в строительстве. Симпозиум по обмену опытом стран — членов СЭВ. Октябрь 1972, Москва. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 5.

Соловьева К. СЭВ — четверть века. Экон. науки, 1974, № 3.

Соловьева К. Ф. Социалистическая экономическая интеграция — закономерность развития стран социализма. В кн. Актуальные проблемы политической экономии. М., 1973.

Сопневская Х. Цены и экономическое стимулирование научно-технического прогресса в ПНР. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

Сотрудничество в области охраны окружающей среды. (Страны СЭВ). Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 5.

Спиридонова Г. Е. Закупочные цены в сельском хозяйстве Болгарии. Обзорная информация по вопр. ценообразования, 1973, вып. 6.

Спрух В. Влияние научно-технической революции на систему управления в промышленности Польской Народной Республики. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 2. М., 1974.

Степанов В. П. Договори міжнародних організацій соціалістичних країн. «Проблеми правознавства», Київ, 1974, вип. 28.

Сущинская И. Ю. Социалистическая экономическая интеграция и научно-техническая революция. «Коммунист Украины». Киев, 1974, № 3.

Сыев Г. Роль цен в ускорении научно-технического прогресса в НРБ. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

Тодоров К. Сотрудничество стран — членов СЭВ и СФРЮ в области перевозок внешнеторговых грузов по реке Дунаю. Бюл. экон. информации СЭВ, 1973, № 5.

Толкунова В. Н. Охрана труда женщин в европейских социалистических странах. Сов. государство и право, 1974, № 3.

Устименко В. В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в жилищном строительстве (1966—1974). Жил. стр-во, 1974, № 1.

Цолов Т. Путь прогресса. Итоги и перспективы работы СЭВ. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1974, № 1.

Чуканов О. Живое воплощение социалистического интернационализма. К 25-летию Совета Экономической Взаимопомощи. «Коммунист», 1974, № 2.

Шевлякова Н. О ходе реализации пятилетнего плана развития экономики Польши (1971—1975 гг.). Бюлл. иностр. коммерч. информации, 1973, 19 дек., № 14.

Шеппенко П. Международное совещание экономистов-аграрников стран СЭВ. (Киев. Сентябрь 1973 г.) Экономика Сов. Украины, Киев, 1973, № 11.

Ширяев Ю. Социалистическая интеграция как процесс планомерного кооперирования народнохозяйственных комплексов стран СЭВ. План. хоз-во, 1974, № 4.

Штыбер В. Экономическое воздействие цен на повышение эффективности народного хозяйства ПНР. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

Экономическая интеграция в современном мире. (Участие болгарских экономистов в диспуте журнала по вопросу о сущности интеграции и тенденциях ее развития.) «Проблемы мира и социализма». Прага, 1973, № 11.

Янэчек В., Кноблох В. Ценообразование как механизм стимулирования научно-технического прогресса в ЧССР. В кн. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в социалистических странах. М., 1973.

4. Коммунистические партии социалистических стран

Абрамов Р. Значение наследия Георгия Димитрова в борьбе против антикоммунизма и ревизионизма. В кн. Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.

Бейда В. Политическая агитация в Чехословакии. (Идеологическая работа КПЧ в 1969—1973 гг.) «Агитатор», 1974, № 1.

Грабовский Л. Идеиное и организационное единство партийных рядов — залог осуществления руководящей роли партии в социалистическом обществе. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

Добешевский А. Сила, цементирующая и преобразующая общество. (Руководящая роль ПОРП в жизни страны) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 4.

Ионова Т. Б. Борьба коммунистической партии Чехословакии за вос-

создание единой молодежной организации. В кн. Современная идеологическая борьба и молодежь, вып. 1. М., 1973.

Карас К. Вопросы членства и регулирования социального состава коммунистической партии в свете исторического опыта КПЧ. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

Пецка Ф. Демократический централизм — гарантия участия коммунистов в разработке и осуществлении политики партии. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

Ракас М. Газета «Коммунист» и подготовка к X съезду СКЮ. (Интервью с ответственным редактором газеты.) «Проблемы мира и социализма». Прага, 1974, № 4.

Сыхра И. Правильный подбор, расстановка и воспитание кадров — необходимое условие успешной деятельности коммунистической партии. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

Шлапка Г. Рост политической и трудовой активности коммунистов. Парт. жизнь, 1974, № 5.

5. Государственное строительство. Право

Бромлей Н. Я. Общественное развитие и некоторые проблемы управления при социализме. В кн. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973.

Бромлей Н. Я. Преобразование социально-классовых и национальных отношений. В кн. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973.

Бухарин Н. И., Кавко А. К. Развитие социальной структуры Польской Народной Республики. (Обзор польской литературы) Научн. коммунизм, 1974, № 2.

Гельбрас В. Г. О некоторых аспектах социального развития рабочего класса стран социализма. В кн. Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.

Гельфер М. Ответственность за преступные посягательства на социалистическую собственность. Соц. законность, 1974, № 3.

Гяуров К. Живое творчество масс. Социалистическое соревнование и развитие личности (в НРБ). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 4.

Жуковский Я. Урбанизация и изменение социальных отношений города и деревни. (В Польше). В кн. Город и время. М., 1973.

Завадский С. Самоуправление жителей городов в механизме социалистической демократии. (Структура городского самоуправления в ПНР.) В кн. Актуальные проблемы социалистического государственного управления. Сов.-польск. совместное исследование. Иркутск — Варшава, 1973.

Зарембска Т. Историко-градостроительные исследования к генеральным планам реконструкции старинных городов. Польские исследования с 1950 г. В кн. Город и время. М., 1973.

Кежун В. Влияние научно-технической революции на администрацию. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 2. М., 1974.

Королева Н. Д. Право преследования по законодательству социалистических стран (НРБ, ГДР, ПНР, СССР, СФРЮ). Материалы по морскому праву и междунар. торговому мореплаванию, 1974, вып. 6.

Лопатка А. Роль рабочего класса в строительстве социализма в Польше. В кн. Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.

Маржик В. Деятельность профсоюзов по укреплению трудовых взаимоотношений и проведению социальной политики партии. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

Мураметс О. Правовое воспитание трудящихся в Народной Республике Болгарии. Сов. право. Таллин, 1974, № 5.

Новикова С. С. Развитие законодательства об отзыве депутата в Народной Республике Болгарии. «Проблемы государства и права на современном этапе», 1973, вып. 7.

Спасов В. Научно-техническая революция и развитие представительных органов. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 2. М., 1974.

Страшун Б. Новая конституция социалистической Югославии. (от 21 II 1974 г.) Междунар. жизнь, 1974, № 4.

Урланис Е. Б., Яни С. А. Право как инструмент демографической политики социалистической Чехословакии. Сов. государство и право, 1974, № 2.

Усенко Е. Т. Правовые аспекты комплексной программы социалистической экономической интеграции. Сов. государство и право, 1973, № 7.

Филипец Й. О проявлениях ревизионизма в Чехословакии в период кризиса. В кн. Актуальные проблемы борьбы с антикоммунизмом. М., 1973.

Шэфлер С. Некоторые общественные результаты научно-технической революции. В кн. «Научно-техническая революция и социальный прогресс». Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 2. М., 1974.

Яшик Л. Ответственность коммунистов за осуществление ленинских принципов строительства и деятельности профсоюзов. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных. Вопр. истории, 1974, № 3.

Афанасьев Н. Из истории содружества советских и чехословацких партизан (1942—1944 гг.). Воен.-ист. журн., 1974, № 4.

Бижун В. К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии. (На примере формирования взглядов Любена Каравелова.) В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

Бирман М. А. Борьба левых социал-демократов Германии против империалистической войны и болгарские тесняки в 1914—1915 гг. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Бланк А. С. Антиславянские мотивы в программных документах и пропаганде гитлеровцев (1919—1932 гг.) В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Волков В. К. Внешнеполитические концепции германского империализма и их проявление в отношениях со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Гибянский Л. Я. Потсдам и Юго-Восточная Европа (Некоторые вопросы истории дипломатической борьбы). В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Глебов В. Л. Основные черты и приемы германской политики на Балканах в конце XIX — начале XX в. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Григорьянц Т. Ю. К вопросу о преемственности империалистической германизаторской политики и планов колонизации западных польских земель в период первой и второй мировых войн. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Духанов М. М. Вопросы «национальной государственности» народов

Центральной и Восточной Европы в работах. Г. Ротфельса. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Ж и в к о в Т. Революционный опыт — оружие рабочего класса. (Интервью редакции журнала в связи с 50-летием Сентябрьского восстания.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 9.

З а й ц е в В. В. Германская политика на Балканах и позиция Англии в период Лондонской конференции послов великих держав 1912—1913 гг. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

З е л е п у г и н а В. В. Проблема союза рабочего класса с крестьянством в трудах болгарских марксистов — деятелей Коминтерна (На примере анализа истории крестьянского управления в Болгарии в 1920—1923 гг.). В кн. Сборник аспирантских работ. Казань, 1973.

З о г р а ф с к и Д. Европейские державы и Балканы в начале XX в. (1900—1914 гг.). В кн. Международные конгрессы исторических наук, 13-й. Москва, 1970, т. I, ч. 6, М., 1974.

З у е в Ф. Г. Фашистская угроза и проблемы коллективной безопасности в Европе в 30-е годы (Восточный пакт). В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

К а с а б я н З. М. Прием и поселение переселенцев-армян в Болгарии. (1922—1923). Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1974, № 1.

К л и м о в с к и й Д. С. Антипольская политика германского империализма в преддверии Локарно (В свете донесений польского посланника в Берлине Казимира Ольшовского). В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

К о с е в Д. Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии. «Новая и новейшая история», 1973, № 5.

Л о с и н с к и й В. В. Материалы по истории мюнхенской политики Англии. Сов. архивы, 1973, № 1.

М а м ы ш е в М. Б. Итальяно-Югославский пакт и Балканская Антанта. Уч. зап. Азерб. ун-та. Сер. ист. и филос. наук., 1973, № 6.

М а н у с е в и ч А. Я. У истоков «санации». (Исторические предпосылки и характер переворота Пилсудского в мае 1926 г.) «Новая и новейшая история», 1974, № 2.

М и т р я е в А. І. Про оцінку в радянській історіографії соціальної суті ідеології і позицій Петра Хельцицького та Яна Желівського в гуситському русі. Вісн. Харк. ун-ту, 1974, № 104, Сер. історія, вип. 8.

М ы л ь н и к о в А. С. «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в. К вопросу о вызревании национального самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формиро-

вания наций. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Научитель М., Тагаров З. Рукопись польского революционера. (Театраль Казимира Ратынского периода сибирской ссылки 40-х годов с изложением положений марксизма.) «Полярная звезда». Якутск, 1974, № 1.

Н о с к о в а А. Ф. Ограбление нацистами оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Обушенкова Л. А. Влияние польского национально-освободительного движения на развитие национального самосознания (конец XVIII — 60-е годы XIX в.). В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

П о п И. И. Восточная политика центральных держав после Брестского мира. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Р а т н е р Н. Д. Реакция имущих классов славянских национальностей в Австрии на образование Германской империи. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Р е з о н о в П. И. К вопросу о происхождении и развитии социально-политических взглядов таборитов. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

С в а н и д з е А. А. Проблемы феодализма и раннего капитализма в странах Балтики. (Вторая региональная конференция историков СССР, ГДР, ПНР. Эстония 14—17 марта 1972 г.) В кн. Средние века, вып. 37. М., 1973.

С и н и ц а В. И. Проблема югославянской эмиграции в русской политике 50—60-х годов XVIII в. Вестн. Беларус. ун-та. Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, права, 1974, № 1.

Ф а р б м а н Н. В. К вопросу об антипольской политике германского империализма в 1918—1922 гг. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Х е н е г а р Г. И. Румыния и политика Тройственного союза в Юго-Восточной Европе в 1908—1909 гг. В кн. Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Я с т р е б и ц к а я А. Л. Расчетная книга типографа и издателя Петера Драха из Шпейера как источник для изучения германо-чешских хозяйственных и культурных связей в последние десятилетия XV в. В кн. Вопросы историографии и источниковедения славяногерманских отношений. М., 1973.

2. Культура и наука

А. М. В повестке дня — вопросы критики. (Информация о советско-болгарской встрече на тему: «Задачи литературной

критики в условиях современной идеологической жизни». Москва, 1973 г.) Вопр. лит., 1974.

А д л о в а В. О литературе для девочек. (Очерк состояния детской литературы в Чехословакии за 1945—1972 гг.) Дет. лит., 1973, № 12.

А н г о в К. Характер героя и концепция писателя. Заметки о современной болгарской прозе. «Москва», 1973, № 6.

А н к у д о в и ч Я. Динамика развития чтения в городе и деревне. ПНР. В кн. Чтение в изменяющемся мире. М., 1974.

А р н о л ь д о в А. Мир социализма и исторические судьбы духовной культуры. (Культурная консолидация народов социалистического сотрудничества) Полит. самообразование, 1974.

А р х а н г е л ь с к и й Л. М. Сопоставление по этике ученых социалистических стран. (Варшава, 16—19 июня 1973 г.) Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1974, № 1.

Б а к у л и н а Н. В. Политическая сатира Христо Ботева и публицистика русских революционных демократов. Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Сер. обществ. наук. Ростов н/Д, 1973, № 4.

Б а р я к т о р о в и ч М. К вопросу об изменении этнического самосознания. (На материалах Югославии.) Сов. этнография, 1974, № 2.

Б а с к а к о в В. Н. Изучение русской литературы в послевоенной Польше. («Slavia orientalis» в 1952—1972 гг.), Рус. лит., 1973, № 4.

Б е л о г р а д с к а Л. Словацкий скульптор (Творчество Р. Прибиша.) «Творчество», 1974, № 2.

Б е н е в Б., Й о ц о в а М., С т о е в а Л. Проблемы научной политики в условиях научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 6. М., 1974.

Б е р н ш т е й н И. А. Человеческие судьбы и история (роман — эпопея). (Романы М. Пуймановой, Л. Ивашкевича, В. Минача, А. Зегерс, Д. Димова, М. Садовяну.) В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Б о г д а н о в А. Сущность и содержание процесса управления научно-техническим прогрессом в условиях научно-технической революции и построения развитого социалистического общества в НРБ. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 6. М., 1974.

Б о г д а н о в М. Б. Исходные основные и главные тенденции формирования сербской национальной культуры. В кн.

Культура и общество в эпоху становления наций М., 1974.

Б о г д а н о в И. А. Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Б э л з а И. Ф. Школа Эльснера и ее роль в формировании польской национальной культуры. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

В а л е н т а Ф., Р ж ы г а Л. Характер современных изменений в научно-техническом развитии и их влияние на управление процессом воспроизводства. (Научно-техническая политика в СССР после XIV съезда КПЧ). В кн. «Научно-техническая революция и социальный прогресс». Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 1. М., 1974.

В а р г о л и к Ю. Воспитывать и привлекать молодое поколение на сторону коммунизма — одна из основных задач коммунистической партии. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

В е н д р о в с к а я Р. V симпозиум педагогов-историков социалистических стран. (Москва — Ленинград, 15—21 окт. 1973 г.) Сов. педагогика, 1974, № 3.

В л а д ж и ч Д. Привычка к чтению порождает потребность в чтении. В кн. Чтение в изменяющемся мире. М., 1974.

В о е й к о в а И. Летопись человеческих судеб. (Творчество Светлина Русева.) «Художник», 1974, № 3.

В о л о ш и н С. Изучение педагогического наследия К. Д. Ушинского в Польше. Сов. педагогика, 1974, № 2.

В у а з е В. К вопросу о сущности коперниковской революции в истории мышления. В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 1. М., 1973.

Г а с п а р с к и В. Системный подход к вопросам развития науки и техники. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 1. М., 1974.

Г л о в а ц к а я Е. И. Юзеф Анджей Залуский. (К 200-летию со дня смерти.) В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом, вып. 48. М., 1974.

Г р о н с к и Ф. К проблеме формирования социалистического образа жизни в условиях научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 2. М., 1974.

Г у с е в Ю. П. Молодой герой в литературе. (Герои литературных произведений Д. Мароши, Э. Фейша, Д. Асе-

нова, К. Калчева.) В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Д а н ч е в П. Широта и цельность метода. (Проблемы социалистического реализма.) Вопр. лит., 1974, № 3.

Д и н е в а С. А. Августин Сметана и русские революционные демократы. В кн. Историко-философский сборник. Материалы теорет. конференции аспирантов филос. фак. (апрель 1973 г.). М., 1974.

Д м и т р и е в П. А. Кафедра славянской филологии накануне VII Международного съезда славистов. (Научная и учебная работа на кафедре.) Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 14. Сер. истории, яз. и лит., вып. 3.

Д о с т а л ь М. Ю. Чешские связи И. И. Срезневского в 60-е годы XIX в. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

З а г р а д к а М. Александр Фадеев в Чехословакии. (1928—1945). Рус. лит. 1974, № 1.

З а в о р к а А. Принципы партийного руководства средствами массовой информации в свете опыта КПЧ. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М.—Прага, 1973.

З л ы д н е в В. И. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Итоги и перспективы исследования.) В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

История всемирной литературы, разд. VII. Литературы Юго-Восточной Европы, т. 3, вып. 7. «Наука», 1973.

История всемирной литературы, разд. II. Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы, XII—XVII вв., т. 4, вып. 6. М., «Наука», 1973.

К а б е л и т е С. Л. Кондратович и литовский фольклор. «Пяргале» (Победа), Вильнюс, 1973, № 11.

К а в к а Г., В а н а т З. Планирование развития науки и техники — инструмент управления. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 6. М., 1974.

К и р а ш е к И. Идеи К. Д. Ушинского и прогрессивная чешская педагогика и школа. Сов. педагогика, 1974, № 2.

К о з е л е к К., Л и п о в с к и й Я. Распространение книг и библиотеки в ЧСР. В кн. Чтение в изменяющемся мире. М., 1974.

К о н д а у р о в а Л. П. Вацлав Ганка и Россия (по материалам его переписки). В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

К о р н а ц к и Я. Вопросы подготовки и совершенствования научных кадров на примере польского опыта. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум

ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 8. М., 1974.

К у з н е ц о в а Р. Осмысля коллективный опыт. (Социалистический реализм, процессы его формирования и развития, национально-историческое своеобразие. Конференция искусствоведов стран социалистического содружества.) Вопр. лит., 1974, № 3.

Л о п а т и н а Л. Е. VII Международный съезд славистов. Заметки участника съезда. Рус. речь, 1974, № 2.

Л у г о в с к и Б. Роль научной информации в период научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 1. М., 1974.

Л у к ш е н е М., П и р о г к и п а с А. Письмо Людвикаса Адамаса Юцевичюса чешскому филологу Вацлаву Ганке. «Литература», Вильнюс, 1973, № 15.

Л ь в о в а Е. Светлин Русев. (Творчество современного болгарского художника). Иностран. лит., 1974, № 4.

М а л е ц к и И. Роль фундаментальных исследований в научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 1. М., 1974.

М а л ь д и с А. И. Сравнительное литературоведение в Белоруссии. Изучение взаимодействия белорусской литературы с чешской, польской, болгарской (в Институте литературы им. Я. Купалы АН БССР). (Итоги и перспективы.) В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

М а р х е л ь В. Непрочитанные переводы из Сырокомли. (Переводы в начале XX в. Я. Лугиной, Я. Купалой, В. Карловичем произведений Сырокомли.) «Неман», 1973, № 10.

М а т у л а В., Ч у р к и я И. В. Архив М. Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40—70-е годы XIX в.) В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Н а г и е в Д. Восточные мотивы в поэзии Джуры Якшича. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1974, № 2.

Н е е д л ы Р. Проблемы эффективности науки и исследования. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 5. М., 1974.

Н е х о р о ш е в Ю. Светлин Русев. «Творчество», 1974, № 3.

Н е ч а е в К. Ярослав Гашек в Ново-николаевске. Сиб. огни. Новосибирск, 1974, № 3.

Обзина Я. Партия и воспитание интеллигенции. В кн. Интернациональное значение ленинских принципов партийного строительства. М., Прага, 1973.

Озеров В. Единство убеждений, целенаправленность действий. (Встреча редакторов литературных журналов социалистических стран. Будапешт. Осень 1973 г.). Вопр. лит., 1974, № 2.

Ольшовский Г. Соотношение между социалистическим и авангардистским литературными течениями (в польской и немецкой литературах 10—20-х годов XX в.). В кн. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973.

Павловский К., Витвицкий М. Историческая ценность городских комплексов и их охрана. (Восстановление Старого и Нового города в Варшаве, Гданьске, Вроцлаве и Ополе.) В кн. Города и время. М., 1973.

Пасиар Ш. Воспитательная миссия книги в обществе и библиопедагогика. В кн. Чтение в изменяющемся мире. М., 1974.

Пинтэр Э. Цели исследовательской политики. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция I. М., 1974.

Погорелов Я. Д., Манько А. В. Революционная и врачебная деятельность Н. А. Семашко в Болгарии 1916—1917. Сов. здравоохранение, 1973, №9.

Полянина Т. В. Я. Ф. Головацкий (1814—1888) — пропагандист славянской культуры. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Поляченко Т. В. Проблемы сотрудничества социалистических стран с Англией в сфере научных исследований и подготовки специалистов. В кн. Проблемы эффективного использования трудовых ресурсов и экономики образования. М., 1973.

Попов Г. Оценка научно-исследовательских работников — фактор совершенствования управления кадровым научным потенциалом. (Эксперимент 1973 г. в исследовательских центрах НРБ.) В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 8. М., 1974.

Проект «славянские культуры» в Болгарии. «Новости ЮНЕСКО», Париж, 1973, № 11.

Путилов Б. Н. 2-й болгарский национальный симпозиум по фольклористике. (8—11 мая 1973 г., Албены.) Сов. этнография, 1973, № 6.

Радоичич С. Н. Изображение отрока при церковном входе в сербской живописи начала XV века. В кн. Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973.

Ритчик Ю. И. Театральный вопрос в чешском национальном движении в 50—начале 60-х годов XIX в. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Садыхов М. «Его жемчужные стихи...» Заметки о польско-азербайджанских литературных связях XIX в. Лит. Азербайджан, Баку, 1973, № 12.

Свирида И. И. Некоторые особенности польской художественной жизни первой половины XIX в. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Смирнова Ю. И. О народном самосознании (По фольклорным материалам). (Фольклорные материалы славянских народов XVIII — первой половины XIX в.) В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Стасевич — Яскокова И. О воззрениях на науку выдающихся польских мыслителей эпохи Просвещения. Идеи прогрессивного польского просветителя Станислава Стапица. В кн. Международный конгресс по истории науки, 13-й. Москва, 1971, секция 1. М., 1974.

Штелецки З. Современное декоративное искусство Польши. «Декоративное искусство СССР», 1973, № 12.

Сурков Е. Д. Оккупация поэзией. (Поэма Б. Ясенского «Слово о Якубе Шеле» на сцене Польского национального театра в 1962 г.) В кн. Проблемы века — проблемы художника. М., 1973.

Суходольски Б. Перспективы высшего образования в период научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный съезд ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 8. М., 1974.

Тимофеева В. М. Первый русский перевод романа Ивана Вазова «Под игом». В кн. Весн. Беларус. ун-та. Сер. Філалогія, журналістика, педагогіка, псіхалогія, 1973, № 2.

Титова Л. Н. Из наследия словацкого просветителя Ю. Рибай. В кн. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

Толстой Н. И. Из заметок по славянской демонологии. Откуда дьяволы разные? В кн. Всесоюзный симпозиум по вторичным моделирующим системам № 1 (5), Тарту, 1974.

Тушко А. Значение науковедения для совершенствования планирования и организации науки и техники. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 6. М., 1974.

Тымовски Я. Мобильность исследователей работников. В кн. «Научно-техническая революция и социальный прогресс». Международный симпозиум

учёных и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 8. М., 1974.

Украинские и польские писатели в «Нижегородском листке». (Переводы произведений польских классиков в газете «Нижегородский листок» в 1899—1903 гг.) Вопр. лит., 1974, № 1.

Ур а з о в а Л. Коперник-73. Художественные итоги года Коперника в Польше. «Искусство». 1974, № 3.

Федоренко Д. Педагогические идеи Н. К. Крупской в Болгарии. Нар. образование, 1974, № 2.

Филипец И. Рабочий класс и современная научно-техническая революция. В кн. Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973.

Цыбенко Е. З. На съезде славистов в Варшаве. (Работа VII Международного съезда славистов. Литературоведческая проблематика). Вестн. высш. школы, 1974, № 2.

Челидзе Д. Ш. Из истории грузинско-польских литературных взаимоотношений в XIX в. В кн. Литературные взаимосвязи, 4. Тбилиси, 1974.

Яковлева Н. Б. Социалистическая концепция личности и современный роман. (Анализ романов М. Лалича и М. Селимовича. Polemica с «антропологической» концепцией С. Селенича.) В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Якимски Е. Методика оценки эффективности исследовательских работ. В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум учёных и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, 1974, секция 5. М., 1974.

3. Языковедение.

Аванесов Р. И. О древнеболгарском — (древне) церковнославянском вкладе в историю русского литературного языка. В кн. Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

Вендина Т. И. Явление конкуренции суффиксов *ik (a) — ic (a)* в славянских языках. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1974, № 2.

Владимирский Е. Ю., Манько А. В. Второй всемирный конгресс русистов. Варна, осень 1973 г. Обзор работы отдельных секций, тезисы основных докладов. Вестн. внеш. школы, 1974, № 3.

Граудина Л. К. VII Международный съезд славистов. Вопр. языковедения, 1974, № 2.

Григорян Э. А. Проект «Словаря болгаро-македонской местной географической терминологии». Молодой науч. работник, Ереван, 1973, № 1.

Давидов А. Стилистические наблюдения над «Беседой» Козмы Пресвите-

ра. В кн. Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.

Замкова В. В. «Славянизм» как термин стилистики. В кн. Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. М., 1974.

Копыленко М. М. Новые труды о переводах Кирилла и Мефодия. Вопр. языковедения, 1974, № 2.

Кохман С. К вопросу о неославянизмах. (Церковнославянский и русский языки. Русский литературный язык и другие славянские языки.) В кн. Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.

Лукин М. Ф. Субстантивация причастий в восточнославянских и болгарских языках. В кн. Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками. Симферополь, 1973.

Мирочичкий Л. П. Белорусская славистика и ее связи с Чехословакией (1956—1966 гг.). В кн. Проблемы общественных наук. Экономика, история, культура. Минск, 1973.

Романова Н. П. Русско-польские языковые связи в период XVI — начала XVIII вв. В кн. Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками. Симферополь, 1973.

Суханова М. С. Заседание Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Международном комитете славистов. Москва, 23—25 мая 1973 г. Вопр. языковедения, 1974, № 2.

Т. Ц. Обзор основных изданий по современной лингвистической балканистике. В кн. Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Москва, 1974. Предварительные материалы. (15—16 янв. 1974 г.) М., 1973.

Улуханов И. С. Славянизмы и народно-разговорная лексика в памятниках древнерусского языка XV—XVII вв. (Глаголы с приставками — *pre — pere — predъ.*) В кн. Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.

Філін Ф. П. Аб паходжанні славянскіх моў. Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1974, № 2.

Фурсенко В. И. Союзы и союзные слова в сложном предложении (в русском языке в сопоставлении с южнославянскими языками). В кн. Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками. Симферополь, 1973.

Цивьян Т. В. К семантике дома в балканских загадках. В кн. Всесоюзный симпозиум по вторичным моделирующим системам 1 (5), Тарту, 1974.

Широков О. С. Полифонемы влахо-македонских диалектов. В кн. Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1973, № 6

Г. Цанев. С ритмом времени (100 лет со дня рождения Георгия Бакалова); К. Еленков. Живопись и звукопись в поэзии Смирненского; П. Зарев. Классовая муза; В. Смоховска-Петрова. Сравнительное литературоведение на новом этапе; Л. Георгиев. Литература — жизнь и судьба; Д. Василев. Забытое и забываемое в творчестве Бориса Шивачева.

1974, № 1

А. Натев. Разговор с писателем Эмилияном Станевым: достоверность и правда; П. Тотев. Гротеск в политической сатире Георгия Киркова; К. Протохристова. Принципы изображения в поэзии Ботева; О. Деекова. Вклад П. Р. Славейкова в создание болгарской метрики; И. Знеполский. Социология детективного романа; Б. Мирчев. Проблемы послевоенного литературного развития Германии.

«Български език», 1973, № 6

И. Заимов. Стефан Илчев (По случаю его 75-летия). Д. Хаджиева, М. Наумова. Научные труды Стефана Илчева; К. Чолакова. О некоторых глаголах с аналитически оформленной структурой и их лексикографической обработке; К. Ничева. Наблюдения над лексическим составом фразеологизмов в болгарском языке; С. Иванчев. Еще раз об именах на *-ек(ов)*; И. Гылыбов. Историческая диалектология и лингвистическая география; М. Янакиев. Мысли о глотометрии собственных имен; М. Младенов. Прилагательные типа *каменен* — *камен* в болгарском языке; П. Илчев. Адаптационные отклонения книжных заимствований в ранних древнеболгарских текстах; Э. Пернишка. Проблемы терминологии и ее отражения в толковом словаре; В. Кювлиева. Родолюбивые идеи в одном слове эпохи Возрождения; И. Пенчев. Употребление союза *да* в некоторых конструкциях; Л. Крумова. Языко-стилистическая функция субстантивированных прилагательных в поэзии Н. Вапцарова и П. Пенева; С. Илчев. *Любеница* и *диня*; В. Георгиев. Этимология глагола *капура* (*м*); И. Дуриданов. Болг. *синигер*; Б. Симеонов. О происхождении и значении названия г. Перник; К. Мирчев. О сочетаниях глагола *има* + страдательное причастие прошедшего времени в болгарском языке; Л. Андрейчин. Существительные имена с суффиксом *-осия* в народной речи; К. Попов. Прилага-

тельные имена на *-ителен* и *-ателен* (*-ятелен*); Р. Русинов. Фамилии с суффиксом *-ин*; С. Спасова-Михайлова. О некоторых словах и фразеологизмах единого происхождения; М. Выгленов. Выражение «неглубокая вода» в одном говоре влахов; М. Лилов. Нормативная характеристика некоторых конструкций, обозначающих количество и качество; И. Кынчев. Об одном старом французско-немецком заимствовании; Е. Машалова. О происхождении нескольких иностранных слов в болгарском языке; А. Димова, М. Павлова. О развитии нашей лексикографии (толковые словари); Т. Костова. Диалектные тексты из р-на Ботевграда.

«Zeitschrift für Slawistik», 1974, № 1

К. Зубарева. Генрих Манн и Максим Горький; В. Витковский. Немецкая литература в Польше — польская литература в Германии; И. Чапларош. Иоганн Праун как переводчик; Ф. Гинце. Заметки по новейшей кашубской литературе; I. Алойзы Негель; Ф. Гинце. К библиографии кашубского писателя Яна Билота; Ф. Гинце. Неопубликованный вариант кашубской песни о разбойнике Мадее; К. Мюллер. Славяно-немецкая параллель заимствования; Э. Доннерт. Вольтер и петербургское Свободное Экономическое Общество; Э. Доннерт. К внешнеполитической идеологии русского общества во второй половине XVIII в.

«Kwartalnik Historyczny», 1974, № 1

Ю. Вольский. Из проблематики истории Ирана в период ранних Арсакидов; В. Урбан. Пути развития Реформации в Центральной и Восточной Европе; Л. Гросфельд. Вопрос о Хелмцине в 1918 г.; Е. В. Борейша. Италия и фашистские тенденции в балтийских странах в 1922—1940 гг.

№ 2

М. Серваньский. Французский кандидат на трон Польши во время царствования Зигмунта Августа. З. Станкевич. Зигмунт Велепольский после восстания; Ж. Л. Гофф. Является ли по-прежнему политическая история костяком истории? В. Вуазе. Первая книга о Польше на французском языке; Т. Опаса. Старые материалы об Эдварде Дембовском; М. Бискуп. Новые исследования биографии Николая Коперника; М. Гжегож. Документы торунского трактата с 1466 г.; Л. Хасе. Первая половина XX в. в польской мемуарной литературе последних лет;

Я. Рейхман. Румынские исторические публикации на иностранных языках.

«*Z pola walki*, 1973, № 4

Ф. Шляхциц. Ленинизм — основа объединения польского рабочего движения; Б. Сыздек. Объединение рабочего движения в 1948 г. Создание Польской объединенной рабочей партии; Ю. Якубовский. Политика ППР и ППС в отношении к Союзу польских учителей в 1944—1948; Е. Таргалльский. Как это в действительности было?; Н. Яихта. В действительности это было так (ответ Е. Таргалскому); Х. Цимек. КПП и революционное крестьянское движение в 1927—1932 гг.; Я. Борковский. КПП и крестьянское движение в 1931—1935 гг.; В. Матушевская. Вопросы крестьянского движения в политике КПП (1932—1937); В. Важеневский. К вопросу о научно-исследовательской работе в области истории Польской объединенной рабочей партии.

«*Pamiętnik Literacki*», 1974, № 1

В. Вейнтрауб. Религия Кохановского и польская культура эпохи Ренессанса; К. Гурский. Семантика огня в писательской практике Мицкевича; В. Липка. Барская конфедерация в «Бенёвском» Юлиуша Словацкого; Б. Закашевский. Польская поэзия Весны Народов; С. Эйле. Идеал позитивистского романа «Над Неманом» Элизы Ожешко; Т. Дობжиньская. Метафора или басня? О семантической интерпретации поэтических произведений; Е. Фарыно. О семантической интерпретации. На примере стихотворений Тадеуша Кубяка.

«*Slavia orientalis*», 1974, № 1

Л. Базылев. Россия в польско-латинской исторической литературе XVI в.; Э. Малек. Древнерусская «История о Мелюзине» и ее соотношение с польской версией романа; Б. Стемпчиньская. Достоевский и живопись. Очерк проблематики исследований; Я. Орловский. Поэзия А. К. Толстого в Польше (1870—1918 гг.); С. Поремба. Современная лирическая проза Валентина Катаева (Вокруг проблематики времени); Я. Сенкевич. Проблема комитативности в русском языке; В. Гэнсэль. Этногенез славян.

«*Język Polski*», 1974, № 1

К столетию со дня рождения Казимежа Нитча; З. Салони. Грамматическая классификация польских лексем; З. Кемпф. Склонение существительных типа *bóg, lud, rap* в древнепольском языке; С. Грабнас. Функциональ-

ная классификация социальных вариантов языка; М. Гроховский. Творительный падеж имени как обязательный или факультативный элемент семантической структуры глагола; Г. Вишневецкая. Параллелизм предлогов *dla* и *do* в отношении беспредложных конструкций; М. Бжезина. Так называемые «сандомирские» рифмы у Константина Тыминецкого (1767—1814); Ф. Сова. Диалектные тексты из Спиша; З. Броцкий. Недоразумения вокруг музыкального термина *ko (o) za*; Т. Шиманский. Мелочи польского словаря. 2. Диал. *skrzyżał*; Ф. Кубица. Предположительная родословная фамилии *Dobija*.

№ 2

К. Писаркова. Об отношениях между паратаксисом и гипотаксисом (На примере противопоставительных и уступительных предложений в польском языке); З. Салони. Грамматическая классификация польских лексем (окончание); В. Любась. Лингвистическое описание рифмы у Рождзенского; Т. Риттел. Вызваны ли своеобразные диалектные флексии глаголов влиянием русского языка? В. Борысь. Уменьшительные существительные типа *brzemiączko, ramiączko*; Б. С. Т. Мария Нелепинская; А. Стеффен. Заметки о словаре диалектов Вармии; Ф. Кубица. *Luranc* или *Jemielski*; З. Броцкий. Кто должен информировать об этимологии и истории слов?

«*Československý časopis historický*», 1974, № 2

В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе против фашистской агрессии и за коллективную безопасность в Европе; Я. Яноушек. Советская экономика в 1918—1920 гг.; Я. Кумпера. Отношение Яна Амоса Коменского к английской революции XVII в.; Э. Шимек. Чеканка монеты в Чехии во второй половине XVI века; Я. Врбата. Архивы и современность.

«*Historický časopis*», 1974, № 1

О. Р. Галага. Сукно в польско-прусской торговле городов Восточной Словакии; Д. Ковач. Закулисная сторона и значение зальбургских переговоров между Германией и Австро-Венгрией летом 1918 г.; Ф. Хрбата. Падение монархии и возникновение второй республики в Испании.

«*Slovanský přehled*», 1974, № 1

К. Герман. К шестидесятой годовщине «Славянского прегледа»; И. Гржибек. Вечно живой завет Ленина;

И. Качи. Преследование брошюр Гавличека в 1851 г.; Я. Микулка. Путешествие Станислава Пониатовского в 1784 г. через Чехию и Моравию; М. Шмерда. Венгры на коронации Марии Терезии в Праге в 1743 г. К вопросу о национальном сознании феодального общества; Л. Е. Гавлик. Славянские раннефеодалы национальности и вопрос их генезиса.

№ 2

В. Краль. В преддверии грядущего десятилетия; Я. Варва. Петроградская Академия наук и чешско-русские связи в период раннего Просвещения; А. Х. Клеванский. Ленинские принципы советской внешней политики и советско-чехословацкие отношения (1917—1922); М. Тейхман. Румынские мирные переговоры: Каир, 1944; В. Мелик. Словенцы в 60-е годы XIX в.

«Česká literatura», 1974, № 1

Л. Штолл. Зденек Неedly; Ю. Доланский. Зденек Неedly и русская литература; К. Крейчи. Вопросы литературы в сметановском исследовании Зденека Неedly; И. Зегазе. Понимание культурного наследия у Зденека Неedly; Л. Будагова. Зденек Неedly и советская богемистика; М. Благинка. Уважение и доверие; А. Заводский. Некоторые идеи Зденека Неedly в нашем искусствоведении.

«Slavia», 1974, № 1

Я. Петр. Ф. Энгельс и славянская филология; Е. Кучерова. Славянские корелятивные глаголы перемещения (синхронное описание); Ю. Бегунов. Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция; О. Зилинский. Западноукраинские «гаивки, риндзивки» и древняя семантика весенних игр и песен.

«Slovenská literatúra», 1974, № 1

Ю. Ноге. Проблемы пролетарской прозы; С. Ракус. Проза Хорвата «Серебряная пыль»; В. Турчаны. Поэтика Петrarки.

«Slovenská reč», 1974, № 1

И. Ружичка. Основные черты и задачи словацкого языкознания; Л. Двонч. О словакизации иноязычных названий городов в словацком литературном языке; А. Пршо. Развитие значения глаголов *nadati*/*nadavat*; М. Майтан. О названии населенного пункта *Sul'a*; Н. И. Дзензелевская. Слова в детской речи в словацких говорах на территории СССР; Ю. Рыбак. О значении императивных форм глагола *ist*; И. Яцко. Заметки о моделях типа *dlaň* и *kost*; Я. Капа. О передаче двух особых исландских букв.

№ 2

М. Иванов-Шалингова. Творительный времени в словацком чешском языках; Ф. Буффа. О словообразовательных вариантах в словацких говорах; В. Бланар. Семантическая структура слов *pasruda*, *paskudník* в словацком языке; В. Игла. Из наблюдений над лексикой, связанной с проблемой заселения словаков; В. Грегор. О названии прославленной Нотры; П. Ондрус. Однородные обстоятельства в предложениях типа *Ostal vradu, pri plotr*; Л. Двонч. Ритмический закон в прилагательных, образованных от иноязычных географических названий.

«Slovo a slovesnost», 1973, № 4

В. Кржистек. Йозеф Юнгман. 1773—1973. В. Мацура. Иерархия оценок языков у Юнгмана и его современников; К. Горалек. Современное положение и задачи чехословацкого языкознания; Ш. Ондруш. Состояние и задачи славянского и сравнительно-исторического языкознания в ЧССР; П. Янчак. Оценка влияния родственного языка на словарный состав чешского диалекта (На материале чешских говоров в Даруваре в Югославии).

1974, № 1

К. Горалек. К характеристике фонологии чешского и словацкого языков; О. Зих. Заметка о логическом построении сходства; М. Кнапшова. О возникновении наречий из фразеологических сочетаний; И. Небеская. Заметка об обстоятельстве причины; Й. Штепан. Предложения с ценной зависимостью.

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР 11—14 декабря 1973 г. состоялся научный симпозиум по проблеме «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)» как очередной в ряду исследования процессов в эпоху перехода от феодализма к капитализму и становления наций, объединяемых общим наименованием «эпохи национального Возрождения». Однако настоящий симпозиум носил принципиально новый характер по сравнению с предшествующими: здесь исторические процессы национального Возрождения рассматривались главным образом в их преломлении в сфере культуры, в диалектическом взаимодействии исторических и культурных факторов и закономерностей, в свете тех качественных сдвигов, которыми национальное Возрождение заявляло о себе именно в сфере культуры.

У народов Центральной и Юго-Восточной Европы исторический процесс перехода к стадии капитализма и буржуазных наций, начавший отчетливо проявляться примерно к последним двум десятилетиям XVIII в., не только сопровождался мощным культурным взрывом, своего рода «культурной революцией», но нередко находил свое первоначально отражение и преломление в сфере культуры, которая на этой стадии также вступает в собственно национальный период своей истории. Историко-культурный аспект приобретает поэтому чрезвычайно важное значение для изучения закономерностей и специфики вступления этих народов в эпоху буржуазных наций, динамики, диалектики, общих и внутренних хронологических рубежей этого процесса и т. д. Кроме того, научные исследования и в сфере собственно исторической, и в сфере истории отдельных отраслей культуры — языка, литературы и искусства, фольклора и т. п. — приблизились к такой стадии, когда становится возможным выявить определенные общие закономерности и общие типологические черты в культуре отдельных народов на сходной стадии исторического развития, а также с большей научной основательностью осмыслить специфические особенности сходных в своем существе историко-культурных процессов

в данном регионе. Эта двойная цель — фронтальный обзор культуры в данную эпоху и ее типологическая характеристика — легла в основу научной программы симпозиума. Подобное направление научного исследования получило свое методологическое обоснование во вступительном слове директора Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. Д. Ф. Маркова «Комплексное изучение проблем национального Возрождения».

В симпозиуме, на котором было заслушано 43 доклада (из них 13 — на пленарных заседаниях), приняли участие специалисты разного профиля — историки, литературоведы, лингвисты, искусствоведы, фольклористы — из научных и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Львова, Дрогобыча, Петрозаводска. Основное внимание было сосредоточено на двух узловых моментах формирования национальных культур — его начальной стадии, или эпохе (этапе) Просвещения и на кульминационном этапе кануна буржуазных национальных революций, когда уже можно говорить о более или менее сложившейся системе национальной культуры со своим социально-историческим и теоретическим фундаментом. На пленарных заседаниях были представлены доклады преимущественно обобщающего характера, освещающие те или иные стороны процесса более или менее фронтально, на материале всего региона, подрегиона или группы стран; на секционных заседаниях, как правило, на более узком материале. Секций было две, они были образованы по региональному принципу: 1. Культура народов Центральной Европы (Польша, Чехия, Венгрия, Словакия), 2. Культура народов Юго-Восточной Европы (Балканский подрегион).

Программой симпозиума было предусмотрено возможно более многостороннее освещение заглавной проблемы как в ее социально-историческом, так и в историко-культурном (в особенности) содержании, прежде всего в пленарных докладах. Аналитический обзор современного состояния исследований в этой области и комплекса стоящих перед специалистами задач содержался в докладе В. И. Злыднева «Проблемы процесса формирования

национальных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы».

В докладе В. А. Дьякова «Исторические истоки и социально-экономические предпосылки национального Возрождения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» в главных чертах прослежено соотношение национального Возрождения у народов «к востоку от Эльбы» с «классическим» западноевропейским Возрождением и Просвещением — прежде всего с точки зрения закономерностей и факторов социально-экономического развития и порождаемых ими явлений в общественно-политической и идеологической области, ближе всего определяющей тенденции формирующихся национальных культур исторически более молодых наций Европы. В докладе была также дана характеристика самому содержанию эпохи национального Возрождения, предложена внутренняя периодизация (два этапа — Просвещение и этап открытой политической борьбы) и градация в соответствии с местными условиями по трем подрегионам — область Габсбургской империи, Османской империи и польские земли (сами по себе входящие в три государства), в каждом из которых национальное Возрождение обладало своей спецификой. Однако при всем том, подчеркивалось в докладе, явственно прослеживается общность в главном содержании и формах внешнего проявления формирования буржуазных наций не только в рамках одного подрегиона, но и между подрегионами и в отдельных его звеньях (например, между Польшей и Венгрией). Докладчик выдвинул в качестве основного метода решения узловых проблем национального Возрождения многоаспектность и комплексность исследования в региональном и проблемно-типологическом направлениях.

В ряде докладов, примыкающих по «историческому» профилю к докладу В. А. Дьякова, освещались конкретные, хотя и не менее значимые грани социально-экономических, идеологических и политических процессов, проблематика национального самосознания и общественного сознания (доклад В. А. Якубского и С. М. Стецкевича «Проблемы национальной революции в польской общественной мысли конца XVIII — начала XIX в.», Б. С. Попкова «„Восстание польского народа в 1830—1831 гг.“ М. Мохнацкого и его концепция национально-освободительной борьбы», Ю. А. Кожевникова «Развитие общественной мысли в Румынии в период подготовки революции 1848 г.»). Важные для выяснения зональной специфики, в том числе и историко-культурного развития, выводы содержались в докладах И. С. Достяна «Представление о национальной общности и различиях на Балканах в первой трети XIX в.» и И. И. Лещиловской «Социальные аспекты формирования национальных культур

тур югославянских народов в период Возрождения».

Мысль о необходимости и плодотворности комплексного типологического и сравнительно-исторического исследования культурного развития в регионе подержал и А. С. Мыльников в докладе «Место и роль культуры в становлении национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Возрождения». Определив понятие культуры как особой формы выражения общественного сознания, рассмотрев вопрос о связи культуры с языком как формой ее выражения, А. С. Мыльников делает вывод, что культура выполняла функцию организатора национального самосознания. Докладчик подробно остановился далее на следующих вопросах: структура или морфология культуры, в том числе выяснение основных компонентов — социального и этнического — и компонентов вторичного порядка — конфессионального, государственно-правового, регионального; функциональная роль культуры — интегрирующая и дифференцирующая функции. Исходя из сказанного, докладчик считает возможным выделить две главные типовые общности культуры эпохи национального Возрождения в регионе с условным названием — славяно-румынский тип и венгро-польский.

Доклад И. А. Богдановой «Просвещение как начальный этап формирования национальных культур» представлял собой опыт типологического рассматривания первого этапа культуры национального Возрождения в данном регионе по совокупности тех главных признаков, которые позволяют определить его как эпоху Просвещения — в содержании и характере мировоззренческой системы, в просветительской практике, в типе художественного сознания, в историческом сознании, в характере складывающейся культуры. В докладе отмечены, наряду с универсалистским характером идейно-философской системы, тенденции к национальному партикуляризму — и в опоре на исторические и культурные традиции своего и родственного этноса, и в движении за переход на национальный язык письменности, к национальным формам художественной культуры и т. д. В докладе была также поставлена проблема соотношения Просвещения в данном регионе с западноевропейским в трех аспектах: знакомство с идеями западноевропейского Просвещения, степень их распространения и уровень усвоения и их влияние.

Проблематика Просвещения рассматривалась в ряде других докладов на национальном материале — преимущественно народов Центральной Европы (А. В. Липатов — «Концепция национальной культуры эпохи Просвещения», Л. П. Солнцева — «Роль чешского театра эпохи Просвещения в национальном

движении», К. А. Шахова — «Венгерская литература „эпохи реформ“ (1825—1848) и традиции европейского Просвещения», К. И. Логачев — «Греческое просветительство XVIII — начало XIX в. и проблема письменного языка», Н. И. Хитрова — «Развитие культуры в Черногории в XIX в.», М. Я. Гольберг — «Взаимодействие просветительской идеологии и романтизма (на материале южнославянских литератур)» и другие.

Рассмотрению особенностей развития национальных культур на этапе непосредственной подготовки и проведения национальных революций был посвящен доклад Б. Ф. Стахеева «Романтизм и его роль в развитии национального самосознания и национальной культуры». В докладе было подробно обосновано исключительно важное значение романтизма в развитии национального самосознания, поскольку распространение романтизма, с его культом национальных культурных и исторических традиций, введением фольклора в эстетическое сознание и т. д., совпадает и взаимосвязано с формированием системы культурных институтов, организуемых и определяющих развитие самосознания и культуры. Выводы Б. Ф. Стахеева были поддержаны в докладе М. Я. Гольберга на материале южнославянских литератур.

Особенности развития художественной культуры в эпоху формирования наций получили освещение в докладе И. И. Свириды «К характеристике понятия „национальная художественная культура“, в историко-культурном плане: не только как формирование национальных черт в самом художественном творчестве, но и с точки зрения складывания национальных особенностей художественной жизни. Среди признаков национальной модели культуры были выделены следующие: прогрессирующий процесс демократизации культуры и преодоление сословных различий (при сохранении классового характера); формирование творческой интеллигенции; утверждение национального языка (литература, театр); слияние локальных школ искусства в единую национальную; зарождение эстетических идеалов, отвечающих национальным потребностям; развитие светских форм искусства.

В докладе «Художественное сознание эпохи национального Возрождения» С. В. Никольский на большом материале обобщил те важнейшие особенности художественного сознания, которые были обусловлены социально-историческими обстоятельствами и потребностями развития народов данного региона (наиболее подробно — на стадии предромантизма и романтизма), — такие как ярко выраженное национально-коллективистское и демократическое начало в содержании эстетического идеала, значительное присутствие гуманистических и утопических

идей, стремление к социальной типизации и т. д.

В. Е. Гусев (Ленинград) в докладе «Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов» дал определение фольклоризма как социально обусловленного и исторически развивающегося процесса освоения фольклора в иных видах культуры и охарактеризовал в различных аспектах два этапа в развитии фольклоризма рассматриваемой эпохи — просветительского фольклоризма и романтического. Выдвинутые докладчиком положения в отдельных конкретных аспектах нашли самостоятельное подтверждение и развитие в докладе Л. Н. Виноградовой «Интерес к народной культуре славян в польской фольклористике начала XIX в.».

Широкою панораму культурных обобщений и различные формы освоения мирового культурного опыта прошлого и современности осветил И. Ф. Бэла в докладе «Роль международных культурных связей в формировании национальных культур». В сходном аспекте на конкретном материале был выдержан доклад И. М. Порочкиной (Ленинград) «Становление национальных славянских литератур и русская периодическая печать первой половины XIX в.». Интересные факты сохранились в докладах И. А. Калоевой, Е. П. Наумова и И. В. Чуркиной.

Особенности формирования национальных культур были прослежены и в сферах отдельных отраслей культуры. Так, С. Б. Бернштейн в докладе «Формирование национальных литературных языков у народов Центральной и Юго-Восточной Европы» сообщил о результатах подготовленного коллективного исследования по данной проблематике и выделил основные типологические и специфические тенденции в этом процессе. В конкретном плане отдельные аспекты этой проблемы освещали на национальном материале Н. И. Толстой — «О начальном этапе славяно-сербской литературы и языка XVIII в.», Л. Н. Смирнов — «Вопрос о самостоятельном литературном языке на разных этапах словацкого национального Возрождения», К. К. Трофимович (Львов) — «Литературный язык как первоэлемент и средство развития национальной культуры лужицких сербов в первой половине XIX в.», Г. К. Венедиктов — «Роль болгарского языка в формировании национальной культуры в эпоху Возрождения», К. И. Логачев — в указанном выше докладе.

Значительное место заняла на симпозиуме проблема театра, в обобщенно-типологическом плане раскрытая в коллективном докладе А. А. Гершковича, Ю. И. Ритчика, Л. А. Софроновой — «Тенденции формирования театральной культуры в условиях становления наций у народов Центральной и Юго-Восточной Европы» и — на конкретном материале

польского (Л. А. Софронова) и чешского театра (Л. П. Солнцева, Л. Н. Титова, Л. Ф. Мельничук).

Роль и место изобразительного искусства в формировании национальных культур специально освещались в докладах Л. И. Тананаевой (польское искусство эпохи Просвещения), Е. П. Львовой и И. Н. Воейковой (болгарское искусство периода активизации национально-освободительной борьбы).

В различных историко-культурных аспектах рассматривались на симпозиуме формирующиеся национальные литературы региона, с точки зрения их значения, места и функции — главным образом в обобщающих докладах по общим проблемам формирования национальных культур, а на материале национальном — теми или иными конкретными сторонами: в связи с национальным самосознанием и в литературных взаимосвязях (Д. С. Прокофьева), в соотношении с другими видами художественной культуры (на чешском материале — А. П. Соловьева), с идейно-художественным опытом западноевропейского Просвещения (на венгерском материале — К. А. Шахова) и античных литератур (на чешском материале — А. А. Зайцева).

На симпозиуме состоялась научная дискуссия, как правило, завершавшая каждое заседание. В ходе обмена мнений выявились спорные и нерешенные проблемы — терминологии, хронологии, правомерности и методов типологического соотношения национального Возрождения в данном регионе с западноевропей-

ским Возрождением и Просвещением и другие. Наиболее спорным оказался вопрос о выделении этапа Просвещения в национальном Возрождении южных славян. Совершенно очевидно, что в этой области еще предстоит немалая работа.

Программа симпозиума была содержательной и интересной. В то же время симпозиум отразил и слабости, присущие данному —начальному в сущности — этапу комплексного исследования национального Возрождения в историко-культурном аспекте. При всей широте вынесенного на обсуждение материала отдельные отрасли культуры — в общей системе национальных культур — были представлены в значительной мере фрагментарно. И что особенно показательно для современного состояния разработанности данной проблематики, отдельные национальные культуры не получили своего раскрытия в качестве развивающейся, конкретно-исторической сложной многоструктурной системы. Очевидно, и в этом направлении еще предстоит большая исследовательская работа.

В целом же результаты симпозиума несомненно заслуживают самой положительной оценки. Главный его научный итог заключается в том, что он наглядно продемонстрировал важность историко-культурного аспекта в исследовании проблем национального Возрождения в данном регионе и необходимость решать эти проблемы комплексным путем специалистами разного профиля.

И. А. Богданова.

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ СССР И СФРЮ

С 7 по 10 октября 1973 г. в г. Будве (Черногория) состоялся VI съезд историков Югославии. Он был посвящен проблеме отношений между городом и деревней на протяжении истории. Работа съезда проходила на двух пленарных заседаниях и в пяти секциях (античная история и средние века; XVI—XVII века; XIX век и начало XX — до 1918 г.; с 1918 по 1941 г.; с 1941 по 1945 г.). На высшем форуме историков СФРЮ присутствовало свыше 1500 человек, в том числе гости из СССР, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Франции и ФРГ.

На пленарном заседании 7 октября с докладами выступили: д-р Вуйович «О специфических особенностях развития Черногорского государства», академик Б. Джурджев «Понимание Марксом противоположности между городом и деревней в истории» и профессор Б. Графенауэр «Проблемы деревни и города в истории народов Югославии».

В первый день работы съезда состоялась вторая межфакультетная конферен-

ция историков философских факультетов университетов СФРЮ. Ее участники пришли к выводу о необходимости создания постоянно действующей комиссии при Союзе обществ историков, которая бы выработывала рекомендации относительно единства программ, методики и методологии преподавания истории в высших учебных заведениях страны.

По инициативе руководства Союза обществ историков Югославии 9 октября было проведено совещание группы югославских историков и советской делегации. На нем были обсуждены различные аспекты сотрудничества между историками обеих стран. Все участники совещания единодушно высказались за создание советско-югославской комиссии историков.

В своем письме на имя вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева председатель югославской части комиссии д-р Д. Вуйович отметил следующее: «Уже длительное время существует плодотворное сотрудничество югослав-

ких и советских историков. В целом ряде взаимных контактов выражено пожелание и дальше всемерно развивать и укреплять это сотрудничество. Было констатировано, что этому способствовала бы совместная комиссия югославских и советских историков, которая бы периодически собиралась и обсуждала вопросы о сотрудничестве, а также интересующие обе стороны научные проблемы. С этой целью Союз обществ историков Югославии назначил десять членов югославской части комиссии. Во время работы VI съезда историков Югославии в г. Будве они обменялись мнениями о возможных формах сотрудничества с представителями советских историков В. Г. Карасевым и М. М. Сумароковой».

Национальный комитет историков СССР поддержал инициативу историков СФРЮ. 16 апреля 1974 г. Президиум Академии наук СССР утвердил состав советской части Комиссии историков СССР и СФРЮ во главе с директором Института истории АН СССР академиком А. Л. Нарочницким.

В своем письме на имя председателя Союза обществ историков Югославии профессора Б. Вранешевича академик

А. Л. Нарочницкий сообщил о сформировании советской части Комиссии и подчеркнул, что он полностью разделяет мнение югославских коллег о том, что работа Комиссии будет содействовать дальнейшему развитию научного сотрудничества между историками СССР и СФРЮ.

В начале мая состоялось первое заседание советской части Комиссии. На нем были рассмотрены проблемы, которые могли бы разрабатываться специалистами двух стран в рамках советско-югославской комиссии. Было решено предложить югославским коллегам совместными усилиями вести исследование в частности таких проблем, как «Политические, экономические и культурные связи народов СССР и СФРЮ с древнейших времен до наших дней», «Освободительное движение югославянских народов и России (XVII — XX вв)», «Боевое сотрудничество Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии в годы второй мировой войны».

Первое пленарное заседание Комиссии историков СССР и СФРЮ предполагается провести осенью 1974 г. в Москве.

В. Г. Карасев, М. М. Сумарокова

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ БОЛГАРСКИМ УЧЕНЫМ

Профессор Веселин Хаджиниколов известен как ученый-марксист, автор глубоких и обширных научных исследований в области экономической истории, экономических отношений между Болгарией и Россией до освобождения Болгарии от османского ига, периода освободительной войны 1877—1878 гг. и в более позднее время. Ему принадлежит книга «Общая история экономики» (София, 1963); он один из авторов и редакторов фундаментального труда «Экономика Болгарии», первый том которого вышел в 1969 г. под заглавием «Экономика Болгарии до социалистической революции». Более 25 лет ученый читает лекции по экономической истории в Институте им. Карла Маркса.

В. Хаджиниколов в содружестве с другими авторами принял участие в разработке проблем истории болгарского революционного профсоюзного движения. Много внимания В. Хаджиниколов уделил изучению истории Болгарской коммунистической партии.

Значительное место в научной деятельности В. Хаджиниколова занимает исследование болгаро-русских и болгаро-советских отношений. Почти за три десятилетия им написано две монографии, около 40 очерков и несколько десятков научно-популярных статей, посвященных этой очень важной проблеме.

Последние десять лет В. Хаджиниколов много времени и сил отдал освещению жизни и деятельности Георгия Димит-

рова. Он принимал участие в написании и редактировании первой научной биографии Г. Димитрова, выпущенной к его 90-летию, а также краткой биографии Г. Димитрова, предназначенной для иностранного читателя и широких читательских кругов в Болгарии. Кроме того, В. Хаджиниколов опубликовал ряд очерков о Г. Димитрове, а также последнюю свою книгу «Георгий Димитров и советская общественность. 1934—1945 гг.» (София, 1972). Эту монографию он и защитил как докторскую диссертацию.

Защита докторской диссертации проф. В. Хаджиниколова состоялась 25 X 1973 г. в Едином центре науки и подготовки кадров по истории при БАН. Официальными оппонентами на защите были акад. Ж. Натан, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР д-р ист. наук Л. Б. Валев и доц. С. Колев. Оппоненты особенно подчеркнули, что в выдвинутой на соискание ученой степени доктора исторических наук монографии В. Хаджиниколов исследовал мало изученный период жизни и деятельности Г. Димитрова — годы его пребывания в Советском Союзе, которые по своей насыщенности и значимости не уступают бурным и памятным месяцам лейпцигского процесса.

Труд В. Хаджиниколова, написанный на высоком научном уровне, получил заслуженную оценку в выступлениях, прозвучавших во время защиты диссертации.

ции. Выступая в качестве неофициального оппонента, проф. Л. Панайотов подчеркнул, что автор исследовал глубоко и всесторонне тот период жизни и деятельности Г. Димитрова, когда он являлся Генеральным секретарем Коминтерна и участвовал в разработке нового курса Коминтерна, политики единого антифашистского фронта. В монографии, — отметил Л. Панайотов, — разработаны важнейшие вопросы болгаро-советских отношений, над которыми В. Хаджиниколов работает в течение многих лет. Автор рассматривает не изученный до настоящего времени в исторической литературе вопрос об отношении советского народа к Г. Димитрову.

Проф. Б. Григоров отметил, что представленный к защите труд являет собой пример солидного аргументированного исследования жизни и деятельности Г. Димитрова. Проф. Д. Мичев подчеркнул, что книга явится ценным вкладом в более полное освещение и исследование теоретического наследия Г. Димитрова; что она показывает насколько и в наше время актуальна димитровская постановка вопроса о том, что отношение к СССР является критерием верности принципам пролетарского интернационализма. М.н.с. Белоусов высказал мнение, что диссертацию следует рассматривать не как продолжение биографии Г. Димитрова, а как самостоятельное научное исследование, в котором поставлены и разрешены важные с научной и политической точки зрения проблемы. Доц. И. Филов, высоко оценив научные достоинства диссертации, подчеркнул большие заслуги ее автора в воспитании и формировании молодых научных кадров.

На докторскую диссертацию В. Хаджиниколова получено 16 отзывов видных советских историков-болгаристов, обобщенное сообщение о которых сделал ученый секретарь Единого центра ст. н. с. Б. Матеев. В этих отзывах дается научная оценка как всего творчества диссертанта, которого авторы отзывов характеризуют как крупного болгарского ученого, пионера в исследовании болгаро-советских отношений, так и отдельных его исследований, получивших известность не только в Болгарии и СССР, но и в ряде других стран. Подробно останавливаясь на положительных качествах и научных достоинствах диссертации, авторы отзывов квалифицируют ее как фундаментальное исследование.

Ученый секретарь Единого центра зачитал отзыв на монографию В. Хаджиниколова, присланный членом Политбюро ЦК БКП и председателем Общенародного комитета болгаро-советской дружбы тов. Ц. Драгойчевой. В нем подчеркивается, что в болгарской исторической литературе период жизни и деятельности Г. Димитрова в Советском Союзе был недостаточно освещен. Поэтому научный труд В. Хаджиниколова можно оценить как чрезвычайно актуальный, в значительной степени заполняющий пробел в болгарской исторической литературе.

Оценив научные достоинства диссертационного труда, Ученый совет Единого центра науки и подготовки кадров по истории при БАН присудили проф. В. Хаджиниколову ученую степень доктора исторических наук.

Ангел Наков

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ И БАЛКАНЫ

Под таким названием в Болгарии осенью 1975 г. состоится Международная конференция ЮНЕСКО, проводимая в рамках Проекта по изучению славянских культур. Решение о проведении такой конференции было принято на консультативном совещании экспертов в Варне 9—12 апреля 1974 г. В совещании участвовали представители национальных комитетов по реализации Славянского проекта и научных центров из 15 стран — членов ЮНЕСКО: Болгарии, СССР, БССР, УССР, Югославии, Польши, Чехословакии, ГДР, Румынии, Австрии, Великобритании, Греции, ФРГ, Франции, США, а также представитель Секретариата ЮНЕСКО проф. В. Тюрин.

Подготовительная работа по организации совещания была осуществлена Институтом балканистики Болгарской академии наук и координационным Комитетом по Славянскому проекту БАН. совеща-

ние проходило под председательством директора Института балканистики БАН, заместителя председателя координационного Комитета по Славянскому проекту проф. Н. Тодорова.

Участники совещания единодушно согласились с тем, что на организуемой в 1975 г. конференции проблемы славянской культуры должны рассматриваться в широком контексте развития европейской культуры. При этом развитие южнославянских культур следует рассматривать в их взаимосвязях и взаимодействии с культурой других балканских народов, с культурой славянского мира в целом, а также с культурой народов Центральной и Западной Европы.

Совещание обсудило и одобрило программу будущей конференции, указав на особую необходимость комплексного и междисциплинарного подхода к обсуждению проблемы. Хронологические рамки

выносимых на конференцию проблем охватывают довольно широкий период — с IX в. до конца 70-х годов XIX в.

В качестве основных проблем будущей конференции совещание рекомендовало следующие:

I. Культура славянских народов IX—XIII вв. и ее место в развитии европейской культуры.

1. Славянская письменность на Балканах и европейский традиционализм.
2. Литературные связи между Византией, славянскими и неславянскими народами Балкан.
3. Традиции и новаторство в искусстве и архитектуре славянских народов.
4. Идеино-политический рост и место славянского мира между христианским Востоком и Западом.
5. Киевская Русь, Балканы и Византия в XI—XII вв.
6. Афон и развитие славянских культур.
7. Значение Великой Моравии для славянских культур.

II. Культура славян XIV—XVII вв. и народы Балканского полуострова.

1. Ренессанс в культуре балканских славян.
2. Общение в области культуры народов Юго-Восточной, Восточной и Западной Европы.
3. Деятели южнославянских культур в России XIV—XV вв.
4. Начало книгопечатания у балканских народов.

III. Формирование национальной культуры южных славян XVIII—XIX вв. в процессе развития европейской культуры.

1. Становление южнославянских национальных культур.
2. Идея славянского единства в процессе формирования национального сознания.
3. Взаимоотношения балканских народов в области культуры с Восточной и Западной Европой.
4. Роль России в культурном и национальном развитии балканских народов XVIII—XIX вв.
5. Культурные связи между Балканами и Польшей в XIX в.
6. Культурные центры южных славян на Балканах и за их пределами.
7. Место народной культуры в развитии национальной культуры балканских стран.

8. Южнославянские литературные языки и развитие культуры в эпоху национального Возрождения.

9. Борьба за национальное освобождение и развитие культуры южнославянских народов.

IV. Культура южнославянских народов в общекультурном процессе на Балканах.

1. Античное наследие в культуре южнославянских народов.
2. Византийское наследие в южнославянских культурах.
3. Культурные связи между мусульманами и немусульманами на Балканах.
4. Место и значение фольклора в балканском культурном процессе.
5. Искусство рукописной книги у южных славян.
6. Языковый союз на Балканах.

Для дискуссии за круглым столом выносятся две проблемы:

1. Периодизация культуры южнославянских народов в связи с развитием балканских стран.
2. Вклад южнославянских народов в общеевропейскую культуру.

Совещание рекомендовало привлечь к участию в конференции как можно более широкий круг ученых из славянских и неславянских стран. Было высказано пожелание, чтобы все участники будущей конференции представили тексты своих докладов к концу марта 1975 г. с тем, чтобы на самой конференции все участники располагали полными текстами докладов, а также в целях уделения большего внимания дискуссии по поднятым в них проблемам.

На заседании был заслушан также ряд информации о деятельности национальных комитетов по реализации Славянского проекта.

Участники совещания отметили целесообразность проведения подготовительных консультаций, направленных на повышение научного и организационного уровня международных конференций, и выразили признательность Секретариату ЮНЕСКО за организацию настоящего совещания.

По мнению всех участников консультативной встречи, совещание в Варне явилось важным шагом на пути дальнейшей интернационализации Проекта по изучению славянских культур и расширения его связей с различными международными ассоциациями и объединениями (Международный комитет славистов, Международная ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы), занимающимися изучением проблем мировой культуры.

В. И. Злиднев

ПАМЯТИ И. И. РЕВЗИНА

Скончался Исаак Иосифович Ревзин. Пройдет немало времени, прежде чем мы в должной мере сумеем ощутить всю глубину потери, постигшей нашу науку — славянское и общее языкознание. Но и сейчас уже мы видим и ощущаем, сколь значителен был вклад И. И. Ревзина в современную лингвистику, как важна была его роль в организации ряда крупных научных предприятий, в развитии новых направлений, в расширении горизонтов языкознания наших дней.

Германист по образованию, рано пришедший в славистику и преданно любивший ее, И. И. Ревзин всегда оставался верным своему основному — теоретическому — пути, независимо от того, шла ли речь о прикладных, на первый взгляд, подчиненных задачах, или о проблемах структурно-типологического, историко-генетического или семиологического плана.

Широкую известность и признание в нашем и зарубежном языкознании получил И. И. Ревзин своей книгой «Модели языка», которая была защищена в Институте славяноведения АН СССР десять лет тому назад в качестве докторской диссертации, а затем вышла в Париже, во французском переводе. Через несколько лет идеи этой книги развиваются дальше на большом славистическом материале в его следующей монографии — «Метод моделирования и типология славянских языков». Необыкновенная способность И. И. Ревзина к точному, абстрактно-логическому мышлению, привлекавшая к нему не только лингвистов, но и многих математиков, философов и логиков, выдвинула его в ряды наших ведущих филологов и грамматистов. Достаточно упомянуть такие работы, как «К логическому обоснованию теории фонологических признаков», «Основные единицы синтаксического анализа и установление отношений между ними», «К обоснованию лингвистической теории перевода», «К семантическому анализу степеней сравнения в славянских языках», «Формальный и семантический анализ синтаксических связей в языке» и др., чтобы понять, сколь значительна была роль И. И. Ревзина в формировании современных лингвистических представлений о структуре языка. Без И. И. Ревзина нельзя себе представить первого, пионерского периода в

истории отечественной математической лингвистики и машинного перевода.

И. И. Ревзин сразу же отдал себе ясный отчет в перспективности этих новых направлений и посвятил им все свои знания и всю свою энергию. В то же время он хорошо сознавал все трудности роста этой новой научной дисциплины и всегда был решительным противником догматизации и канонизации отдельных ее положений, задач и методов. Однако отнюдь не только историческое значение имеет его курс «Введение в математическую лингвистику», равно как и книга «Проблемы общего и машинного перевода» (написанная в соавторстве с В. Ю. Розенцвейгом).

И. И. Ревзин не принадлежал к немногочисленной группе лингвистов, которая стремилась в свое время противопоставить структурную лингвистику неструктурной. Свое отношение к этой проблеме он ясно выразил в статье «Структурная лингвистика и единство языкознания» (1965 г.). Не менее определенно тесную связь с традиционной лингвистической тематикой И. И. Ревзин продемонстрировал своим творческим путем в 60-е и 70-е годы, интересом к полесским диалектам, побудившим его поднять большую общезыковедческую тему о славянском и неславянском артикле, о славянских глагольных грамматических категориях, обращением к славянской надежной системе и через нее — к палеославистике и индоевропеистике. Целая серия статей, связанная с этими вопросами, отмечена живым творческим подходом, умением по-новому взглянуть на достаточно устоявшиеся, кажущиеся тривиальными факты и проблемы.

Умение сказать новое и услышать новое слово своих коллег было характерной чертой И. И. Ревзина, чертой, ярко проявлявшейся в период его многолетней деятельности в редколлегии журнала «Вопросы языкознания», на посту ученого секретаря сектора структурной типологии Института славяноведения и балканистики АН СССР, в его общении с учениками и друзьями, в его выступлениях на съездах, симпозиумах и конференциях в Москве, Гренобле, Тарту, Праге, Ленинграде, Горьком, Минске, Тбилиси и других городах. Этот же научный темперамент, интерес и доброжелательство ощущаются в многочисленных рецензиях,

касавшихся различных проблем: статистического аспекта словаря польского языка XVI в., болгарского стихосложения, синтаксической модели чешского ученого Л. Небеского, статистических и математических методов в лингвистике, разрабатываемых румынским ученым С. Маркусом, и др.

В последнее десятилетие, не оставляя своих основных занятий по грамматике и типологии, И. И. Ревзин много и плодотворно работал в области общих семиотических проблем. Его интересовала фундаментальная проблема соотношения грамматики, стилистики и поэтики, возможность применения структурных и статистических методов для определения понятия функционального стиля, использования математических методов при анализе драматургических текстов, формальный анализ сюжетосложения, грамматическая правильность поэтической речи, субъективная позиция исследователя в семиотике и ряд других проблем.

Прощаясь с И. И. Ревзиным, его друзья и ученики испытывали острое чувство прерванности, недосказанности всего того, что мог и хотел сказать нам покойный. Но и то, что осталось нам в наследство, очень значительно и цельно, в особенности если собрать его статьи, тезисы и заметки по отдельным разделам науки.

Любовь к науке сочеталась у И. И. Ревзина удивительным образом с любовью к людям и выражалась в редком умении слушать и понимать их, даже тогда, когда они придерживались противоположных взглядов. И. И. Ревзин искал общения со своими коллегами, и многие из них не представляют себе своего творческого пути без постоянных встреч и бесед с известным лингвистом. Для нас диалог с И. И. Ревзиным не окончился, и этому будут способствовать его многочисленные труды, оставшиеся нашему и будущим поколениям.

Н. И. Толстой

CONTENTS

- Dimitr Zulev* (Bulgaria). On the road of Socialism and Progress.
R. P. Grishina. The political situation in Bulgaria, spring — summer 1945. *Je. P. Pugach*. To the thirtieth anniversary of Slovak national uprising. *L. V. Lojko*. The growth of Polish working class during the socialist industrialization of the country (1950—1960). *B. N. Bilunov*. To the question of Luben Karavelov's contribution in Russian periodicals. *J. Svirida*. To the definition of a concept of «national artistic culture». *Karel Goralek* (Czechoslovakia). Jan Gebauer as theoretician of the Czech grammar. *K. J. Khodova*. Lexico-grammatical categories and grammatical units of noun in old-slavic language 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- L. S. Kishkin*. A Soviet writer's letter to Alois Irasek 89

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- M. Vlasova*. Socialist Poland's literary studies on Dygasiński. *T. J. Komkova*. M. Marko. Cierne na bielom. *J. J. Kostyushko*. V. M. Zajzef. The social and estate composition of 1863 Uprising's participants (an experiment of statistical analysis). *K. Lizkievich* (Poland). *W. i R. Sliwowsky*, Aleksander Herzen. *M. M. Freidenberg*. М. Спреміи. Дубровник и Арагонци (1442—1495). *M. A. Momina*. Theodor Lewandowski. Das mittelniederdeutsche Zweigespräch zwischen dem Leben und dem Tode und seine altrussische Übersetzung. 91

B i b l i o g r a p h y

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples' published in the Soviet periodicals in 1973. The contents of foreign periodicals 105

SCIENTIFIC LIFE

- J. A. Bogdanova*. Symposium on the problem of the national cultures' forming. *V. G. Karasjov*, *M. M. Soumarokova*. The Commission of the Historians of the USSR and SFRY. *Angel Nakov* (Bulgaria). Defence of the doctorate thesis by Bulgarian scientist. *V. J. Slydnev*. Slavonic cultures and the Balkans . . . 419
N. J. Tolstoj. In memory of I. I. Revzin 126

Технический редактор *Сенченко Т. Н.*

Сдано в набор 11/VI-1974 г. Т- 12275 Подписано к печати 13/VIII-1974г. Тираж 1250 экз.
 Зак. 753 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 13,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891

Издательство «Наука»

Готовится к печати книга:

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В НОВОЕ ВРЕМЯ.

Сборник статей.

21 л. 1 р. 65 к.

Хронологически сборник охватывает период со второй половины XVIII по 70-е годы XIX в. В нем содержатся статьи по развитию общественно-политических, социально-экономических отношений и истории освободительных движений польского, чешского, сербского, хорватского, черногорского, греческого и болгарского народов, прогрессивных связей между ними и Россией. Особый раздел работы посвящен историографии и источниковедению.

Книга представляет интерес для историков, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. К. Маркса, 29; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.